

народный журнал

№ 2, 2024

Северяне

НАШИ СИЛЫ НЕИСЧИСЛИМЫ

Удивительно, но факт: общее число северян превышает население Арктической зоны страны. Северяне – это ведь не только коренные тундровики – оленеводы и рыбаки, плюс постоянное население высокоширотных городов. Это ещё и многочисленные вахтовики, из года в год кочующие между Большой землёй и месторождениями; приглашённые специалисты – ещё не знающие, как трудно отпускает север; и наши уважаемые ветераны, посвятившие Ямалу не один десяток лет и проживающие сейчас кто в Тюмени, кто в Сочи.

ФОТО: АНДРЕЙ ТКАЧЕВ / «ЯМАЛ-МЕДИА»

Север не только очаровывает, он буквально перековывает человека на свой лад, придаёт его характеру особую закалку, корректирует взгляды на жизнь, воспитывает и т.д. и т.п. Поэтому очень разные и по происхождению, и по культуре люди нередко становятся схожими по сумме личностных качеств. Так стоит ли удивляться тому, что очередной номер «Северян», посвящённый нашим землякам – знаменитым и не очень, как минимум наполовину состоит из взаимодополняющих материалов. Их герои – цемент, скрепляющий ямальскую общность. И когда кто-нибудь из них уходит, мы ощущаем невосполнимую утрату...

Однако жизнь не стоит на месте, и в недалёком будущем северян может стать ещё больше. Во-первых, к этому располагают решения, принятые в Год семьи и детства на Ямале, во-вторых, Арктический регион привлекает всё больше туристов и новых друзей. И пока молодёжь со всего мира открывает для себя наши севера, мы удивляемся тому, сколь многого можем достичь сообща и даже в одиночку, если нас заряжает север.

Читайте в этом номере продолжение удивительных приключений экспедиции Вадима Шапиро, прошедшего со своей командой по маршруту Семёна Челюскина и братьев Лаптевых; очерк о подвиге кандидата лингвистических наук Григория Вербова, преодолевшего в сложнейших условиях 5700 километров по тундре и тайге; рассказ о полярном лётчике Степане Плесовских, успевшем послужить Родине в Египте ещё во времена арабо-израильского конфликта, и другие материалы, посвящённые трудному, но яркому жизненному пути наших земляков-северян. 🌐

**Главный редактор
«Народного журнала «Северяне»
Андрей Баландин**

СОДЕРЖАНИЕ

6

15

24

42

СТРОГАНИНА

- 6** **Нина ФАЛЬШУНОВА**
*Наследница реки Хонма
из рода Серасховых*

ПАМЯТЬ ОГНЕННЫХ ЛЕТ

- 12** **Юрий КАНЕВ**
На подступах к Берлину
- 15** **Владимир ЗАВODOВСКИЙ**
*Африканские приключения
полярного лётчика*

АРКТИЧЕСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

- 24** **Иван БЫЧКОВ**
Кто был первым северянином?
- 32** **Вадим ГРИЦЕНКО**
*По Таймыру и льдам океана,
или Обыкновенные приключения
необыкновенных людей*
- 42** **Татьяна ПОКАЛЬНЕТОВА**
Он ушёл к верхним людям

ИСТОРИЯ. ЛИЧНОСТИ. СУДЬБЫ

- 46** **Галина КАРЗАНОВА**
*Станислав Караченцев:
«Когда впервые увидел минералы,
я аж задрожал»*

- 57** **Иван БЫЧКОВ**
*Таёжные тропы и приключения
милиционера Буровцева*

- 65** **Андрей ДРОБИНИН**
Облава

- 78** **Наталья КОЛАБИНА**
Жила-была Пана

ШТРИХИ ВРЕМЕНИ

- 83** **Елена КУЗНЕЦОВА**
*За такую новость
и премии не жалко!*
- 85** **Юрий ТУТОВ**
Все там будем – в космосе!
- 87** **Андрей ПАВЛОВ**
*Самый романтичный день
в истории салехардской семьи*
- 88** **Андрей ДРОБИНИН**
*И только бандеровцы
ходили смурные...*
- 89** **Всеволод ЛИПАТОВ**
Набат над Обдорском
- 94** **Наталья МАССАЛЬСКАЯ**
Стихотворение

96

©МАЗ РАН 2024 / ГРИГОРИЙ ВЕРБОВ

ИСПЫТАНИЕ СЕВЕРОМ

96

Юрий КАНЕВ

*Подвиг Григория Вербова.
5700 километров по тундре
и тайге*

106

Вадим ГРИЦЕНКО

Лёшины поездки

112

Вячеслав СОФРОНОВ

Ханты-Питляр

©МАЗ РАН 2024

Обложка (стр. 1) – художественная работа Айрата Гайнанова «Девочка с куклой «Акань». 2005. Бумага, акварель / Предоставлено Новоуренгойским музеем изобразительных искусств

Обложка (стр. 2) – фото Марины Лонгортовой

Обложка (стр. 3) – фото Фёдора Воронова

Обложка (стр. 4) – художественная работа Олеси Бондаренко «Ранняя весна». 1995. Бумага, акварель / Предоставлено Новоуренгойским музеем изобразительных искусств

АНО «Ямал-Медиа»
629003, ЯНАО, г. Салехард, мкр. Б. Кнунянца, д. 1, каб. 106
Тел.: (34922) 4-27-19
E-mail: yamal-media@yanao.ru
Генеральный директор **Марья Андреевна Зулинова**

Народный журнал **Северяне**

№ 2 (99), 2024

Издаётся с 19 февраля 1999 года

Главный редактор **Андрей Вячеславович Баландин**

Над номером работали:

Марина Снегирёва	заместитель главного редактора
Галина Севли	художественный редактор
Ольга Юркевич	корректор

Адрес редакции:

629003, ЯНАО, г. Салехард, мкр. Б. Кнунянца, д. 1, каб. 106
Тел.: (34922) 4-44-77. E-mail: severyane@yamal-media.ru

16+

Соучредители: Законодательное Собрание Ямало-Ненецкого автономного округа (629008, Ямало-Ненецкий автономный округ, г. Салехард, ул. Республики, д. 72). Департамент внутренней политики Ямало-Ненецкого автономного округа (629008, Ямало-Ненецкий автономный округ, г. Салехард, пр-кт Молодёжи, д. 9, каб. 708)

Издатель: Департамент внутренней политики Ямало-Ненецкого автономного округа (629008, Ямало-Ненецкий автономный округ, г. Салехард, пр-кт Молодёжи, д. 9, каб. 708)

Отпечатано в типографиях:

АНО «Ямал-Медиа»,

Юридический адрес: 629003, Ямало-Ненецкий автономный округ, г. Салехард, мкр. Богдана Кнунянца, 1, каб. 106

Фактический адрес: 629007, Ямало-Ненецкий автономный округ, г. Салехард, ул. Чубынина, 39А

Тираж 300 экз. Заказ № 0455

ООО «Типография ФортДиалог»

620085, г. Екатеринбург,
ул. Монтёрская, д. 3/81А, оф.323
тел./факс (343) 228-02-32.

Тираж 7260 экз. Заказ № 2420253

Дата выхода в свет: 05.04.2024 г. Распространяется бесплатно.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ТУ72-00566 от 20 апреля 2012 г. выдано Управлением
Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций по Тюменской области,
Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре
и Ямало-Ненецкому автономному округу.

Редакция оставляет за собой право отбирать поступающий
материал для публикаций, а также сокращать и редактировать.
Рукописи и фотоснимки не возвращаются и не рецензируются.
При перепечатке материалов ссылка на «Северян» обязательна
(Закон РФ «О средствах массовой информации», ст. 42).

Полные версии каждого номера «Северян» можно найти на интернет-сайте
www.libraries-yanao.ru (корпоративный информационно-библиотечный портал ЯНАО),
на сайте **красныйсевер.рф** (общественно-политическая газета «Красный Север»)

СТРОГАНИНА

ИЛЛЮСТРАЦИЯ: ЛЮБОВЬ БУГУЗОВА

НАСЛЕДНИЦА РЕКИ ХОНМА ИЗ РОДА СЕРАСХОВЫХ

Нина ФАЛЬШУНОВА

г. Салехард

Мастер фольклорного жанра Антонина Сязи-Серасхова знаменита не только своими сказаниями, но и искусством кройки и шитья национальных хантыйских одежд. Все её работы созданы по старинным канонам и достойны музейной экспозиции. Некоторые из них мастерица представила на персональной выставке «Наследие реки Хонма» в Салехарде.

По словам Антонины Егоровны, каменистые берега Хонмы занимают в её жизни особое место.

– Испокон века здесь кочевали мои предки, и здесь же, в горах, я появилась на свет, – говорит наша собеседница. – Ну, а раз уж я пишу и собираю сказки, то одну из них посвятила Хонме. Вот послушайте... Как-то встретились все речки, и Хонма сказала: «Я – царь!» Все с ней согласились. По-хантыйски

Антонина Сязи-Серасхова, как мастерица по шитью национальной одежды, не раз участвовала в выставках, получала награды. Её литературные труды тоже были отмечены. В прошлом году она стала обладательницей премии губернатора Ямала в номинации «Художественная и документальная проза»

«хон» – это царь, а «ма» – «я». Хонма очень бурная, непредсказуемая, особенно весной, когда по ней каслают оленеводы. Она впадает в Сось и быстро выходит из берегов. Даже когда нет дождя, тёплая погода и в горах тает снег, Хонма может внезапно разлиться вширь. Тогда оленеводам приходится ждать, ставить неподалёку чум. По-современному эта река называется Ханмей...

Там, где прошла тысяча отважных

Отцова фамилия Антонины Егоровны – Серасхова – происходит от слова «щёрас». В переводе с языка ханты это означает «тысяча». По легенде, когда народ ханты шёл на север, от них отделилась тысяча парней, чтобы пройти более сложной дорогой – по другой стороне Уральских гор. Нелегко им пришлось – на пути встречались недружелюбные люди и дикие звери. Парни двигались по реке Сось и вышли к тому месту, где нынче стоит село Катравож. Народная память сохранила в фамилии слово «тысяча», чтобы помнить о предках, которые пришли на эту землю, ставшую родной для отважного и трудолюбивого народа ханты.

Все родственники героини – потомственные оленеводы, кочующие из года в год в Приуралье и чтущие традиции отцов.

– Бабушки, которая научила бы меня рукоделию, у меня не было. А я очень хотела, чтобы у меня была бабушка... Всему, что я умею, меня научила мама, нас у неё было семеро. Она шила с песнями, сказками, рассказами, и я рядом с ней садилась. Мы порой до глубокой ночи рукодельничали, меня не прогнать было, – вспоминает мастерица. – А ещё мама имела особый дар – она отлично подражала людским голосам, даже мужским. Мне эта способность передалась лишь отчасти. Но я люблю петь...

И хотя не было у нашей героини в детстве бабушки, зато с дедушками повезло – папин отец был большим знатоком фольклора ханты.

– Он был очень высоким, малоразговорчивым, зато с удовольствием рассказывал внукам народные сказки, а я их внимательно слушала, – говорит Антонина Егоровна.

Постепенно от мамы и от дедушки маленькая девочка набиралась вековой мудрости своего рода. Так и вышло, что она одинаково хорошо и сказки сказывала, и рукодельничала.

Говорящие орнаменты

– Едва в руки хантыйской женщины попадает шкура животного, она сразу представляет, какие орнаменты можно из неё вырезать, чтобы сшить красивую ягушку или крепкие кисы, – продолжает собеседница. – За шитьём мастерица обычно что-нибудь напевает, и время летит незаметно...

Чтобы одежда не пропускала иней, а также для красоты и большей выразительности узора, женщины стали применять в орна-

ФОТО: НИНА ОАЛЫШНОВА / «ЯМАЛ-МЕДИА»

Одежда и обувь сшиты вручную сухожильными нитями. Так шили много веков назад

менте сукно – обычно красного, белого, синего и жёлтого цветов. Сейчас часто используют бисер.

– Чем он хорош? Из него даже ребёнок может сплести узор. Но под бисером шкура не защищена, постепенно стягивается и начинает пропускать влагу. Не очень практично, – отмечает Антонина Егоровна. – Резать и подбирать эффектный орнамент из шкур намного сложнее, и он получается не такой яркий, как из бисера, зато хорошо защищает верхнюю одежду от влаги, не портит шкуру ягушки или малицы.

Мастерица сокрушается: хантыйские девушки неохотно занимаются пошивом национальной одежды. Кропотливый труд, связанный с выделкой и кроем шкур, тяготит современную молодёжь. Благо дочка Антонины Егоровны пошла по её стопам и охотно рукодельничает, продолжает традиции.

– Хантыйская одежда красочная, красивая, и это меня очень вдохновляет. Люди часто заказывают у меня национальную одежду, – присоединяется к разговору Анжела Вальгамова, дочь Антонины Сязи-Серасховой. – У меня два сына, супруг учит их мужским ремёслам. А мама передаёт секреты мастерства внучке Полине, которую с младенчества самостоятельно воспитывает.

Анжела замужем за Валентином Вальгамовым, руководителем фольклорного этнографического семейного ансамбля «Сумат нув» и мастером-изготовителем хантыйских национальных инструментов. Супруги живо интересуются историей своего народа, которая не всегда была безмятежной и гармоничной. Это лишь несведущим кажется, что на берегах Оби и горных рек издревле царили тишина и покой. Давным-давно и здесь случались раздоры – разные племена и народы, прежде чем научиться жить в мире, вступали в ожесточённые схватки. В такие времена орнамент служил важным средством коммуникации.

– Бывало, нападали на наших предков соседи, – говорит Антонина Егоровна, вспоминая родительские предания. – Тогда мужчины брали жён, детей, стада и уводили их далеко в лес. А на бересте оставляли орнаменты для сородичей. Царапали, например, «берёзовую веточку», «медвежью лапу», «глухаря» и знак своего рода. Когда идущие на подмогу мужчины видели такой орнамент, они понимали, что такой-то род отправился в берёзовую рощу, где есть медвежья тропа и глухариные уголья. Орнамент служил письменностью, которую понимали и могли прочитать лишь свои.

Одежду ханты до сих пор украшают такие письмена-орнаменты: двое солидных

ФОТО: НИНА ФАЛЬШУНОВА / «ЯМАЛ-МЕДИА»

В творческой встрече участвовал зять героини Валентин Вальгамов, известный в округе исполнитель песен на языках коренных народов Севера

ФОТО: НИНА ФАЛЬШИНОВА / «ЯМАЛ-МЕДИА»

ФОТО: ВАЛЕНТИНА САЗЫМОВА

Мастерица работает только со знакомыми орнаментами. Все её изделия самобытны и лаконичны

мужчин сидят и беседуют; соболь; зайчиха с зайчатами; мужчины на лошадях и многие другие.

О смысле узоров и праве на красоту

Народы Крайнего Севера веками формировали перечень запретов, многие из которых современному человеку покажутся суеверием. Но для людей, бережно хранящих свою культуру, это сумма опыта предков.

Так, на одной из творческих встреч гости заметили, что Антонина Сязи-Серасхова не носит нагрудное украшение – сак лопас. Мастерница пояснила: её муж родом из Приуральяского района, поэтому упомянутое нагрудное украшение ей носить нельзя, кроме тех случаев, когда его дарят.

– Сплести или купить такое украшение я не имею права, – говорит Антонина Егоровна. – Пример приведу. Мне нравятся платья женщин Шурышкарского района, и я бы легко могла такие сшить себе, но нельзя. Это запрещено. То же и с различными орнаментами. Очень нравятся югорские орнаменты, но я могу не знать, что они означают. Вдруг неправильно использую? Мне достаточно и тех орнаментов, которые использовали мои мама, сёстры, тётушки.

Чем дальше слушаешь мастерницу, тем интереснее становится. Недаром у Антонины Егоровны есть дар сказительницы – серьёзный багаж историй, сказок и преданий достался в наследство от предков. И хочется надеяться, что ещё не одну выставку своих работ она представит и не одну книгу напишет. 🌐

СТРОГАНИНА | ФОТОВЗГЛЯД

ФОТО: АЛЕКСАНДР РОМАНОВ

ФОТО: АЛЕКСАНДР РОМАНОВ

ПАМЯТЬ ОГНЕННЫХ ЛЕТ

ФОТО: АНДРЕЙ ТУШНЕВ / «ЯМАЛ-МЕДИА»

НА ПОДСТУПАХ К БЕРЛИНУ

Юрий КАНЕВ

г. Нарьян-Мар, Ненецкий автономный округ

*Навстречу им снаряды вьли,
Но танки шли, огнём слепя.
Всё сокрушали, всё давили,
Всё подминали под себя!
М. Небогатое*

В 1945 году ИСУ-122 была одной из самых мощных машин в мире – 46 тонн первоклассной уральской брони, лоб корпуса – 90 мм, орудие А-19 калибром 122 мм с боезапасом тридцать снарядов, дизель В-2 ИС мощностью 520 лошадиных сил. На такой свой последний бой принял ямалец Сергей Хатанзиев.

Сергей Яковлевич был уроженцем Обдорска (Салехарда), происходил из семьи ненецкого батрака. С 11 лет начал работать на рыбозаводе в посёлке Нанги¹.

По направлению райкома комсомола молодой человек с перерывами учился в Институте народов Севера в Ленинграде в 1928–1936 годах. Работал в Ямальском интегралсоюзе в 1933–1934 годах. Хорошо знал руководителей Ямало-Ненецкого округа и представителей Омского обкома партии. Вместе с ними строил новую жизнь.

С 1938-го по 1939 год Сергей Хатанзиев работал на Ямальской культбазе, слава о которой гремела по всей Омской области. Тогда же наш герой вступил в ВКП(б) и был приписан к Ямальскому военному комиссариату в звании политработника – за спиной образование, в то время ещё редкость среди ненцев.

Позже Сергей Яковлевич стал заместителем редактора газеты «Ударник Арктики», затем инструктором окружкома партии².

Война и «зверобой»

В Красную армию его призвали в декабре 1941 года. Меньше чем через год, 23 октября 1942-го, приказом по Волховскому

фронту ямалец получил лейтенантское звание. Ещё через год Хатанзиева направили в 3-й учебный полк Западного фронта, где он осваивал непростую специальность механика-водителя. Впереди ждала служба на могучем штурмовом орудии ИСУ-122, построенном на гусеничной базе знаменитого танка ИС-2 («Иосиф Сталин – 2»).

В народе эту машину называли «зверобой», а механиков-водителей – смертниками. В документах говорилось: «При поражении самоходной установки, как правило, всегда погибает механик-водитель, так как расположение левого топливного бака и коробки панорамного прицела над его головой не даёт возможности в случае горения машины своевременно её покинуть»³.

Снаряды в ключья рвали пушки

В апреле 1945 года 2-й батальон имени майора К. П. Ушакова 220-й Краснознамённой Гатчинской ордена Суворова 2-й степени танковой бригады, как и все войска 1-го Белорусского фронта, готовился к удару на Берлин с Кюстринского плацдарма. Это было славное соединение, с боями прошедшее от Ленинграда до Выборга, Пскова, Нарвы, и

¹ Нанги – рыбацкий посёлок, существовавший до 1937 года. Находился в 14 километрах от села Салемал.

² Морозов Ю. «Экипаж машины боевой» // «Полярный круг» от 16.04.2020

³ Андрей Уланов. «Недостаёт пулемётов...» // Warspot.ru, 13.11.2019

Советская тяжёлая самоходно-артиллерийская установка ИСУ-122 преодолевает водную преграду

редкий случай, когда бригада получила имя в честь героя обороны Ленинграда майора Ушакова.

От мехвода самоходного орудия зависело в бою очень многое, ведь наводка пушки производилась преимущественно корпусом. От того, насколько ювелирно он владеет машиной, зависела жизнь остальных членов экипажа.

Берлинская операция стартовала 14 апреля. После десятиминутного залпа «катюш» в 12:00 220-я танковая бригада, имея 27 танков Т-34-85 в первом эшелоне и 27 ИСУ-122 во втором эшелоне, ринулась в атаку, поддерживаемая штурмовыми группами пехоты. 25-килограммовые осколочно-фугасные снаряды самоходок в клочья рвали пушки, ДЗОТы с пулемётами, бетонные ДОТы. Трещала немецкая оборонительная линия!

В машине мрак и теснота.
Водитель в рычаги вцепился...
День, словно узкая черта,
Сквозь щель едва-едва пробился.

От щели, может, пятый час
Водитель не отводит глаз.
А щель узка, края черны,
Летят в нее песок и глина,
Но в эту щель от Мги видны
Предместья Вены и Берлина.⁴

Представлен к ордену

Несмотря на мощный огонь артиллерии и противотанковые мины 220-я танковая бригада боевую задачу выполнила: военный городок и станция Гольцов были взяты штурмом.

⁴ Стихотворение Сергея Орлова.

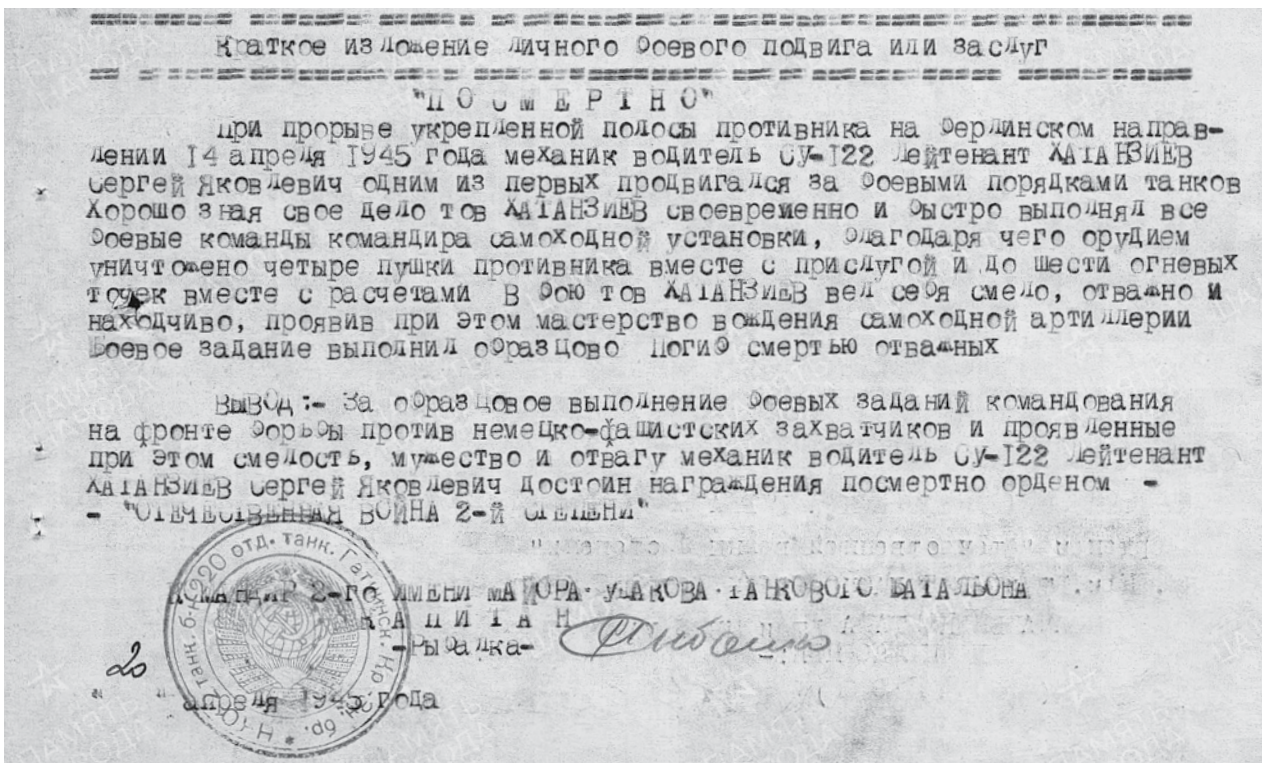
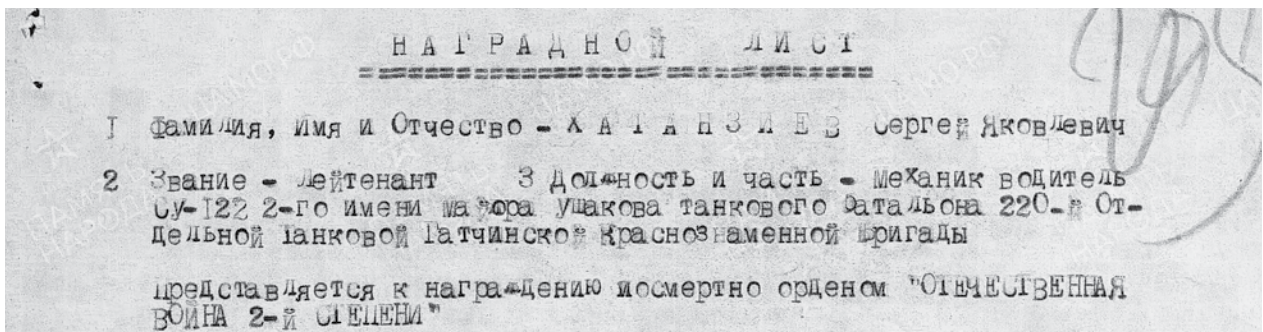
ПАМЯТЬ ОГНЕННЫХ ЛЕТ | СУДЬБА СОЛДАТА

Единственная германская пушка, которая имела возможность пробить толстую броню «зверобоя», – знаменитая «восемь-восемь» (88-мм универсальное орудие). Самоходка успела в этом бою уничтожить четыре вражеских зенитки. Но пятое орудие всё-таки всадило смертельный снаряд. В этом бою сгорели четыре ИСУ-122 – их экипажи погибли смертью храбрых. Одним из павших был лейтенант Хатанзиев. Посмертно его представили к ордену Отечественной войны 2-й степени: «Одним из первых продвигался за боевыми порядками танков. Хорошо зная своё дело, тов. Хатанзиев своевременно и быстро

выполнял все боевые команды командира самоходной установки, благодаря чему орудием уничтожено четыре пушки противника вместе с прислугой и до шести огневых точек вместе с расчётами. В бою тов. Хатанзиев вёл себя смело, отважно и находчиво...»⁵

Вместе с Сергеем Яковлевичем погибли заряжающий Жиганша Мухамедиев и командир орудия Андрей Пендюр. Их похоронили около станции Гольцов, и бригада пошла дальше, на Берлин.

8 мая 1945 года лейтенант Хатанзиев, как и его товарищи, был посмертно награждён орденом Отечественной войны 2-й степени. 🇷🇺

КОПИЯ ДОКУМЕНТА С САЙТА PAMYAT-NARODA.RU

Сергей Хатанзиев погиб, когда ему было 36 лет. Орденом Отечественной войны 2-й степени его наградили посмертно

⁵ Наградной лист С. Я. Хатанзиева // pamyat-naroda.ru

АФРИКАНСКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПОЛЯРНОГО ЛЁТЧИКА

Владимир ЗАВОДОВСКИЙ

г. Заводоуковск, Тюменская область

Лишь через восемнадцать лет после возвращения на Родину их признали участниками войны и даже выдали правительственные грамоты «За выполнение интернационального долга в Республике Афганистан». Хотя где Афганистан и где... Египет.

Простой колхозный парень Стёпа Плесовских о древних пирамидах не помышлял. На его родине, в тюменской деревне Рудаково, пределом мечтаний любого мальчишки была авиация, но, окончив в 1968 году школу, он поступил в тюменское ГПУ-7. Потом был призыв в Советскую армию, сержантская школа в подмосковной Электростали.

В ноябре 1969 года младший сержант Плесовских отбыл в Горький¹ – крупный научно-промышленный центр Поволжья. Будь в мире поспокойнее, он так и служил бы в одной из местных частей ПВО. Но «чисто случайно» попал в 250-й ОРТЦ «Спецназ» – отдельный радиотехнический центр.

У этого центра интересная история. Осенью 1968 года его направили в Демократическую Республику Вьетнам. Предполагалось, что его бойцы прикроют небо Ханоя от налётов американской стратегической авиации. Однако операция «раскаты Грома», проводившаяся ВВС США с марта 1965 года, себя уже исчерпала. Потеряв в общей сложности около тысячи самолётов и вертолёт², янки так и не смогли «вбомбить ДРВ в каменный век». Налёты прекратились, а 250-й ОРТЦ «Спецназ», доехав лишь до Приморья, отправился назад.

С августа 1969 года подразделение обеспечивало противоздушную оборону Горьковской ГЭС, а в конце января 1970 года на утреннем построении личному составу объявили: «Готовимся к маршу!»

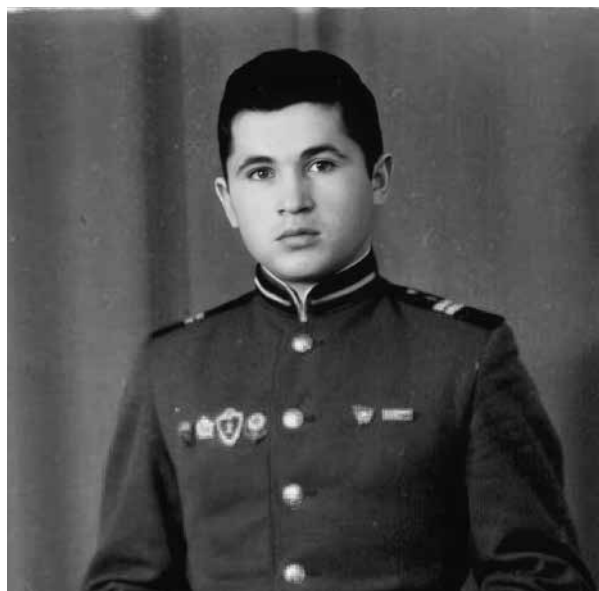

ФОТО ИЗ АРХИВА СТЕПАНА ПЛЕСОВСКИХ

Младший сержант Степан Плесовских, 1970 год

«Поехали на Кавказ, фараонов посмотрим!»

По официальной информации, ракетчикам предстояла командировка на учения «Кавказ», но «в народе» сразу поползли слухи, что ехать придётся в Африку. Центр доформировали из частей, расположенных в разных городах от Калуги и Орла до Верхнего Волочка, и поменяли 52-летнего «пожилого» командира на «молодого» подполковника Исмакова. Он был младше предшественника ровно на десять лет.

¹ Город Горький – сейчас Нижний Новгород. Имя писателя носил с октября 1932-го по октябрь 1990 года.

² Данные о потерях разнятся.

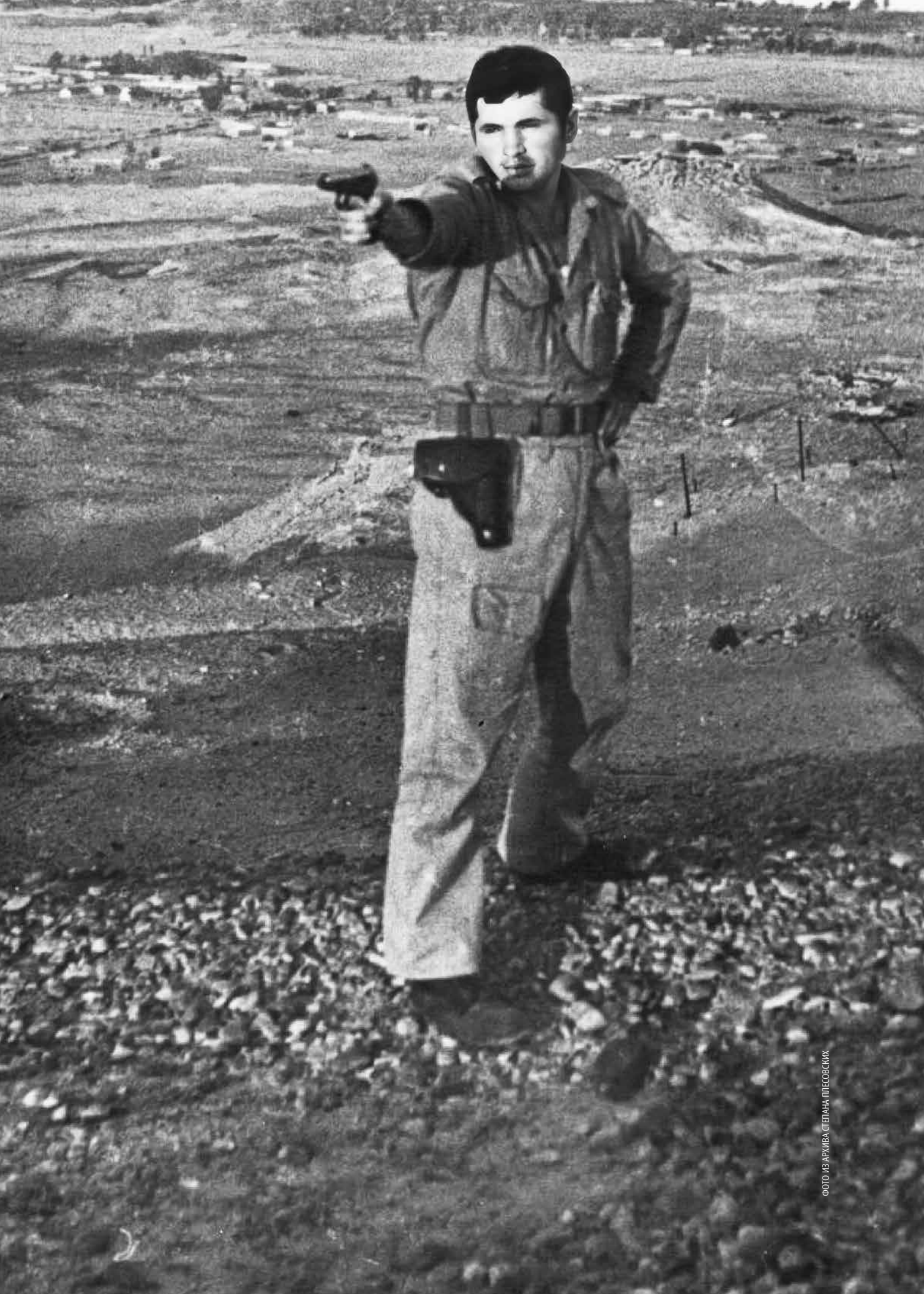

ФОТО ИЗ АРХИВА СТЕПАНА ПЛЕСОВСКИХ

Позже выяснилось, что наши специалисты, в том числе и новый командир центра, с начала года изучали в Египте обстановку и подбирали позиции для развёртывания систем ПВО.

А предыстория броска советских войск на север Африки такова. После поражения Египта в Шестидневной войне 1967 года под контролем (читай – оккупацией) Израиля оказался Синайский полуостров, Западный берег реки Иордан и Голанские высоты. Для египетского президента Насера, считавшегося лидером арабского мира, такое унижение было смерти подобно (причём в буквальном смысле, памятуя о восточных нравах). Поэтому боевые действия разной степени интенсивности за возвращение потерянных земель начались почти сразу после окончания неудачной войны.

Война на истощение

Египет сделал ставку на артиллерию и диверсантов, Израиль – на авианалёты. Начался вялотекущий египетско-израильский конфликт, получивший название «Война на истощение», и арабы в нём медленно, но верно проигрывали. Авторитет Насера пал и в арабском мире, и среди собственного населения. А когда начались израильские авианалёты на Каир, он обратился к правительству СССР, которое не могло позволить проиграть государству, напичканному советским вооружением. И вообще – Насер был нашим лучшим другом в тех краях, опорой социалистического лагеря, обласканным и награждённым.

«Отберите орден у Насера. Не подходит к ордену Насер», – пел Владимир Высоцкий по поводу вручения египетскому другу Золотой звезды Героя Советского Союза. Так что ответ на просьбу об оказании военной помощи этой арабской стране был предсказуемым и скорым.

Лучше Хока!

В феврале 1970 года сформировали 18ДОН – 18-ю особую зенитную ракетную ди-

визию, на вооружении которой стояли сдвоенные установки ЗРК С-125 «Нева» (хотя на фото тех лет чаще видны С-75), ЗСУ «Шилка» и переносные ЗРК «Стрела-2». Удивительно, но по некоторым данным, именно из переносного зенитно-ракетного комплекса советским бойцом был сбит первый израильский самолёт на египетском театре военных действий.

А едва ли не первым самолётом, сбитым в этом конфликте ракетой С-125 «Нева», стал... Ил-28 ВВС Египта. Вины наших военных в этом не было – египтяне заверили наших зенитчиков, что в зоне действия ракетной дивизии арабских самолётов нет, вот и поплавились за нерадивость. Они, кстати, очень легко отнеслись к этой потере и, по воспоминаниям ветеранов, восприняли её как подтверждение высочайшей эффективности советских ПВО.

Все арабские офицеры и солдаты, а их было сотни, которые видели, как был сбит самолёт, кричали: «Лучше Хока! Лучше Хока!»³

«Доктор, нас штормит»

– Хорошо помню, как 12-13 марта мы двумя эшелонами выехали из Горького и утром 16 марта прибыли в порт Феодосии, – рассказывает Степан Михайлович. – Стоит огромнейший сухогруз «Георгий Чичерин», только что спущенный на воду, но уже успевший сделать рейс в Египет с ракетчиками. Нас предупредили: советские деньги, фотографии, личные вещи не брать. Документы ещё раньше забрали, а в Горьком перед выездом всех сфотографировали в гражданских костюмах.

Вечером прибывших пропустили через «загон» – ширму, где раздели догола. На выходе каждому – спортивное трико, которое пузырится на коленях, две белые рубашки, импортный костюм, туфли и демисезонное пальто. Солдатам – береты, офицерам и сверхсрочникам – шляпы (это вам вместо званий). И вперёд, вдоль берега Крыма!

– В твиндеке⁴ буквой «П» были сварены трёхъярусные нары, – вспоминает Степан Плесовских. – За бортом минус один гра-

³ Александр Филоник. «Тогда в Египте...» Издание 2001 года.

⁴ Твиндек – междупалубное пространство внутри корпуса грузового судна.

ФОТО ИЗ АРХИВА СТЕПАНА ПЛЕСОВСКИХ

терпят, ждут своей очереди. А когда Босфор проходили, вообще никого наверх не выпускали...

– Камбуз рассчитан на 45 человек экипажа, а нас в трюме около трёхсот! – разводит руками ветеран. – Поэтому горячее было только раз в сутки, и то без супа. Второе и чай.

А потом в Средиземном море начался шторм, и лоцман отказался при такой волне заводить в порт Александрии сухогруз в полтораста метров длиной, набитый военной техникой и солдатами. И эти бедные, не продутые солёными ветрами солдаты двое суток качались на рейде, как на качелях.

– Что там было, это просто ужас! – горько смеётся Степан Михайлович. – Один лежит на нарах и стонет: «Доктора! Доктора!» А доктор, капитан Комиссаров, фронтовой врач,

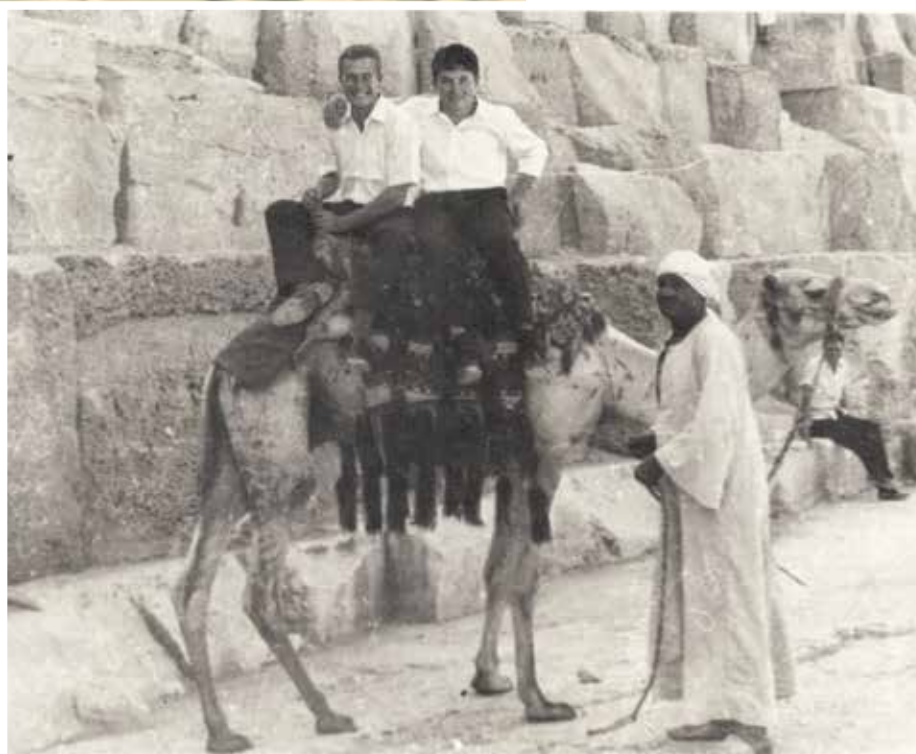

ФОТО ИЗ АРХИВА СТЕПАНА ПЛЕСОВСКИХ

Советские солдаты на великих пирамидах. Египет, 1970 год. Степан Михайлович – на верблюде справа

дус, у нас в трюме плюс семь. В углу разрезанная продольно труба, над ней соски умывальников. Это же и писсуар. Наверху приварен металлический гальюн, в который выпускали только по пять человек. Пока первые пойдут, пока накурятся, покайфуют на свежем воздухе, остальные

очень порядочный офицер, с соседних нар отвечает: «Иди ты... Мне тоже плохо. Я дал тебе таблетку, больше ничем помочь не могу».

Другие офицеры под шумок выменяли у экипажа на спирт места на раскладушках в каютах и смылись, а Комиссаров остался с личным составом. Фронтовик!

ФОТО: EVAGAS/SHUTTERSTOCK/ГОГОДОМ

ФОТО: PUBLIC DOMAIN

Советский зенитный ракетный комплекс С-75 на боевой позиции

Военспецы и оборванцы

Только к обеду 23 марта, по словам собеседника, раздвинулись верхние створки трюма, и измученные бойцы увидели африканское солнце. Тут же подали «бешеную лестницу» – трап с перилами, а уже на причале прозвучала команда: «Проходите в ангар!»

Там грудями лежала египетская военная форма песчаного цвета. У каждой кучи – табличка с ростовкой.

– Я подхожу к своей «170», но араб меня посылает к большим размерам и руками показывает: мол, постираешь, форма уся-

дет, станет меньше, – с улыбкой вспоминает Плесовских. – Пошита она была, конечно, на скорую руку. Смотришь, ниточка торчит. А потянешь её – пуговица отпадёт. Сильнее дёрнешь – манжета отвалится, а потом и весь рукав. Через сутки мы все как оборванцы ходили.

Разгрузили аппаратуру, за день сформировали две армейские автоколонны, съели выданный суточный сухпай, которого молодому организму на один зубок, и ночью двинулись...

– В каждую машину посадили по одному солдату для сопровождения и приказали

внимательно следить за грузом, потому что двигавшаяся раньше нас колонна ракетчиков в пути две машины с боеприпасами потеряла. Арабы умыкнули, – вновь смеётся Степан Михайлович.

«Стоит гора Эль-Мокаттам. Теперь служить мы будем там...»

...Безжизненное горное плато на юго-востоке от Каира. Холмы Мокаттам. В трёхстах метрах начинается частная застройка, вдали скрыта маревом пустынной жары столица Египта. В хорошую погоду видна стоящая на берегу Нила телевизионная башня. Здесь предстояло провести следующий год жизни специалистам центра.

Ведение радиопереговоров на русском языке было запрещено сразу, и радиовзвод Плесовских оказался не у дел. А так как большинство позиций, тем более бытовые условия, подготовлены не были, то радистам с первых дней пришлось не служить, а работать.

– Вкалывали как рабы на строительстве пирамид, – откровенничает ветеран. – До двух часов ночи работаешь, а в семь утра уже подъём. Потом начались дежурства сутки через сутки.

Всякие звания были запрещены – обращались друг к другу только по имени-отчеству. Впрочем, бойцы званий новых офицеров и так не знали. Отцов-командиров от других военнослужащих отличали по возрасту и кепке-картузу с околышем «как у Жириновского».

Жил весь рядовой и сержантский состав первое время в палатках. Днём они сильно нагревались под африканским солнцем, к тому же стояли на неровном месте, оттого спали наискосок – то ноги выше головы, то наоборот. Это уж кому как больше нравилось. Запросто можно было во сне получить по башке ногой товарища. Но случилось и похуже...

– У нас в Союзе на вооружении были карабины СКС, а в Египте выдали автоматы АКМ, – рассказывает Степан Михайлович. – Стоявший в наряде солдат баловался с оружием и случайно выстрелил...

А в расположении радицентра огромным штабелем 15 на 12 метров лежали различные боеприпасы. Из всей защиты – только масксеть. Автоматная пуля попала в снаряжённую коробку крупнокалиберного зенитного пулемёта.

– Я сам видел эти простреленные патроны, – говорит Плесовских. – Один пробит насквозь, второй задел по касательной, а у третьего вырван капсюль. В нём выгорел весь порох, но детонации не произошло.

Большой беды удалось избежать чудом. После этого ЧП все боеприпасы растащили по кунгам или попрятали в овраги, которыми была изрыта местность вокруг.

А 1 мая случилось новоселье – переехали в «цивильные» землянки, которые солдаты сразу прозвали «бунгало». Это новое «комфортное» жильё представляло из себя вкопанный в землю сваренный железный каркас, обтянутый рубероидом и сверху засыпанный песком. Так прошёл май, июнь, июль...

Кто усердно трудится, тот хорошо отдыхает

– Мы долго ждали пополнение из Союза, а его всё нет, – вспоминает ветеран. – Интересный факт, но мы получали советскую прессу в день её выхода, после обеда. Газеты доставляли с Родины самолётами. В один из дней нам довелось читать правительственное опровержение на заявление США по поводу нашего участия в этой войне. Мол, всё это ложь и провокация: советских военнослужащих в Египте нет. Между тем выяснилось, что наше пополнение задержали в Николаеве, а секретная аппаратура пришла вовремя, и на ней должен был кто-то работать.

– Приглашает меня командир и даёт команду: «Назначаешься в расчёт. Неделя тебе, чтобы научиться работать на этой аппаратуре», – улыбается Степан Михайлович.

Одна советская станция радиоразведки РСР-5 к этому времени была уже развёрнута в зоне Суэцкого канала. Это хоть и близко к противнику, опасно, но аппаратура ловила всё в радиусе 360 градусов, и чтобы не отрабатывать дружественный фон, её выдвинули далеко вперёд. Теперь всё, что ловится впереди в секторе 180 градусов, – противник.

Получаемая информация незамедлительно отправлялась в Главное разведуправление.

– Мой первый выезд был на Аравийский полуостров, в Порт-Саид, как раз там я отметил свое двадцатилетие, – продолжает наш герой. – Командир попался хороший, он каждое утро распределял, кого на пульт, кого на дежурство, а остальных – в кузов и на море, купаться.

Обмен «любезностями»

С прибытием советских военных события на Аравийском полуострове развивались стремительно. 30 июня был сбит первый, считавшийся неуязвимым американский «Фантом». 18 июля наступил чёрный день для нас – во время воздушного налёта погибли два расчёта ЗРК. В конце июля (предположительно 31 июля) в одном воздушном бою израильтяне сбили сразу четыре МиГ-21 под управлением, по некоторым данным, советских лётчиков. Есть серьёзные основания предполагать, что со

стороны арабов произошла утечка информации (очень мягко говоря) и наши «миги» попали в воздушную засаду. А уже 3 августа между Египтом и Израилем было заключено временное перемирие, неоднократно продлевавшееся вплоть до возобновления активных боёв в 1973 году.

Итого с 30 июня по 3 августа 1970 года советскими ракетчиками в небе африканской страны было сбито тринадцать израильских самолётов – ровно столько, сколько египтяне сбили за предыдущие два года войны. Израильтяне после этого ещё летали, но высоко и далеко...

Домой с комфортом

А сержант Плесовских за свой африканский год службы проехал вдоль всей линии египетско-израильского конфликта: Исмаилия, Порт-Саид. В октябре добрались до Суэцкого залива и чуть-чуть не доехали до любимой русскими туристами Хургады. Побывали у здания Управления Суэцким ка-

Под Полярной звездой Степан Плесовских (первый справа) отлетал 38 лет. С коллегами у вертолётки Ми-8

ФОТО ИЗ АРХИВА СТЕПАНА ПЛЕСОВСКИХ

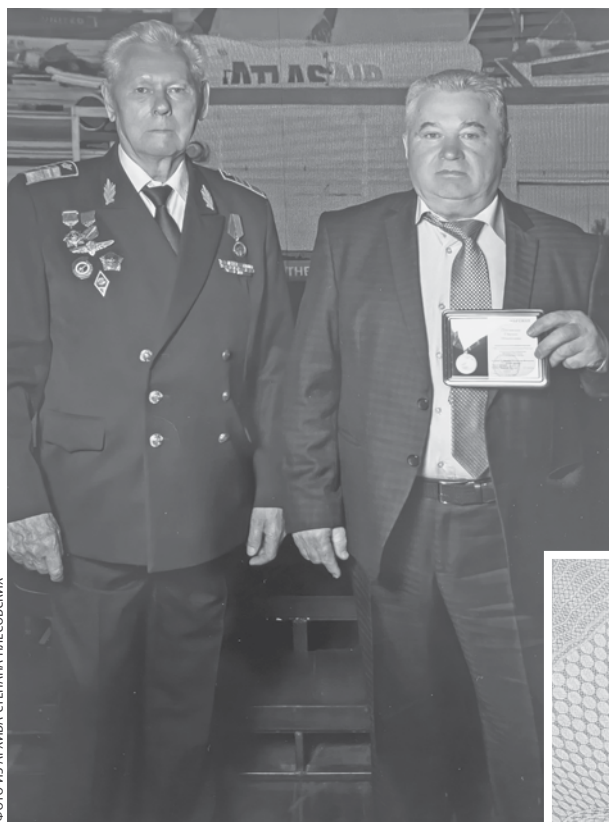

ФОТО ИЗ АРХИВА СТЕПАНА ПЛЕСОВСКИХ

Участником войны Степана Михайловича (справа), как и его сослуживцев, признали не сразу. Награды он получил много лет спустя

ФОТО ИЗ АРХИВА СТЕПАНА ПЛЕСОВСКИХ

От Полярной звезды до созвездия Южный Крест

После армии Степан Плесовских наконец исполнил мечту детства и поступил в Омское лётно-техническое училище. Незадолго до выпуска встал вопрос о распределении.

- Поедешь к себе домой, в Ишим, – заявили нашему герою.
- А я хочу на Север, – возразил новоиспечённый лётчик.
- Ну тогда в Тобольск.
- Что ж это за Север? Я в Тазовский хочу.
- А в Тазовском мест нет.

налом, насквозь прошитого израильскими НУРСами (десятилетия прошли, а привычка бить по гражданской инфраструктуре осталась). Новый, 1971 год ракетчики встретили на горьких озёрах в Файиде, где 2 марта Степана освободили от дежурства, а уже в международный женский праздник он был в порту Александрии.

Вот так спустя ровно год Степан Плесовских со своими товарищами вновь оказался на палубе теплохода. Обрато пылы уже с комфортом – в уютных каютах суперлайнера «Иван Франко» с кинотеатрами, ресторанами и кафе. И даже билеты на руки выдали!

– По возвращении на Родину с нас взяли подписку о неразглашении – она давно утратила силу, и пообещали предоставить отпуска. Был разговор и о наградах. Нам заявили, что из-за неправильно оформленных документов положенные ордена и медали мы получим позже, через военкоматы. «Награды всех найдут!» – успокоили тех, кто сомневался. До сих пор ищут.

Не было мест и в Салехарде, и в Надыме. А вот на Мысе Каменном были, только...

– Там пограничная зона, тебя туда не пустят, – ответили в отделе кадров. Но через четыре дня Плесовских принёс погранпропуск и отправился к новой жизни в Заполярье.

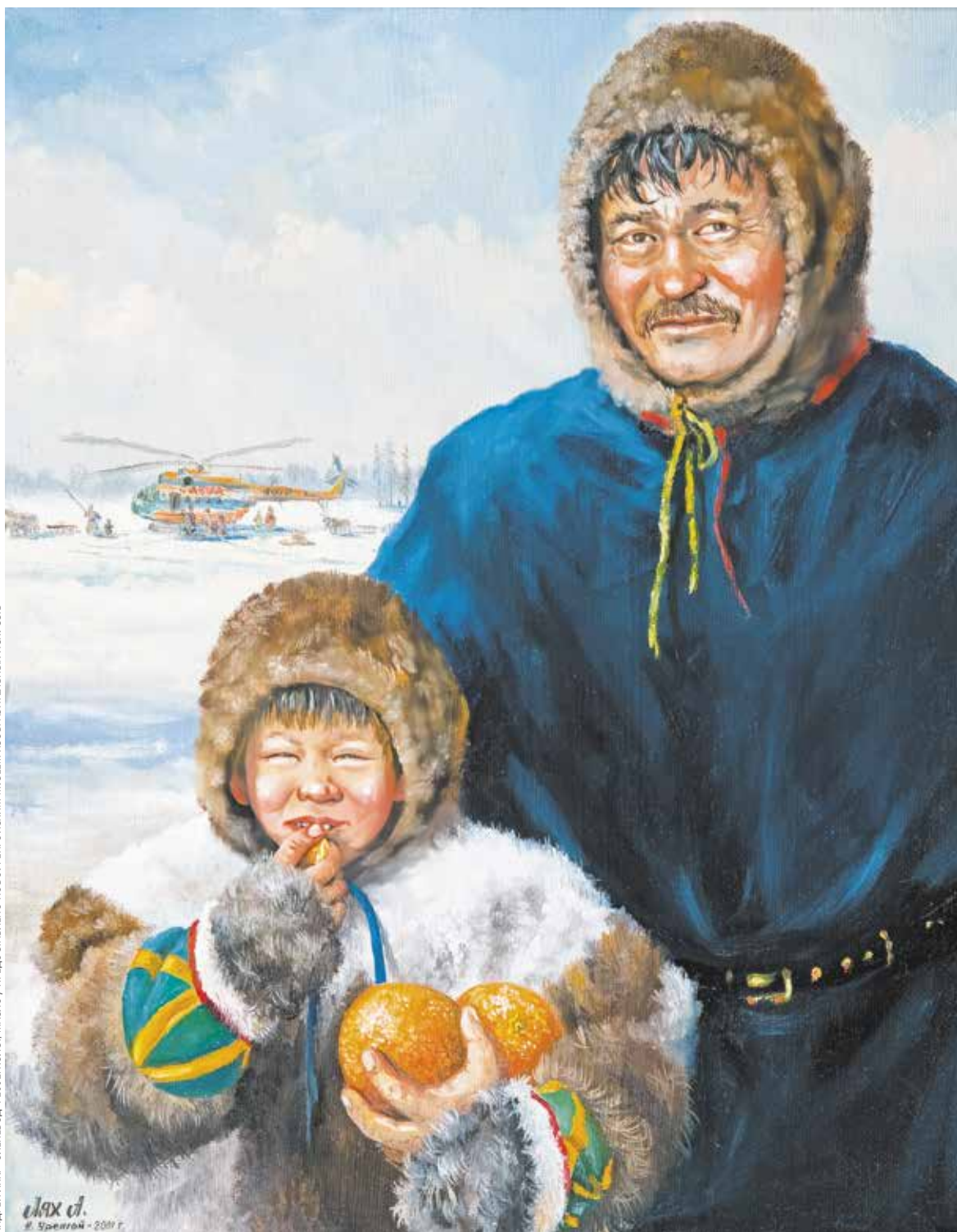
Он отлетал под Полярной звездой 38 лет, освоив самолёты Ан-2 и Ту-134, а потом вертолёт Ми-8. Общий налёт лётчика 1 класса Плесовских составил 17 583 часа – больше двух лет жизни! Если считать по старым нормативам, где 144 часа в небе приравнивались к году службы, то за его плечами около 120 лет лётного стажа.

С Мыса Каменного Степан Михайлович перевёлся в Надым, потом в Урай, после чего вновь вернулся в заполярный посёлок на берегу Обской губы.

В Африку он тоже вернулся, отлетав под созвездием Южного Креста в беспокойном Кот-д'Ивуаре почти два года.

Но это уже совсем другая удивительная история... 🌐

АРКТИЧЕСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

АНДРЕЙ ЛЯХ. «СОЛНЕЧНЫЙ ОСТРОВ». 2002. ХОЛСТ, МАСЛО / ПРЕДОСТАВЛЕНО НОВОУРЕНГОЙСКИМ МУЗЕЕМ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ

КТО БЫЛ ПЕРВЫМ СЕВЕРЯНИНОМ?

Иван БЫЧКОВ

г. Тюмень

Удивительно, но факт – люди очень по-разному представляют себе северян. Для одних это русские сибиряки-охотники в тридесятom поколении, для других – героические геологи-первопроходцы, для третьих – все пожившие в Заполярье вахтовики. Ну а для нашего региона самые-самые северяне – это, конечно же, тундровики – рыбаки и олениводы, веками кочующие по бескрайним просторам Ямала.

Северянин – понятие ёмкое, многогранное, но когда встаёт вопрос о том, кто же был самым-самым первым на северах, число претендентов на это званиекратно увеличивается! Уж очень далеки и те и другие от первого замёрзшего в высоких широтах охотника за мамонтами...

ФОТО: АЛЕКСАНДР РОМАНОВ

ФОТО ПРЕДОСТАВЛЕНО ЕВГЕНИЕМ ТРЕТЬЯКОВЫМ

По словам Натальи Матвеевой, ямальская тундра с археологической точки зрения изучена слабо

Вопрос первенства всегда был значим и для религии, и для истории, и для политики. Если в большинстве случаев однозначный ответ существовал хотя бы в теории, то с северянами всё гораздо сложнее. Чтобы составить приблизительное представление о том, кто первым из древнейших прошёлся по предгорьям Полярного Урала и спустил лодку на обские волны, понадобится подробнейшая интерактивная карта рас и племён – кочующих, воюющих, торгующих, смешивающихся друг с другом и навсегда исчезающих с карты мира. Но даже тогда, глядя на многоцветный калейдоскоп культур и народов, мы вряд ли ответим на волнительный вопрос: кто же был первым северянином?

А пока одни бьются над этой загадкой, или, напротив, считают, что и так всё понятно, представим в популярной форме базу – эдакие краугольные камни истории, опираясь на которые учёные пытаются выстроить картину зарождения северной цивилизации. В этом нам поможет руководитель лаборатории археологии и этнографии ТюмГУ, доктор исторических наук Наталья Петровна Матвеева.

– Человек здесь появился ещё в палеолите¹, – рассказывает наша собеседница. – В Западной Сибири достоверно известны археологические памятники 20-50-тысячелетней давности. Больше всего их, как ни странно, относится к пику последнего оледенения!

Раньше наука изучала в Сибири по большей части историю праиндоевропейских народов. Но именно наш регион, включающий Ямал, Югру, Тюменскую и Курганскую области, а в некоторые периоды более обширные территории, на протяжении целых эпох служил плавильным котлом общностей и народностей. Не зная административных границ, люди мигрировали с юга на север и обратно в зависимости от климата.

Наталья Петровна не зря заостряет внимание на этом факте. Конечно, до наступления холодов здесь бродили мамонты, а за ними гуськом – охотники. А ещё ранее в тех же краях плескалось ласковое Западно-Сибирское море (см. «Северяне» № 1, 2024 г.). Но вместе с тем считалось, что в самый разгар оледенения всю эту территорию по самый Казахстан сковывали ледники. Разумеется, на них ничего не росло, и лишь в краткие периоды оттепели появлялись озёра, болота и бурные реки. Оттого эпоху каменного века в Сибири изучали слабо – считали, что нечего изучать.

– А потом в районе Ханты-Мансийска в болоте нашли мамонта, – напоминает о важнейшем открытии Наталья Матвеева. – Причём мамонт тот не утонул, а был убит древним охотником. В его позвоночнике обнаружили каменный наконечник. Датировка – тринадцать тысяч лет! А это значит, что никакого ханты-мансийского моря, как ранее предполагали учёные, в то время там не было.

Много памятников каменного века, по словам нашей собеседницы, открыто по восточному склону Урала, особенно в Кондинском районе Югры. Но это всё кратковременные стоянки групп бродячих охотников, не оставивших после себя серьёзных следов, тем более жилищ и поселений. Из-за малой численности они быстро вымирали, но на смену им приходили новые ватаги с юга.

¹ Палеолит – первый исторический период каменного века с начала использования первых колотых каменных орудий гоминидами (около 2,6 млн лет назад) до появления у человека земледелия приблизительно в 10-м тысячелетии до н.э.

– Мы пока слабо представляем, как развивалась культура той эпохи, – подчёркивает профессор. – Погребений нет, а потому нет материальных следов. Была найдена лишь 45-тысячелетняя кость так называемого усть-ишимского человека (см. «Северяне» № 1, 2023 г.). Это уже человек современной физиологии – сапиенс. Думаю, все главные находки эпохи палеолита ещё впереди.

Мамонты уходят на Север. Люди – тоже...

А что творилось в этих краях в эпоху мезолита²? Пик каменного века! Период таяния ледников – расцвет природы и человечества. Флора и фауна сменились, люди вышли из пещер. Появились шалаши и кожаные палатки. Мамонты подались далеко на Север (кстати, последние находки на острове Врангеля подтверждают, что эти доисторические животные бродили там ещё пять тысяч лет назад). Им на смену с юга пришли олени, лоси, кабаны.

– С появлением более подвижных, чем мамонты, зверей потребовались иные способы охоты, а также лук и стрелы, лодки, лыжи, сани-волокуши, а позже просто сани, – продолжает увлекательный рассказ Наталья Матвеева. – На востоке Сибири появились собачьи упряжки, а в западную пошёл мощный приток населения из Средней Азии.

Вообще, среднеазиатские регионы всегда были демографическим ресурсом Сибири. На югах, где мягче климат и плодороднее земли, народонаселение росло быстрее, выбрасывая излишки на север. Плюс миграция с территорий Северного Прикаспия и Южного Урала – археология это прослеживает по особенностям форм каменных изделий.

– В это время численность населения возрастает, но опять же нет могильников и трудно достоверно сказать, что это были за народы и какого вида, – поясняет Наталья Петровна. – Их морфологические особенности нам неизвестны.

В общем, учёным ещё предстоит разобрататься в мешанине общин, народностей и

рас той эпохи. Ожидать можно любые выводы. Ведь тогда в Средней Азии проживали даже народы негроидной расы, которые потом куда-то делись...

Волжские корни финно-угров

Куда лучше изучен новый каменный век, пришедший в Западную Сибирь в VI тысячелетии до нашей эры. А стоянки периода энеолита (III тысячи лет до нашей эры) находятся во всех районах юга Тюменской области. Большинство – под Тюменью, у системы из пяти озёр, соединённых протоками. По названию одного из них эта археологическая культура именуется «Андреевской». Относящиеся к ней люди жили оседло. Они практиковали рыбную ловлю с помощью ловушек, добычу хранили в специальных ямах, где она квасилась. Такие же ямы найдены, например, на озере Мергень возле Ишима, ведь соль, судя по всему, человеку той эпохи была ещё неизвестна.

Оседлый образ жизни подвиг древних людей на строительство больших хорошо утеплённых домов-полуземлянок и сооружение примитивных лодок, благодаря которым были освоены обширные территории. Так, на болотине в тюменском микрорайоне Тарманы найдена древняя стоянка «Сосновый остров», по имени которой назван целый период конца неолита – сосновоостровский.

Культура того периода отличалась особым способом украшения керамической посуды и уникальными грузилами рыболовных снастей. Найдены глиняные фигурки божков, людей, змей – тогда поклонялись природе.

– На протяжении всего неолита сюда шёл приток населения из Средней Азии и Восточной Европы. Некоторые из местных культур того времени имеют сходство с волго-окскими, что говорит о начале формирования финно-угорского населения, – рассказывает Наталья Петровна.

– А в бронзовом веке происходят вообще колоссальные изменения! – продолжает про-

² Мезолит – средний период каменного века, промежуточный этап между палеолитом и неолитом. Его датировка варьируется в зависимости от региона. Так, на Ближнем Востоке он начался около 15 тыс. лет назад и уже около 12 тыс. лет назад сменился докерамическим неолитом. На большей части Европы мезолит был сменён неолитом около 5 тыс. лет до н. э. Ряд культур мезолитического типа исчезли совсем недавно (индейцы юга Калифорнии, пигмеи) или продолжают существовать сейчас (бушмены, аборигены Австралии, ряд групп индейцев Амазонии).

фессор Матвеева. – С зарождением металлургии начинается разработка месторождений на Южном Урале, откуда в Западную Сибирь проникают группы индоевропейского населения.

Эти людские группы отправились с территории современной Украины на Дон, в Приазовье, на Северный Кавказ и в III тысячелетии до нашей эры добрались до уральских хребтов, на рубеже II тысячелетия успешно их перелезав и оказавшись на наших землях. В дальнейшем они захватили огромные территории нынешнего Казахстана, степную зону Сибири, часть Монголии и Северного Китая.

По словам нашей собеседницы, многие из этих народов вымерли, другие вступили

в ранний железный век и вернулись обратно в Европу всё сметающими на своём пути волнами гуннов. Пока же они вполне миролюбиво расселились на богатых землях, принеся с собой скотоводство. Сибирь увидела коров, овец и лошадей.

– Это население получило в науке название «андроновская общность», в которой выделяется несколько культур, – продолжает Наталья Петровна. – Эта общность вступила во взаимодействие с таёжными (северными) группами, организовав товарообмен: металлы на пушнину. Естественно, стали возникать языковые и культурные заимствования, в том числе вера в Верховного Бога Мир-Суснэ-хума, объезжающего мир на коне.

С таким вооружением воины севера Западной Сибири вступили в эпоху Средних веков. Конец III – первая половина IV вв.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ: ГАЛИНА СЕВТИ / «ЯМАЛ-МЕДИА»

А с чего бы ещё наши таёжные народы вдруг посадили своего бога на никогда не виданную, диковинную для северян лошадь?

В моду вошёл культ воина. В курганах тех времён хоронили по 15–20 умерших, в центре – богатых и сильных, с краёв – детей и женщин. Андроновцы привели в сибирские степи танк бронзового века – боевую колесницу. К её колёсам крепились длинные ножи, что делало её страшным оружием, наводившим ужас на врагов.

Но... грозные завоеватели, которых изначально хоронили только вместе с оружием, лошадьми и даже колесницами, умиротворились. Всего за несколько поколений копья и топоры в их могилах сменились символами власти и украшениями: нагрудниками, ожерельями, вышивками из собачьих клыков. Наступил мир...

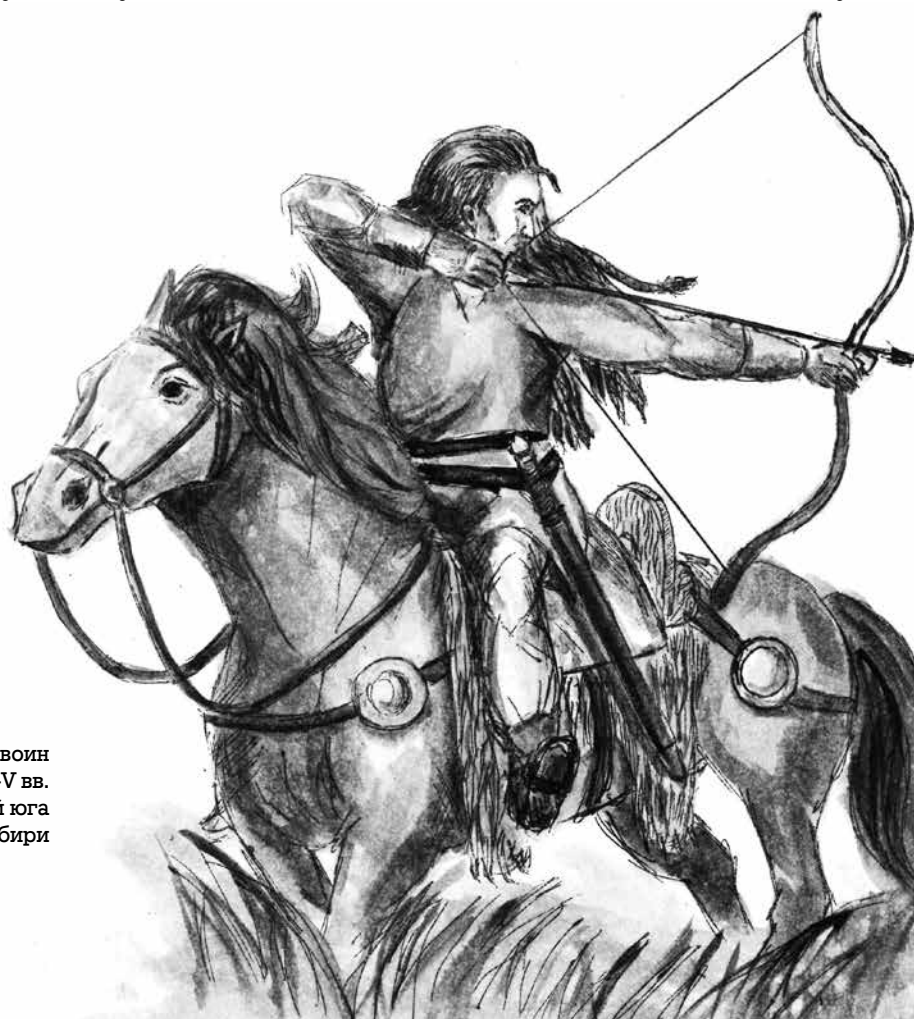
Как археологи «накрыли» древнейшее казино Сибири

Пока царило относительное затишье, у народов Западной Сибири зародился культ поклонения солнцу, к концу эпохи сложивший-

ся в вероучение зороастризма. Появились узоры в виде солярных символов.

В это время в Евразии формировались индоевропейские этносы – носители иранских языков остались в Сибири и Средней Азии, а индийские языки ушли дальше на восток, унеся с собой свои обычаи. Часть возникших народностей осела на территориях Средиземноморья. Поэтому можно утверждать, что проживающие в Индии народы являются дальними родственниками сибиряков, а традиционная ныне культура Индии имеет общий корень с культурой андроновцев, проживавших в окрестностях современной Тюмени.

– Это вообще интереснейшая культура, – продолжает профессор Матвеева. – Исследователь Виктор Алексеевич Зах раскопал на озерце возле Ялutorовска поселение «Черёмуховый куст» – одно из лучших археологических открытий нашего края. Оно позволило многое узнать о жизни людей той эпохи. К примеру, то, что климат тогда был жарче и засушливее. Территория нынешней тайги была открытой степью, реки столь маловодны, что зимой промерзали до самого дна. Потому колодцы глу-

Конный гуннский воин
конца IV-V вв.
из лесостепей юга
Западной Сибири

биной 3–4 метра рыли внутри домов рядом с очагом, чтобы зимой можно было поить домашний скот, не гоняя его на промёрзший водопой. Сами дома строили по 15–20 метров в ширину – места хватало и людям, и зверям. Именно здесь был впервые найден прототип современных нардов с костями – наши древние земляки знали толк в азартных играх! А в 1987 году Александр Васильевич Матвеев раскопал в поселении «Ольховка» дом игрока. В нём не нашлось орудий труда, были только игровые фишки и пищевые отбросы. Это говорит о том, что здесь собирались мужчины, обсуждали общинные дела и играли.

Наверное, это самое древнее казино в Западной Сибири!

Под звон железных топоров

Наступление железного века прослеживается по многим археологическим находкам. Если в памятниках бронзового века самих бронзовых изделий встречается мало, но они хорошей сохранности, то железных, напротив, много, но их сохранность оставляет желать лучшего. Удивляться здесь нечему – руду добывали прямо в болотах (болотное железо), плавил там же, в поселении, по несколько раз расковыывая полученные крицы, чтобы хоть как-то выжать шлаки, которых было больше половины массы. Зато этот тяжелейший процесс давал неограниченное количество железных изделий – только трудись! Болот вокруг достаточно.

Однако наша виртуальная интерактивная карта постоянно меняется. Климат Западной Сибири становится более влажным, полупустыни покрываются травой, заполняются водой давно высохшие озера, скот размножается. Сытая жизнь приводит к демографическому взрыву, начинается борьба за пастбища и – войны!

– Вдобавок к этому на территории современной Монголии и Китая снялись с места и лавиной двинулись на запад через сибирские просторы те самые индоевропейцы, которые ушли от нас на восток ещё в бронзовом веке, – продолжает увлекательное повествование профессор Матвеева.

– Там наступила засуха, а в Западной Сибири наступил культ войны, который прослеживается в гигантских курганах военных вождей от Маньчжурии до Дуная. Богатые захоронения и бедные поселения...

И тем не менее это был очередной пик развития культуры. Местное население под влиянием воинственных кочевников освоило кавалерийско-партизанские набеги, появилась мода на захват и продажу рабов в южные края. Пришедшие с востока дальние родственники опять научили сибиряков плохому – грабить соседей, коптить добро.

Почему древние сибиряки шелка носили

Богатейшие курганы железного века послужили зарождению всей российской археологии как науки, но сыграли злую шутку с историей Западной Сибири. Появившееся в XVIII веке русское население начало распахивать поля, которые с древности никто плугом не трогал, и на свет божий стали появляться сокровища. Откуда – разгадали быстро. Возникла нехорошая традиция «бугрования» – каждую осень после окончания сельхозработ мужики собирались в огромные ватаги и шли грабить древние курганы. Найденные сокровища ломали на куски по количеству участников.

Тогдашний тобольский губернатор князь Гагарин, зная о страсти Петра Великого к разным диковинам, скупил у бугровщиков массу древностей. Не рискнув передать золото лично Императору, он вручил его Екатерине в честь рождения наследника. Оно и послужило началом коллекции сибирских древностей, после чего вышел указ, предписывающий все находки передавать в казну, за что «будет довольно отдача».

Передовой для своего времени законодательный шаг привёл к тому, что сибиряки повально увлеклись разграблением курганов. Когда местные древние могилы закончились, грабители отправились за добычей в казахскую степь, к границе с Джунгарией. Там им пришлось иметь дело с местными кочевниками, недовольными разграблением могил предков. Лишь Екатерина Вторая

официально запретила кладоискательство. Но было поздно – всё уже разграбили.

Остались только древние названия – Золотой бугор, Пудовик, Ханский бугор. Даже сохранившиеся названия позволяют предположить, что не сохранилось в этих курганах.

Но и оставшаяся «мелочь» позволяет судить о той эпохе. Например, о том, что существовала караванная торговля: сюда вели дороги Великого шёлкового пути. В раннем железном веке у людей Притоболья даже нижнее бельё было шёлковым! На раскопках находили чайные сервизы по нескольку чашек и блюд с надписями на китайском.

Жили в ту «железную эпоху» большими усадьбами в домах по 100–120 квадратных метров площадью. Стоящие рядом строения соединяли крытыми переходами, чтобы в мороз не выходить на улицу, а городища обносили оборонительными укреплениями.

Кулайская культура. Портрет молодой женщины, восстановленный по черепу из погребения 1-го кургана 4-го могильника Каменный Мыс

ИЛЛЮСТРАЦИЯ: ГАЛИНА СЕВЛИ / «АМАЛ-МЕДИА» / РЕКОНСТРУКЦИЯ ПО КНИГЕ «ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ОБЩНОСТЕЙ», ИЗД-ВО ТОМУХ ТЮМЕНЬ, 2022.

От благоденствия до обнищания

По словам профессора Матвеевой, процветающая цивилизация Притоболья в III–IV веках уже нашей эры подверглась давлению сразу с двух сторон. С севера, со стороны Югры, пришли таёжные племена, вовлечённые в мировую пушную торговлю. Они намеревались захватить караванные пути, а заодно приблизиться к центрам металлургии. А с востока двинулись гунны, что способствовало падению саргатской³ культуры.

Часть местного населения ушла с гуннами, закончившими свой Великий поход на развалинах тысячелетнего Рима. Другие остались на родине и обнищали – международная торговля заглохла. В раннем Средневековье они, как и нынешние римляне, жили на тех же древних, когда-то богатых поселениях, строили те же дома и насыпали те же могильные курганы. Но... домишки чахлые, курганчики низкие.

– В 2023 году при раскопках городища в Курганской области на каждом квадратном метре мы находили один-два наконечника стрел, – поясняет профессор Матвеева. – Войны в тот период не прекращались.

Но время лечит, а человек всё забывает. Период обеднения был недолгим. Пушнина нужна во все времена, а потому международная торговля восстановилась. На раскопках появились монеты эпохи правления иранских Сасанидов, персидские золотые и серебряные блюда.

В эти века Западная Сибирь впервые столкнулась с явлением, которое повторится в будущем: она становится экономическим придатком Европы, зоной добычи пушнины. Население консервируется в своих традициях, культурном и ремесленном развитии. Зато импорт течёт со всех концов света.

– Например, все железные топоры из Новгорода, – перечисляет Наталья Петровна, – кинжалы и мечи франкские, медные котелки из Булгарии. Позднее сюда начали везти чугунные изделия из Средней Азии. Местное сложное производство перестало существовать, ведь все потребности населения удовлетворялись импортом.

Народ благоденствовал. Сибирь замерла...

³ Саргатская культура – археологическая культура, существовавшая с VII–VI веков до н. э. по III–V века н. э. в лесостепной зоне Зауралья и Западной Сибири, вдоль крупных рек: Иртыша, Ишима, Тобола, по среднему течению Оми и в низовьях Исети.

А в это время в Арктике...

Люди ходили на Крайний Север во все времена. Ямальская тундра с археологической точки зрения изучена слабо, серьёзные научные работы здесь начались лишь на рубеже XX и XXI веков. Но известно, что ещё в эпоху палеолита люди доходили до побережья Ледовитого океана – дичь бежала на север, охотники шли за ней. В районе Салехарда уже открыто несколько памятников каменного века.

– Но систематически, постоянно жить в Арктике стали, скорее всего, только после освоения упряжного оленеводства. То есть где-то с середины I тысячелетия до нашей эры, – считает Наталья Матвеева. – Первыми новый вид хозяйствования освоили, опять же предположительно, самодийцы, пришедшие с гор Алтая: именно там найдены самые старые памятники с домашними оленями. Эти народы спустились по Оби и расселились по Крайнему Северу.

– У многих северных народов есть предания о чуди. В них говорится, что в древности этот народ жил в полуземлянках, и с приходом самодийцев ушёл в холмы, где и погиб, – рассказывает Наталья Петровна. – На самом деле ранее здесь существовала культура, абсолютно отличная от более поздних. Те народы занимались не только рыбной ловлей и охотой, но и промыслом морского зверя.

Все главные открытия ещё впереди

Археологи ждут новых открытий – отечественная наука уделяет всё больше внимания Арктическому региону. Сегодня ведутся большие раскопки Надымского городка, историки вернулись в Мангазею, летом минувшего года удивительные открытия сделаны в Красноселькупском районе. Великие тайны прошлого хранит заполярная тундра. А пока...

...Пока невозможно сказать, кто первым пришёл в Арктику. Да и был ли этот некто человеком в нашем понимании? На Земле существовало как минимум 26 видов человека (уже есть гипотезы, что больше). Жестокая эволюция оставила только *homo sapiens*, но совсем недавно вместе с нами жили как минимум ещё два человека – неандерталец и денисовец.

Портрет зрелого мужчины, восстановленный по черепу из погребения 2-го могильника Большой Лог

Около 40 тысяч лет назад ареал проживания денисовского человека пересекался по месту и времени в Азии с неандертальцами и современными людьми. Насколько он был близок к нам, говорит тот факт, что, например, папуасы носят 5-6 процентов его гена (больше, чем европейцы – неандертальских!). Есть денисовские гены и у других народов. Его останки были найдены в алтайской пещере – именно из тех мест позже пришли на Ямал самодийцы. Что мешало ему? А неандертальцы вообще ходили по западным склонам Полярного Урала и...

– Скорее всего, они когда-нибудь будут найдены на склонах реки Конды, – продолжает наша собеседница. – Следы неандертальцев находят в Коми, а это совсем рядом. Лично я нашла огромное скребло неандертальского вида в деревне Красногорка недалеко от Талицы. Сейчас ведутся такие активные раскопки, что в любой момент может случиться открытие. Всё ещё впереди.

К сожалению, мы никогда не узнаем точно, кто первым пришёл на Ямал. Но это были удивительные люди. 🌐

ИЛЛЮСТРАЦИЯ: ГАЛИНА СЕВЛИ / «ЯМАЛ-МЕДИА» / РЕКОНСТРУКЦИЯ ПО КНИГЕ «ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ОБЩНОСТЕЙ». ИЗД-ВО ТОМУУ. ТЮМЕНЬ. 2022.

ПО ТАЙМЫРУ И ЛЬДАМ ОКЕАНА, ИЛИ ОБЫКНОВЕННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ НЕОБЫКНОВЕННЫХ ЛЮДЕЙ

Вадим ГРИЦЕНКО,

старший научный сотрудник МВК имени И. С. Шемановского
г. Салехард

Мы продолжаем беседу с Владимиром Васюхиным из Надьма, участником уникальной арктической экспедиции, организованной учёным Вадимом Шапиро. В 1989 году его команда прошла на экспериментальных вездеходах 4500 километров по маршруту Семёна Челюскина и братьев Лаптевых.

(Продолжение. Начало в № 1 2024 г.)

Оставив позади Сындасско, путешественники добрались до Мыса Косистого, где находился небольшой резервный аэродром.

– Местные жители – чрез меры радушные, пригласили нас пообщаться. Утром обнаружилось, что пропал радист. Оказалось, его хорошенько угостили чем-то горячительным, он заблудился и не смог ночью найти наш балок. Лишь утром Андрюха явился, – с улыбкой вспоминает Владимир Васюхин...

По словам собеседника, едва живого радиста погрузили в архангелогородскую «сигару» – ту самую, на которой Разулевич катался по освободившемуся ото льда Енисею, заботливо укрыли шкурами, и – в путь!

– Ехали мы в тот раз очень долго. Примерно за четыреста километров до мыса Челюскина¹ увидели охотничий домик, обтянутый рубероидом и оббитый речками. Два на три метра. Внутри журнал посещений. Я, конечно, оставил там послание: указал название экспедиции, состав и маршрут. Позже выяснилось, что это был домик самого Папанина²! – продолжает путешественник. – Следующая знаковая остановка была уже

на самом мысу, на берегу пролива Вилькицкого, где стояла пограничная часть. Там нам представилась уникальная okazия – слетать с погранцами на полярную станцию «Бухта Солнечная». Кто ж от такой возможности откажется? Оставив машины под присмотром военных, мы погрузились в вертолёт и махнули через пролив Вилькицкого. Потом тем же бортом вернулись обратно. Этот полёт повлиял на дальнейший ход экспедиции. С высоты мы хорошо рассмотрели торосы пролива – вроде бы невысокие, но по факту – непроходимые. Глядя в иллюминатор, мой друг-минчанин с грустью констатировал, что угробит там свою машину. Я не спорил – техника его, ему виднее. Вообще, это была его первая экспедиция в Арктику, но это компенсировалось природной наблюдательностью, вдумчивостью и хорошей интуицией. Казалось, Виктор всю жизнь на Крайнем Севере прожил, знал все приметы, и как показала практика, превосходно ориентировался на местности. Очень сильный штурман. Вот так и получилось, что после полёта на станцию наша колонна сократилась вдвое. На мыс Челюскина мы пришли на четырёх машинах, а продолжили путь уже на двух...

¹ Мыс Челюскин – самая северная материковая точка Евразии и России. Расположен на севере полуострова Таймыр.

² Домик полярной станции, построенный в 1934 году под руководством известного исследователя Арктики Ивана Папанина. В 1937-1938 гг. Иван Дмитриевич возглавлял первую в мире дрейфующую станцию «Северный полюс».

ФОТО ИЗ АРХИВА ВЛАДИМИРА ВАСЮХИНА

Участники экспедиции с детворой на крыльце аэропорта, Мыс Косистый

– И это всё из-за торосов?

– А вы никогда по ним не гуляли? Я там же на мысу попробовал – в унтах отошёл на несколько метров от берега, а назад еле вернулся. Думал, или ноги переломаю, или унты там оставлю. Там Карское море и море Лаптевых сходятся, льды ломаются, поднимаются и замерзают. Впереди шестьдесят четыре километра торосов, и ни одного проходного поля – иди, как хочешь! Вообще мне это напомнило экстремальную прогулку по обледеневшим крышам трущоб...

Прощаясь с мысом Челюскина, мы побеседовали с пограничниками, многое узнали от них интересного. На прощание сфотографировались на белом медведе, убитом месяц назад. На мой вопрос, почему он тут до сих пор насвежёванный валяется, сказали, что ждут охотоведа, чтобы оформить кончину «краснокнижника» по всем правилам. Его, конечно, не просто так застрелили. Повалился он в набеги ходить на жилые балки, видать, заинтересовался запахами полярной кухни.

– Такой, поди, не то, что дверь – стенку целиком открое!

– Да, начал он бедокурить, как слон в посудной лавке, и местные жители попросили погранцов застрелить его. Кстати, забегая вперёд, у нас ведь тоже была памятная

ФОТО ИЗ АРХИВА ВЛАДИМИРА ВАСЮХИНА

Владимир Васюхин у своей картины. Когда-то он был художником-оформителем

встреча с медведями. Благо обошлось без жертв... Увидели мы как-то раз медведицу с медвежатами. Они за ней как комочки катятся. Я подъехал ближе, был метрах в пяти от неё.

– А зачем так близко?

– Молодой был, об опасности не думал... Медвежатам стало интересно, временами они к нам приближались. Тогда мамка возвращалась и лапой им по заднему месту шлёп-шлёп – то одному, то другому. Они шариками несколько метров прокатятся и опять за ней бегут. Так потешно. Потом думаю, надо от них отваливать, а то от меня может ничего не остаться.

Другая медведица нас выручила своим присутствием. Видимость была плохая, ориентиров никаких. Она стояла, и мы на неё едва не наехали. С испугу проскочили мимо, потом встали, огляделись, впереди какая-то тёмная точка. Как потом оказалось, избушка охотников. На ходу кричу Шапиро: «Метров триста осталось». Это по моим материковым представлениям. Но он по своему полярному опыту ответил: «Да поболее будет». Я сразу на часы. Скорость у нас была двадцать километров в час. И вот эти «триста метров» с такой скоростью мы ехали тридцать пять минут. Это же получается минимум десять километров. Так ведь даже реечки, которыми она оббита, были видны – вот какая мощная рефракция!

Развернули рацию, связываемся с Большой землёй. Я говорю радисту: «Андрюха, давай быстрее, сматывай уже, а то хозяйка идёт, мимо которой мы проехали».

Кстати, в избушке рыжие клоки шерсти валялись – медведи вроде и белые, а их шерсть на снегу жёлтая. Остались огромные медвежьи следы, двери и окошко выломаны. Видимо, здесь берлога была.

Поехали дальше. Стало замечать. Вдруг наезжаю на след. Присмотрелся – мой! По кругу двигались. Поперёк его переезжаю. Потом вдали увидел тригопункт³.

– Давай подъедем и под ним переночуем, уже усталость чувствуется, – говорю Вадиму Яковлевичу.

По карте рядом Краснофлотские острова. Утром в бинокль увидел ещё два тригопункта в разных сторонах. Добрались до большого острова Октябрьской революции. Подъезжаем к тригопункту, а от него следующий остров видно. А там – другой на горизонте. Между ними расстояние десять километров – я же на геологическом отделении учился, соображаю. Так мы несколько десятикилометровок прошли, и начало пуржить. Очередной тригопункт из-за пурги не увидели. Но по инерции всё-таки попали на него. К тому моменту уже километров сто отмахали. Поставили палатку и сидели в ней вчетвером трое суток.

Как-то Шапиро вылез из палатки и кричит: «Умка рыбу поел!» У нас с собой было три мороженных чира. Каждый килограммов по десять. Мы их у палатки в мешке оставили. Вадим Яковлевич увидел, что кто-то выгрыз внутренности, подумал – медведь. Но это были песцы. Умка съел бы не только рыбы потроха, но и за нашими пожаловал бы.

Когда горизонт прояснился, поехали дальше.

Подъезжаем к военным на островах Фаддея. Это были релейщики со своими локаторами. Ищем жильё, казарму, но ничего подобного не видно. Одни сугробы, да такие, что из-за размера трудно их сугробами назвать – какие-то волны, увалы, горы из снега. И среди них труба торчит, а рядом в снегу ямы и колодцы.

– Что это? – спрашиваем.

– Это вход! Рядом – окна казармы.

То есть чтобы выйти из казармы, они каждый раз откапывают по четыре-пять метров снега. Вот так люди жили и служили.

Нас познакомили с бытом, рабочими местами и библиотекой, завезённой сюда ещё в 1930-е годы. Словечки звучали флотские: камбуз, каюта, галюн и так далее.

Интересно было наблюдать за работой радиста, который слал морзянку на Диксон, где стояла базовая радиостанция. Он умудрялся одновременно пить кофе,

³ Тригопункт – геодезический пункт. Деревянное или металлическое сооружение в виде пирамиды, особым образом закреплённое на местности и являющееся носителем координат. Обычно его высота около 10 метров.

ФОТО ИЗ АРХИВА ВЛАДИМИРА ВАСЮХИНА

На мысе Челюскина с бойцами и командирами местной воинской части

ФОТО ИЗ АРХИВА ВЛАДИМИРА ВАСЮХИНА

Привал у домика Папанина. Внутри избушки лежал дневник посещений, в котором отметилась и экспедиция Шапиро

РАДИОГРАММА 10 мая 1989 г. МОСКВА ЦК ДОСААФ ВИННИКУ
УХОДИМ СЕВЕРНУЮ ЗЕМЛЮ ДВУМЯ МАШИНАМИ ОКОНЧАНИЕМ ПРОБЕГА 15
ТИРЕ 20 ПРОШУ ПОМОЧЬ ПРОДЛЕНИЕМ ОТПУСКОВ 25 МАЯ ВАСЮХИНУ РАДКЕВИ-
ЧУ ПАЦЮКУ ЗЕМСКОМУ РАЗУЛЕВИЧУ МАКАРОВУ ШАПИРО ХОРЬКОВСКОМУ СПИ-
СОК АДРЕСАМИ ИМЕЕТСЯ ШУЛИКА ШАПИРО⁴

⁴ В этой и последующих радиограммах орфография и пунктуация автора сохранены.

разговаривать с нами и перелистывать принятую радиogramму.

– Какой у тебя разряд? – спросил я у него.

– А что это такое? – переспросил он.

– Вот, например, наш радист Андрей Земский – мастер спорта.

Тот только плечами пожал. Тогда попросил я поработать на ключе Андрея. Никакого сравнения с полярником – наш радист был гораздо медленнее. Потому соревнования решили не устраивать, Андрюху не конфузить.

На следующий день мы вновь пробивались через пролив Вилькицкого. Преодолевали вздыбившиеся торосы, ощущая их крутизну только по угасающему от нагрузки мотору.

Зрение здесь отдыхает. Едешь на чутьё. Видишь расщелину или каньон только тогда, когда заваливаешься туда. А снег там как песок или крупа – кристаллический. Трудно

ехать. Ещё Разулевич свою машину часто завести не может, а у меня прицеп...

В конце пролива пришлось тащить на шнурке его машину. Правда, потом выяснилось, что нужно было всего лишь почистить в двигателе свечу зажигания...

Из отчёта Вадима Шапиро:

«12 мая 1989 г. Пролив Вилькицкого. В 11-00 немного прояснилось, показалась полоска от солнца, мы быстро собрались и пошли. За четыре часа прошли 15 км в сплошных торосах величиною с двухэтажный дом. В 15 попали в совсем непроходимые торосы. Запросили Мыс Челюскин по радио, где же мы находимся. Нам сообщили: «Вы точно на траверсе Солнечной, удаление 10-12 км». Это придало новые силы, и к 19.00 мы вышли на Северную Землю, а к 21.00 пришли на Солнечную к геологам».

– Наконец, добрались до станции «Солнечная». Уникальный случай – кругом туман, мгла, а станция как будто солнцем освещена.

РАДИОГРАММА 11 мая 1989 г. МОСКВА ЦК ДОСААФ ВИННИКУ
НАХОДИМСЯ ПОСРЕДИНЕ ПРОЛИВА ВИЛЬКИЦКОГО ИЗ-ЗА ОТСУТСТВИЯ СОЛНЦА
ЗАТРУДНИТЕЛЬНО ОРИЕНТИРОВАНИЕ СРЕДИ СПЛОШНЫХ ПОЛЕЙ ТОРОШЕНИЯ ТЧК
ПОСТАВИЛИ ПАЛАТКУ ВТОРЫЕ СУТКИ ЖДЁМ ПРОЯСНЕНИЯ ТЕМПЕРАТУРА МИНУС
15 ВЕТЕР 8-10 М/СЕК ШАПИРО

ФОТО ИЗ АРХИВА ВЛАДИМИРА ВАСОХИНА

В бухте «Зимовочная» путешественников встретили гостеприимно

У полярной станции Марии Прончищевой. На самом деле Прончищеву звали Татьяна, поэтому наименование станции и мыса, на котором она располагалась, ошибочно

Там нас хорошо приняли, баньку подготовили. Жаль, что в снег после неё окунуться нельзя было, потому что от постоянных ветров он был твёрдый, как асфальт. Кстати, пограничники вручили нам специальный алюминиевый треугольник, чтобы делать засветку. Такая небольшая пирамидка, которая давала отражение их локатору, и они корректировали нас на очень большом расстоянии. Позже мы эту штуку потеряли...

Помню, стоял там какой-то гусеничный транспортёр-тягач. Вездеход, в общем. С его водителем Мишкой мы всю ночь просидели. Я его Чёрным Майклом назвал, потому что

он весь в солярке был. Оказывается, Миша уже двадцать пять лет на Севере. Он нас и сопровождал дальше.

Едем. Вдруг пурга – почти ничего не видно, что уж там про водителя в ГТТ говорить. Так что не мы за ним, а он за нами поехал. Повсюду сплошная белизна. И если мы видели какую-нибудь веточку или окурок, то знали, что это дорога. Так вокруг острова Октябрьской революции проехали двести семьдесят километров. Пока двигались, по радиации получили сообщение: на прошлой неделе на маршрут вышли два «Урала», но не пришли в точку назначения.

Двигаемся дальше. Ориентиры под колёсами пропадают. И вдруг на горизонте две чёрные точки! Подъезжаем – два «Урала» стоят! Вылезают из них ребята с паяльной лампой. Чёрные. Только зубы и глаза светятся. Заблудились.

– Ну что? – говорю им. – Давайте за нами!

– Володя, я их доставлю. Езжай! – подхватывает Миша.

По моим подсчётам, до геологоразведчиков-золотоискателей оставалось ещё километров девятнадцать. Там у них два вагончика, трактор. Они бурят, ищут золото.

Оставили мы «Уралы» с Майклом и повернули немного вглубь острова. А там такие каньоны, расщелины – можно провалиться и никто не достанет. Стараемся ближе к берегу ехать. Я тогда приболел, сидел в машине Радкевича – у него тепло. Смотрю: Разуевич прёт параллельно, а впереди расщелина. Мне её видно, ему нет. Машу рукой, мол, позади будь. Кое-как его утомонил. Доехали до золотоискателей. Они говорят: «А мы вас уже давно приметили».

РАДИОГРАММА 15 мая 1989 г. КРАСНОЯРСК А/Я 8872 ИВАНОВУ

ШЕСТЬ ДНЕЙ У НАС ПЛОХАЯ ПОГОДА ОТСУТСТВИЕ СОЛНЦА ПУРГА ПО СУЩЕСТВУ С МОМЕНТА ПЕРЕСЕЧЕНИЯ ПРОЛИВА ВИЛЬКИЦКОГО МЫ ДВИГАЕМСЯ НЕ ВИДЯ СЕВЕРНОЙ ЗЕМЛИ И СЕГОДНЯ В 23 ЧАСА ПОСЛЕ ШЕСТИ ЧАСОВ НЕПРЕРЫВНОГО ДВИЖЕНИЯ В ТУМАНЕ БЕЗ СОЛНЦА ПЕРЕСЕКЛИ ПРОЛИВ ШОКАЛЬСКОГО ПЕРЕИДЯ С ОСТРОВА БОЛЬШЕВИК НА ОСТРОВ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ КАК РАЗ ПОСРЕДИНЕ ПРОЛИВА ОКАЗАЛОСЬ ЧТО С НАЧАЛА ПРОБЕГА МЫ ПРОШЛИ 3000 КМ ЭТА ЦИФРА ВЫЗЫВАЕТ ЗАКОННОЕ УВАЖЕНИЕ

ПЕРЕСЕКАЯ ПРОЛИВ ВИДЕЛИ НЕВДАЛЕКЕ БЕЛУЮ МЕДВЕДИЦУ С ДВУМЯ МЕДВЕЖАТАМИ А СЕЙЧАС НА МЫСЕ МАССИВНОМ ВОКРУГ НАС МНОГО СЛЕДОВ БЕЛЫХ МЕДВЕДЕЙ ОСОБЕННО В РАЗРУШЕННОЙ ИЗБУШКЕ ОКОЛО КОТОРОЙ МЫ ОСТАНОВИЛИСЬ ПРОБЕГ В ЦЕЛОМ ПОДТВЕРДИЛ ВЫСОКИЕ КАЧЕСТВА ПНЕВМАТИКОВ ШАПИРО

ФОТО ИЗ АРХИВА ВЛАДИМИРА ВАСЮХИНА

У айсберга на архипелаге Северная Земля, острова Оленьи

Распоясались мы, чайку попили. Через пять часов приехал Чёрный Майкл. Один.

– А где «уралисты»? – спрашиваем.

– Потерял, – отвечает растерянно...

– Дальше нам предстояло преодолеть пролив Шокальского, – продолжает свой удивительный рассказ Владимир Васюхин.

– Ни одного ориентира впереди, ни одного тороса. Понимаю: сейчас горы острова Октябрьской революции кончатся, и мы пойдём на него – будем считать, что едем туда, куда надо. А на самом деле движение будет на юг. Я понимал это, и Шапиро понимал.

– Но вы же по компасу шли?

– Компас на этой широте градусов на соток врёт, уводит в сторону. Большое магнитное склонение, магнитная аномалия. Это не радует. И солнца, как правило, нет. Нам пришлось по ходу дела технологии, принципы движения изобретать.

Потом по нашему курсу, как я уже рассказывал, медведица появилась с двумя медвежатами. Затем избушка охотников. Мы

вышли на связь, определились, где находимся, доложили. Свернулись и пошли по острову, не углубляясь.

– Нужно было очень много «горючки». Где вы её брали?

– На островах было разбросано много железных бочек. Некоторые из них с бензином. Со стороны это выглядело как тюленьи лежбища. Весь берег бочками завален – крепкими, с обручами. В своё время самолёты на бензине работали, вот лётчики и заготавливали бензин в бочках. Мы использовали зелёный бензинчик девяносто первый.

– За десять – двенадцать лет он не испортился?

– Встречался подпорченный – серый. Я его не брал. А по другой бочке постучишь – полная. Откроешь – зелёный. Моторы на нём хорошо работали. Мы старались ехать с запасом сто литров в багажнике. На полярных станциях тоже бензин встречался.

Заезжали и на автоматические полярные станции. Там всё шелестит-стрекочет, работает, и никого... Заходим на кухню, чай пьём, кушаем, закрываем дверь поплотнее и дальше едем.

Как-то раз останавливаемся, тут из-под снега вылезают два мужика. Небритые, закопчённые. Я им: «Здорово, мужики!» Они глаза на нас вытаращили. Удивились, откуда взялись, да ещё в таких диковинных костюмах. «Приглашайте в гости», – говорю.

Идём, как в подводной лодке, по трубнелю из снега. Метров шесть. Потом комната нормальная, с электричеством. Чаёк. Разогрелись, разговариваем. Объясняем, кто мы такие, их расспрашиваем.

– Мы соляру перевозим с острова на остров по льду, чтобы потом, когда будет открытая вода, было на чём работать, – говорят они. – А здесь предшественники, уезжая, плохо закрыли дверь, её ветром распахнуло. Ветер забил помещение снегом, да так плотно, что, если ведро с ним растопить, оно почти полное будет. Когда на смену приехали, матерились, полдня «прорезались» внутрь. Зато сейчас хорошо: пройдёшь в соседний блок, ножовкой снег вырежешь и в чайник...

– Дальше по пути нам начали встречаться айсберги – красота неопиcуемая!

– Высокие?

– Трудно сказать. Иные метров по пятнадцать. Размером с пятиэтажный дом. Айсберг, который мы фотографировали, был лилового цвета. А лёд под ногами, где не заметён снегом, – купоросного, голубого. Казалось бы, снег белый. Но нет! Палитра довольно богатая. Когда мой друг Радкевич увидел первый океанский лёд, отколол кусок и попробовал на зуб.

Позёмка гонит снежинки, огибая торосы и играя на солнце всеми цветами радуги – глаз не оторвать! А на горизонте сразу три светила, каждое из которых в центре своего столба переливается...

На острове Большевик нам встретились огромные наледи, повисшие с гор. Не хуже, чем в Антарктиде. Эти сколы были чистого фиолетового цвета. Глубина льда чувствовалась.

Один айсберг по курсу в определённом ракурсе выглядел как белая медведица с медвежонком. Будто скульптором высечен. Медведица обнимает медвежонка, как Сикстинская Мадонна, только размером с пятиэтажный дом. И снегом накрыта, словно простыней. Когда солнце проглядывает сквозь мглу, эта лиловая льдина переливается.

ФОТО ИЗ АРХИВА ВЛАДИМИРА ВАСЮХИНА

В конце пути – перед архипелагом Седова. На фото: Владимир Васюхин и Анатолий Разулевич, 19.05.1989

Говорят, что рукописи не горят... Уникальный фотоальбом экспедиции сгинул в огне пожара. Но автор интервью успел его отсканировать – для читателей «Северян», для истории...

Рисунок 39. Отлет из Хатанги 25.05.89. Слева направо:
А. Разулевич, В. Васюхин, В. Шапиро, В. Хорьковский.

Рисунок 40. Погрузка техники в Хатанге, 25.05.89г.

РАДИОГРАММА 19 мая 1989 г. ЦК ДОСААФ СССР ВИННИКУ
СЕГОДНЯ 19 МАЯ 6 ЧАСОВ 30 МИНУТ УТРА ЗАВЕРШИЛИ ПРОБЕГ ОСТРОВЕ СРЕД-
НЕМ АРХИПЕЛАГА СЕВЕРНАЯ ЗЕМЛЯ ПРОШЛИ 3300 КИЛОМЕТРОВ ПРОВЕДЯ ИСПЫ-
ТАНИЯ УНИКАЛЬНЫХ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ АРКТИЧЕСКИХ УС-
ЛОВИЯХ ЛИЧНЫЙ СОСТАВ ЗДОРОВ ШАПИРО

Мы тогда очень расстроились, потому что единственный фотоаппарат – в прицепе, под плотно увязанными грузами, а времени в обрез – нужно торопиться на архипелаг Седова, чтобы успеть на последний рейс до Большой земли. Уже ожидалась потайки, а там имелась ледовая взлётно-посадочная полоса. Полюбовались мы айсбергом и помчались дальше. Ветер попутный, сильный. Застругов нет, поэтому пру. Вдруг колесо прицепа с диска слетело и меня обгоняет. Увидели. Поставили на место.

Иногда лёд расходился, но вода снова замерзала. Сначала боялись ехать по таким участкам, а потом ничего – они очень ровненькими были.

Наконец, прибыли на архипелаг. На аэродроме стоит небольшой спортивный самолёт. Оказалось, это австралиец с женой от нечего делать мотаются вокруг земного шара, почти всю Землю облетели, сделали здесь посадку, поели и при нас же улетели. Думаю: как у них просто. Мы всё время двигались под сопровождением погранцов, у нас столько бумаг было оформлено, а тут вот так. Ещё пошутил тогда: «Вадим Яковлевич, давай на Ванкувер махнём. Тут ерунда осталась»...

– Руководитель экспедиции Вадим Шапино писал в отчёте про ваши физические и психологические трудности: «Они старались не показывать вида, и всё-таки в их глазах я ловил отчаянье, которое они прятали в себе и сумели переболеть».

– Тяжело было постоянно. Сутками вокруг белая пустыня, и знаешь, что на сотни километров кругом никого нет. Никто ничем не поможет. Но сам я никаких страхов не испытывал.

– Чувство опасности не доходило до степени паники?

– Да, паника тогда могла появиться. По жизни у меня были такие ситуации. Но я вовремя себя одёргивал, собирался в комок, принимал решение, и вокруг всё приходило

в норму. В том числе и тогда на маршруте все успокаивались.

– В вашем изложении путешествие получается довольно будничное, никакой драмы...

– На самом деле моменты бывали всякие. Например, на острове Большевик мы сильно замёрзли. Палатку поставили, но так продрогли, что шевелиться не хотелось. Как побороть уныние, отчаяние? Я разделся до пояса и сел, как тот Доцент из «Джентльменов удачи». Эффект оказался удивительным. От моего вида всех в жар бросило. Меня, кстати, тоже. В общем, всем стало тепло, и юмор прорезался. Такой вот парадокс...

На аэродроме архипелага мы пробыли недолго – казалось, что ледяная полоса вот-вот рухнет. Самолёт доставил нас до Хатанги. Идти дальше на пневматиках было нельзя, ведь оттуда, ближе к полюсу, нас никто не забрал бы. Меня и Хорьковского самолёт добросил до Надьма, остальные полетели в Москву. Так закончилась наша высокоширотная экспедиция. Программу мы выполнили, несмотря на то, что в начале планировалось довести до конца восемь машин. До мыса Челюскин добрались четыре, а до последней точки только две, в том числе моя.

Из «Отчёта об испытательном пробеге вездеходов Дудинка – Хатанга – м. Челюскин – Северная Земля» (1990 г.). Руководитель пробега В.Я. Шапино:

«На Среднем мы находились недолго. Наш друг по пробегу 1986 г. Александр Иванович Игумнов стал вновь избранным начальником аэропорта о. Средний. В день нашего приезда на Средний аэродром уже протаял и был закрыт. Увезли нас при его содействии последним в сезоне АН-26, который из-за непогоды не смог прорваться на Грезм-Белл (Земля Франца Иосифа)». 🌐

ОН УШЁЛ К ВЕРХНИМ ЛЮДЯМ

Татьяна ПОКАЛЬНЕТОВА

г. Салехард

Когда за окном бушевала непогода, он заглядывал в кабинет, щурился и с улыбкой говорил: «Слышишь, как Нум сердится?» Бескрайне мудрый сын ненецкого народа. Для одних Хабэча Хываревич, для других дядя Фёдор. Яунгада знал весь Ямал. И везде он был свой.

ФОТО: АНДРЕЙ ТКАЧЕВ / «ЯМАЛ-МЕДИА»

Хабэча Яунгад был большим другом журнала «Северяне». Он сотрудничал с изданием с первых номеров, много лет был в редколлегии

Этот необыкновенный человек появился на свет у пролива Малыгина.

– Первое детское воспоминание – я стою на обрыве и смотрю вслед дедушке Илко. Он уходит в туман на колданке, в ней лежит гарпун, – вспоминал Хабэча Яунгад в 2015 году в интервью, посвящённом его 65-летию. Мы проговорили тогда больше двух часов. – К вечеру дедушка возвращается с двумя добытыми тюленьями. Часть мяса бабушка Нене варит, часть вместе с салом набивает в тюленьи кишки. Готовую колбасу подвешивает над костром, пахнет копчёным... Из шкур она шила непромокаемую одежду: кисы, куртки и брюки.

Представители рода Яунгадов – единственные среди ненцев, кто занимался морским промыслом. В переводе на русский фамилия значит «морская ракушка», «морской охотник» – человек, живущий у моря и питающийся его дарами.

– Сам я никогда не ездил с дедушкой на охоту. Колданка была рассчитана на одного, да и он, видимо, не видел во мне охотника на морских зверей. «Каждый должен заниматься своим делом», – говорил он. И был прав.

Дедушку Илко и бабушку Нене Хабэча до 23 лет считал своими родителями.

– Я при рождении не издал ни одного звука, и все подумали, что я мёртв. Положили на шкуру, укрыли. А бабушка меня начала трясти, делать иглоукальвание, и я... закричал! Вот и дали мне имя Хабэча – «воскресший из мёртвых». Дедушка с бабушкой относились ко мне, как к чудному ребёнку, вложили в меня все свои знания – оба были знатоками устного народного творчества, певцами и рассказчиками. Потому я такой словоохотливый... Всё это время настоящие родители с братьями и сёстрами жили в соседнем чуме, но никаких разговоров мы с ними не вели.

Девять лет провёл мальчик в тундре, а потом его увезли в интернат.

– Из цивилизации тундровика я попал в цивилизацию европейского человека. Всё другое: язык, культура, еда, отношение к людям. Мне даже имя новое дали – Фёдор, с греческого переводится как «дар божий». Помню, как первый раз попробовал манную кашу. Поставили передо мной тарелку с чем-то белым, как снег, и сказали: «Ешь». Пытаюсь проглотить – не получается. Тогда мой учитель Лидия Прокопьевна Симакова говорит повару: «Ему не каша нужна. Дай-ка оттаявший кусок оленины и нож». Ещё труднее было привыкать к кровати – всё время с неё падал. Потом наловчился: как только гасили керосиновую лампу, я с матрасом лез под койку.

ФОТО: ХАБЭЧА ЯУНГАД / ИЗ АРХИВА «ЯМАЛ-МЕДИА»

Всё дальше от тундры

В июле 1965 года с одним маленьким чемоданом Хабэча Яунгад добрался на теплоходе до Салехарда.

– Мне он показался необыкновенным: столько домов, и все стоят рядом друг с другом. Я обошёл весь город в поисках педучилища, очень хотел на учителя начальных

ФОТО: ХАБЭЧА ЯУНГАД / ИЗ АРХИВА «ЯМАЛ-МЕДИА»

«Хочу, чтобы чум на земле стоял вечно, чтобы не уничтожила его европейская цивилизация, чтобы победила гармония», – говорил мудрый Хабэча Яунгад

Один раз мальчик даже сбежал из интерната. К побегу высушил кисы и малицу, заштопал дырку на сорочке, отремонтировал язычок ремня.

– Меня догнали на собачьих упряжках. Самое удивительное – никто не отругал. Только воспитатель Татьяна Ивановна грустно посмотрела и сказала: «Теперь твои родные будут сильно меня ругать, раз допустила такое». И мне стало так стыдно! Неужели, думаю, и вправду будут ругать такого уважаемого человека? Ё-моё. Видно, я сделал действительно что-то плохое. Лучше бы меня обозвали «сломанным рогом» или «замёрзшим ухом оленя». Больше никогда не убегал.

ФОТО: ХАБЭЧА ЯУНГАД / ИЗ АРХИВА «ЯМАЛ-МЕДИА»

Хабэча Хываревич очень любил фотографировать. «Для меня фотоаппарат как третья рука», – говорил он

классов выучиться. Остановился. И тут ко мне подходит какой-то дядька, расспрашивает. Объяснил ему всё, а он: «Пойдёмка сначала чай попьём, потом я тебя провожу». Хорошие люди в Салехарде живут, подумал я.

В училище его приняли в этот же день, выделили комнату в общежитии. Потом была армия – служил в Биробиджане с 1971-го по 1973 год.

– Меня определили в штаб, но на месте не сидел, стал вести секцию по греко-римской борьбе. Мы ездили на чемпионаты и возвращались с медалями. Обидно было, когда никто не верил, что мне уже 21 год. Из-за маленького роста я комплексовал, да и весил всего 48 килограммов. Пришлось писать письмо ребятам на Ямал, чтобы отправили снимок, где я с северянами, мол, все мы такие низкие.

После службы сразу отправился в родной чум.

– Дедушка тогда уже ушёл к верхним людям (умер, – прим. ред.). Вот мои биологические родители и признались, кто они такие, – вспоминал Хабэча Хываревич. – В этот момент решил окончательно уехать в город, ведь тут у меня нет ничего: ни чума, ни нарт, ни оленей. Зато есть образование. Уехал. Но мои корни там. Иногда они меня дёргают назад, зовут. И я еду в тундру.

Как стал легендой журналистики

На работу в газету Яунгада позвал сам Леонид Лапцуй. Всё дело в случае.

– В мае 1977-го меня пригласила заведующая орготделом окрисполкома Александра Петровна Якушева: «Фёдор, мы тут подумали и решили тебя взять в инструкторский отдел». Стал отказываться, а она потрясла партийным билетом, мол, лишишься его. Я весь затрясся. «Ладно, – говорю, – только год учебный закончу». Работал тогда в санаторно-лесной школе.

В назначенное время молодой человек пришёл в окрисполком.

– А на моём месте уже другой человек. «Прости, что так получилось», – сказала Александра Петровна и повела к председателю Константину Ивановичу Миронову. Тот тоже извинился, сказал, что я могу попросить всё, что пожелаю. «Квартира мне нужна», – говорю. Пообещали. Выхожу из здания как в воду опущенный – старую работу потерял, новую не нашёл, и тут прямо у памятника Ленину повстречался мне Леонид Васильевич Лапцуй. «Что случилось с тобой, весёлый человек?» – спрашивает. Рассказываю ему всё как есть. Он грозит кулаком в сторону пятиэтажки: «Ух, я вам дам его обижать! А ты не переживай. Пойдём со мной. У нас корреспондента как раз нет».

Вручили новичку самоучитель по журналистике. Только гораздо больше навыков, по его же признанию, он получил от коллег.

– Как писать материалы, мне показала Людмила Степановна Мазунина: «Ты заумно не пиши, только короткими предложениями, и ничего не приукрашивай», – рассказывал Хабэча Хываревич.

После первой же командировки в Япстик-Сале понял, что журналистика – это его.

– Встретил там фельдшера Екатерину Того, которая спасла умирающего мальчика в тундре. Про это и написал. На летучке мою зарисовку похвалили. Меня так это окрылило!

Он посвятил журналистике 36 лет, пройдя путь от переводчика до главного редактора газеты «Няръяна Нгэрм». При этом был отличным фотокором, снимал жизнь тундровиков такой, какая она есть...

Светлая память вам, дядя Фёдор! 🌍

ИСТОРИЯ. ЛИЧНОСТИ. СУДЬБЫ

АНДРЕЙ СХИЖЕНКО. ЭТОП «УЛИЦА СВЕРДЛОВА, ДОМ 9. САЛЕХАРД, ДОЖДЬ». 2012. БУМАГА, АКВАРЕЛЬ / ПРЕДОСТАВЛЕНО НОВОУРЕНГОЙСКИМ МУЗЕЕМ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ

СТАНИСЛАВ КАРАЧЕНЦЕВ: «КОГДА ВПЕРВЫЕ УВИДЕЛ МИНЕРАЛЫ, Я АЖ ЗАДРОЖАЛ»¹

Галина КАРЗАНОВА,

старший научный сотрудник МВК имени И. С. Шемановского
г. Салехард

Жизнь известного ямальского геолога Станислава Караченцева настолько яркая, что рассказ о ней не помещается в два номера журнала. Мы встретились с ним в августе 2022-го, за семь месяцев до его смерти. Интересный собеседник с прекрасным чувством юмора и отличной памятью Станислав Георгиевич поделился с нами воспоминаниями. Мы продолжаем публиковать их. Большая часть материала – от первого лица.

(Продолжение. Начало в № 4 2023 г., № 1 2024 г.)

Обрадовал палеонтологов, расстроил руководство

Конец 1950-х. Нам пришло две путёвки на курсы: одна – в Москву, другая – в Новосибирск. Мне подфартило – попал в столицу на первые курсы повышения квалификации для руководящего состава геологов. Они были посвящены поискам и разведке редких металлов. Геологические светила страны в течение месяца читали лекции. Я был в восторге. Довелось послушать и академика Коржинского, и академика Бетехтина, и профессоров Котельникова, Гинзбурга. Последний – ультра-спец по редким металлам и редкоземельным минералам. Материал мы получили богатейший. Много знакомых там приобрёл.

К тому времени на Лонготъеганском месторождении, где я когда-то занимался молибденитом, в гранитоидах нашли повышенное содержание радиоактивных элементов. Изучив их спектрально и химически, установили присутствие редкометалльной и редкоземельной минерализации. Возникла идея исследовать район на

ФОТО ИЗ ФОНДОВ МВК ИМЕНИ И. С. ШЕМАНОВСКОГО

Станислав Караченцев гордо называл себя рударём. Он дважды возглавлял Полярно-Уральскую экспедицию и открыл два месторождения – железорудное Юнь-Ягинской группы и редкоземельных металлов Тайкеуской группы

развитие крупных гранитоидных массивов. Тогда нас всех влили во вновь созданную Ямало-Ненецкую комплексную геологоразведочную экспедицию – ЯНКГРЭ, которой руководил Иван Морозов. Главным геоло-

¹ Материал подготовлен в рамках проекта Музейно-выставочного комплекса имени И. С. Шемановского «Предметный разговор» (portmvk.yanao.ru).

ФОТО ИЗ ФОНДОВ МВК ИМЕНИ И. С. ШЕМАНОВСКОГО

Работа работой, а обед по расписанию. Станислав Караченцев (слева), даже будучи начальником, любил трудиться в поле

гом был Андрей Ослоповский, а главным геофизиком – Вадим Бованенко.

Когда вернулся с курсов, объявили, что меня назначают начальником Нырдово-шорской партии, которая будет вести пятидесятитысячную геологическую съёмку в районе, где несколько гранитоидных массивов. Задача – не только провести съёмку, но и выявить природу радиоактивных аномалий, если они будут. Занимался этим делом с 1959-го до 1962 года. К сожалению, массивы оказались полупустые. Считаю, что их надо было пощупать на глубину, но оснований для бурения не было.

С тех времён у меня осталось открытие – бариты на восточном склоне. Как-то мы нашли и вскрыли канавами карбонатную толщу. Попросил техника Мишу Кучукова:

– Будь добр, тщательно протручи известняки на возможное обнаружение жильности.

– Какая жильность в метаморфическом комплексе?

– Постучи, пожалуйста.

Постучал. Приносит мне несколько образцов.

– Знаешь, мне показалось, что вот здесь что-то есть, – говорит.

– Подозреваю, что это не древний комплекс, а каменноугольные отложения, – отвечаю.

– А вот те, что на западном склоне, наверное, мрамор, – и бросает мне в руку тяжёлый кусок.

– Какой мрамор? Это же барит!

Когда мы провели камеральные работы, оказалось, что возраст здешних известняков относится к каменноугольному периоду! В находках были остатки какой-то живности. Палеонтологи определили древние породы – клин молодых отложений затерялся среди древних толщ. Получается, их возраст совершенно другой. И над этим надо серьёзно работать.

На меня набросились: «Что ты выдумал?» Особенно те, кто вёл на месте двухтысячную съёмку. Но мы стали искать дальше. Шли

ФОТО ИЗ ФОНДОВ МВК ИМЕНИ И. С. ШЕМАНОВСКОГО

Техник-геолог проводит радиометрическое измерение на маршруте. Тайкеуское месторождение, 1962 год

полосой по реке на западный склон. Снова нашли бариты.

Позже появилась статья Караченцева, Молдаванцева и Перфильева о новых данных по стратиграфии этой части Полярного Урала. Андриюша Перфильев и Юрий Евграфович Молдаванцев были старше меня, но мы подружились. Они написали статью, взяв мои материалы. Спросили: «Ты не возражаешь?» Статья вышла через Московское общество испытателей природы – это серьёзный давнишний журнал. В Главтюменьгеологии опять на дыбы – стратиграфию перевернул вверх ногами.

В поисках радиации и денег

Потом я занялся Тайкеуской группой – аномалией Александра Цымбалюка. В состав поисковых работ мне предложили включить и Лонготъеганский массив.

В это время крупный специалист в геологии, профессор Всесоюзного института минерального сырья Файвель Апельцин, у кото-

рого была своя лаборатория, уже определил, что за процесс происходит с гранитоидными породами. Это и не граниты, и не другие варианты кислых пород. По составу вроде близкие, но в них значительное количество шпата-альбита. Все знали танталитовые и колумбитовые месторождения по всему миру, а здесь неизвестно, что такое. Потом определили, что это пирохлоры (обычно они содержат в разных количествах торий и уран, – прим. И. Г. Перминова).

Когда Апельцин положил начало – за что, так сказать, хвататься, мы стали этим заниматься, оценивать масштабы и смотреть. Уже узнавали породы, обладающие повышенной радиоактивностью. Вооружились радиометрами (в Союзе шли массовые поиски урана, работать без радиометров было запрещено, – прим. И. Г. Перминова). Порой они зашкаливали. Граниты обычно давали 20–30 мкР/ч, а здесь шло за сотню. Об опасности не думали. Пришли, поработали, помыслили и пошли дальше.

Детализировали, вырисовалась объёмная картина. Попадались сложные алюмосиликаты, которые содержали тантал, ниобий, редкие земли, причём иттровой группы – итрий, иттербий. Находили и другую группу редкоземельных щелочных металлов – церий, лантан, диспрозий.

Выделенные на работу средства были израсходованы чуть не к июню месяцу, а исследования только начались, ещё надо канавы проходить. Встал вопрос – где взять деньги?

Тогда я на свой страх и риск собрал первые материалы по Тайкеу и анализы, по которым видно, что содержание пятиокисей тантала, ниобия, циркония и редкоземельных элементов повышено, и поехал в Москву к другу Дмитрию. Его дядька работал в Госплане². Дима договорился, что он меня примет. В Тюмени в это время было открыто первое нефтяное месторождение.

Уже в Москве узнал, что меня включили в делегацию на какой-то съезд профсоюзов, куда прилетел Эрвье. Он нас всех собрал, а мне же в Госплан надо! Я ему так осторожненько говорю:

– Юрий Георгиевич, мне бы в Госплан.

– А что там?

– Есть возможность деньги выбить под Тайкеу.

– Ну, тогда занимайся своим делом.

И вот Димин дядя провёл нас в отдел Госплана, где сидят специалисты. И говорит: «Ребята, вот молодой человек. Поговорите. Может, ему можно помочь?»

Я начал рассказывать. А они:

– Подожди. Ты из Тюмени что ли?

– Из Тюмени.

– Что там с нефтью?

– Я не знаю. Я не нефтяник, я рударь.

– Нет, ты про нефть расскажи сначала!

Ну я и рассказал, что слышал перед отъездом. А они:

– На этот год даём 750 тысяч. До конца года хватит? Освоите?

– Конечно, освоим!

Я довольнѐхонек вернулся с деньгами. Их хватило, чтобы довести работы до конца.

Открыл месторождение, остался с бородой

Мы оконтурили границы месторождения и начали готовить проект разведки. Я был автором всех работ и проектов по Тайкеускому узлу. Не доверял никому, потому что, как мне казалось тогда, глубоко верить в проект никто не мог. Особенно после Юнь-Ягинского железорудного месторождения. Тогда мы хлопали в ладошки и взахлѐб говорили: «Ай-ай-яй, какие мы!» А потом выяснилось, что оно не такое уж и крупное. Начали изучать баланс страны, поняли, что это фитюлька.

Помощники у меня, конечно, были. Они делали техническую работу. Но идеи по поиску и разведке внедрял сам. Тем более здесь на пути было много спотыкачей. Начать хотя бы с того, что все инструкции были составлены под редкометалльные месторождения, которые в природе распределяются спорадически: здесь густо, рядом пусто. Чтобы понять, надо проводить более объёмные выработки.

В министерстве строго спрашивали. Например, готовлю я проект под защиту, какой-нибудь начальник говорит:

– А почему нет горных выработок?

– А зачем? Не нужны они.

– Нужны! Делай, что тебе говорят!

Так нас заставили штольню проходить, хотя она абсолютно ни к чему. Позже, когда в команде появились толковые математики Нефедов и Урасев, мы смогли доказать, что даже от диаметра скважины ничего не зависело! Были настолько незначительные колебания содержаний, что достоверность обеспечивали даже скважины малого диаметра. Зачем лишние траты?

Помню, Апельцин говорил: «Вы напрасно бьѐтесь за то, что дешёво, недѐшево. Надо больше денег срывать!» А я настаивал – нужно делать всё так, чтобы было дешевле, потому что стране не хватает многого из-за того, что все делают дорого и плохо. Если бы все стремились хоть к какой-то экономии, были бы совершенно другие возможности у страны и не было бы разбазаривания...

² Госплан – Государственный плановый комитет Совета Министров СССР, действовавший с 1923-го по 1991 год. Комитет занимался общегосударственным планированием развития народного хозяйства и контролировал этот процесс в стране.

ФОТО ИЗ ФОНДОВ МВК ИМЕНИ И. С. ШЕМАНОВСКОГО

В свободное время рабочие рыбачили недалеко от лагеря. На фото – буровики геологоразведочной партии сушат рыбу. Усть-Мраморное месторождение, 1962 год

С момента открытия месторождения редкоземельных металлов Тайкеуской группы в 1961 году я не бреюсь, хожу с бородой, как Фидель Кастро. Сначала говорил, что сбрею, как закончу разведку, потом подумал – на кого буду без неё похож? На «голое коленко»?

Называли «папой Славой»

Вскоре встал вопрос, что нужно снова собирать Полярно-Уральскую экспедицию, ведь её уже как таковой не было. Решили начать с создания группы партий. Тайкеуская из поисково-разведочной была преобразована в геологоразведочную, на её базе в 1963 году и создали Полярно-Уральскую группу партий. Меня снова повысили, сделав её начальником, даже одно время называли «папой Славой».

Когда у Эрвье спросили, кто же будет начальником всей экспедиции (ПУГРЭ), он ответил: «Начальник группы партий есть. Вот пускай он и будет». Ребята так обрадовались, что решили меня поддержать: «Мы тоже бороды

отрастим!» Бородачами и отметили конец полевого сезона и второе рождение экспедиции.

Мне тогда было 34 года. Я ещё и в больницу попал в этот период – удаляли аппендикс. Помню, скрутило, меня прямо с поля посреди ночи привезли к железнодорожникам. Они молодцы, дрезину прислали, быстро доставили до Чума, Сейды – торопились на ночной поезд из Котласа. В Воркуте уже ждала карета скорой помощи. И хоть приступ уже прошёл, всё равно прооперировали...

Тем временем мы продолжили разведку Тайкеу, начали работать на новых участках – вести тщательные, не ниже пятидесятитысячного масштаба съёмки, чтобы можно было всё выявить и детально изучить.

Как всё успевал тогда? Вставал в шесть утра, обходил посёлок, электростанции, котельные, проверял: все ли на своих местах. Потом начинал заниматься делами. Рабочий день был ненормированный, постоянно в движении.

Партии расширялись, как и геологические работы. Трудились в поле, занимались нау-

кой и хозяйственными вопросами. Практически еженедельно я посещал какую-нибудь партию, отряд или буровую. Выписывал тогда много книг и журналов. Сам подготовил полтора десятка статей. Помню, однажды получил открытку из Германии. Пишущий прочёл где-то дайджест с выдержками из материала, подготовленного мной и двумя коллегами, и у него возникли вопросы.

Кстати, начальник экспедиции являлся ещё и главой посёлка Полярный. Помню, как я возмущался по этому поводу, приехав в Воркуту: «Вы же как у Христа за пазухой живёте! Покинули свою контору – и всё, вас больше ничего не кольшет. А здесь то с отоплением проблемы, то ещё что!»

Ради шутки купил «Волгу»

В Полярном у меня была своя «Волга». А появилась она так. Идём мы как-то с кол-

легой по вечернему Салехарду из ресторана, заходим в рыбооповский магазин – был такой при рыбокомбинате. Он по полкам смотрит, что-то выискивает, а я листаю журнал с записями на товары. Вижу: «Караченцева Г. Д.». Моя жена.

– Это что такое? – спрашиваю у продавца.

– Запись на пианино.

А мне Галина ни слова не сказала. Мы тогда действительно дочь Таню решили в музыкальную школу отдать. Пианино нет, вот она и записалась. Решил: значит, я на «Волгу» запишусь! Стоила она 5600 рублей. Товарищ посмотрел на это и говорит:

– Ладно. Тогда я на «Москвича» запишусь.

Так, шутя, между делом и записались. Прошло несколько лет, я уже был начальником экспедиции, ждал «Уралы» из Свердловска для работы. Снабженцы туда съездили, реквизитами обменялись. Вдруг звонок:

Первые двухэтажные дома в посёлке Полярный...

ФОТО ИЗ ФОНДОВ МКК ИМЕНИ И. С. ШЕМАНОВСКОГО

ФОТО ИЗ ФОНДОВ МВК ИМЕНИ ИС. ШЕМАНОВСКОГО

Комиссия возвращается с осмотра Усть-Мраморного месторождения.
Первый справа – Файвель Апельцин. 1960-е годы

– Караченцев?
– Да, Караченцев.
– Приезжайте в Салехард забирать машину.

– А как они попали туда? Их что, водой отправили?

Я же не думал про «Волгу», «Уралы» жду. Препирались-препирались.

– Вы же записывались на машину?!

– Да.

– Ну вот, приезжайте и забирайте!

Прошло не меньше двух лет с момента записи. Поехал в Салехард, а там вместо «Волги» стоит «Москвич». Делать нечего, взял я его и вернулся в Полярный. Через некоторое время пришла «Волга». Тогда «Москвич» отдал коллеге Валерию Соседкову. Он хотел.

– Но денег у меня пока нет, – говорит.

– Частями будешь отдавать.

Так два геолога в Полярном стали владельцами машин. Это был фурор.

С пианино тоже интересная история получилась. В Салехард его так и не привезли. А тут разговорились с одним из начальников партии Дубининым, который когда-то на Кольской сверхглубокой скважине работал: «Так у меня в Тазовском стоит пианино, никак продать не могу. Завтра же его тебе

перешлю». Договорился с пилотом и попутным грузом на самолёте нам привезли инструмент.

Из Полярного в Тюмень

На должности начальника экспедиции продюжил я недолго. В 1965 году меня свалила болезнь – межпетлевой абсцесс. Была тяжёлая операция. Когда вышел из больницы, мне позвонил Эрвье:

– Слушай, дорогой, врачи советуют тебя временно забрать оттуда, тебе надо отдохнуть.

Я бы никуда, конечно, не поехал – отлежался бы, и всё, но он начал настаивать. Пришлось ехать в Тюмень, мне сразу дали трёхкомнатную квартиру. По путёвке съездил в Карловы Вары. Приехал оттуда здоровенький, бодренький. Эрвье спрашивает:

– Замки врезал в квартире?

– Нет.

– Отправляйся и врежь.

Это чтобы никто не занял, жилья тогда не хватало. Подготовили двери, поставили замки. Ребята помогли с мебелью. Тогда с этим были страшнейшие проблемы. Жена моя в тот момент находилась в Полярном, дочь – у бабушки в Краснодарском крае.

ФОТО ИЗ ФОНДОВ МВК ИМЕНИ И. С. ШЕМАНОВСКОГО

Тракторный парк в посёлке Полярный, 1960-е годы

Так я начал работать в Тюмени в главке, там как раз создали Тюменскую геологическую экспедицию. Главным геологом назначили моего бывшего начальника Виталия Охотникова, а меня – главным инженером.

Кончилось тем, что народ пытался восстать – хотели, чтобы руководителем поставили меня. Наверное, создалось впечатление, что это я иницирую, хотя упаси боже. Ко мне даже людей засылали, чтобы это выяснить. Ответил: «Ничего не хочу. Единствен-

ное – занялся бы какой-нибудь научной темой». Но там уже так закопчено было – ой-ой-ой! Позже Тюменскую экспедицию ликвидировали.

Я попросил Эрвье, чтобы мне разрешили до конца довести Тайкеу. На любой работе. Только для этого нужны мои люди. Их следует тоже перевести в Тюмень, предоставив жильё. Так все работники – вплоть до техника – получили квартиры в Тюмени. В итоге мы окончили подсчёт запасов.

ФОТО ИЗ ФОНДОВ МВК ИМЕНИ И. С. ШЕМАНОВСКОГО

Члены комиссии на привале. Слева – главный геолог треста «Ямалнефтегазразведка» Андрей Ослоповский

ФОТО ИЗ ФОНДОВ ИМК ИМЕНИ И. С. ШЕМАНОВСКОГО

На осмотре Тайкеуского месторождения редких металлов, 1962 год

Первыми тогда сделали это с помощью электронных вычислительных машин. Говорят, где-то в Казахстане велись подобные работы. А в РСФСР первыми были мы! Сами разработали методику.

Люминоскоп, Москва и Гинзбург

В стране тогда активно занимались поиском вольфрамового оруденения, выявлением генетических особенностей и признаков. Одним из пунктов был уран, в том числе Полярного и Приполярного Урала.

На это целиком была брошена моя партия. Мы начали с изучения литературы. Ведь шеелит – такой минерал, который непросто выявить. Он невзрачный, по цвету его можно спутать с любым другим. Не каждый догадается его царапать, мерить оптику и так далее.

Со временем обнаружилось одно свойство шеелита – при облучении определённой частоты он начинает люминесцировать. Как правило, в фиолетовых тонах. На этой основе соорудили приборчик в ВИМСе (Всесоюзный институт минерального сырья, – *прим. ред.*). Условно назвали его люминоскопом. Он

работал на круглых батарейках. Один прибор учёные подарили мне. Привёз его, опробовали – шеелиты светятся! Но одного прибора маловато.

Тут я вспомнил про знакомого геофизика, участника войны Геннадия Васильевича. Связался с ним, поговорили. На встречу он мне привёз... точно такой же прибор – сам изготовил! Ставил на своих изобретениях клеймо – по-моему, «Люминоскоп ЛС-1».

В 1962-1963 годах мы уплотнили сеть горных и буровых работ на Усть-Мраморном месторождении. Уже начала вырисовываться картинка по объёму рудной массы. Апельцин помог определить состав – у него над этим работала группа минералогов и химиков из 6-7 человек.

А ваш покорный слуга свой отпуск проводил в Москве во Всесоюзном институте минерального сырья, в кабинете Анатолия Ильича Гинзбурга, руководителя отдела геологии и минералогии редких металлов. Просто места другого не было. Мне выделили уголок, сидел с микроскопом и изучал минералогию своего собственного месторождения. Мордально пытался освоить все рудные минералы. Так мы с Гинзбургом и познакомились.

И когда однажды в Свердловске встретились, Покровский удивлялся:

– Ничего себе, с Гинзбургом обнимаешься! Как у вас запросто.

– Так я два года у него столовался в кабинете, – смеялся я.

Там у него, помимо меня, ещё кто-то сидел – тесно было в ВИМС. Обычно все, кто оказывался здесь, старались быстро сляпать диссертацию, но меня на это не тянуло.

В институте я познакомился и с профессором Сириным, маститым организатором. Мы подружались. Когда бывал в Москве, иногда останавливался у него. Однажды даже Новый год вместе праздновали. Звонит в гостиницу:

– Ты что, один там сидеть будешь? Приезжай ко мне!

Я взял чемоданчик с грузинским вином «Киндзмараули» – и к нему. Посидели, отметили.

«Отлично» за разведку

Когда определили объём месторождения, нужно было пускать его в эксплуатацию. Прикинули, получалось около 15 процентов запасов страны. По расчётам, выполненным на вычислительной машине, оно шло в дело. Но ничего не вышло. Причина простая – человеческий фактор. Тюмень была заинтересована, а министерство – нет.

Лев Ровнин, главный геолог Тюменского управления, ставший позже министром геологии РФ, говорил: «Заканчивай! Мы будем на лауреатство подавать». Приезжаю в министерство, встречаю старого знакомого, а он мне:

– Что ты носишься со своим танталом?! Мы сейчас заключаем договор с Бразилией, они будут поставлять нам пироксировый концентрат. Практически за миску риса – миску концентрата.

Проходит два месяца, президент республики Бразилия Гуларт, с ведома которого заключался этот договор, был скинут американцами. Договор лопнул. Я потом у этого товарища спрашиваю:

– Ну и где ваша миска пироксорова? И свой не делаем.

А ведь я тогда даже к родителям не ездил, занимался месторождением. Материалы были секретные...

Защищать отчёт предстояло в Тюмени. Поскольку «доброжелателей» у меня было много, поехали искать рецензента в Свердловск – в Уральское геологическое управление. Рецензентом нам назначили опытного геолога, кандидата наук Кукулина. Когда он прочитал работу, сказал:

– Станислав Георгиевич, потрясающий язык! Всё понятно, складно. Своим сказал: вот пример, как надо проводить разведку и как по ней отчитываться.

Безоговорочно поставил «отлично». Мои «доброжелатели» переживали, даже специально искали зацепки в разных экземплярах – где-то номер на карте не указан, где-то ещё что-то. Но отличная оценка осталась. А за поисковые работы поставили «хорошо». Здесь у меня был сооткрыватель Александр Цымбалюк. Или меня можно назвать его сооткрывателем, потому что Александр Васильевич первый обнаружил аномалию Тайкеуской группы. Он возражал. Даже с чем-то в отчёте был несогласен – мои парни некоторые геологические вещи по-другому трактовали, ведь Цымбалюк вёл съёмку пятидесятитысячного масштаба, а мы – десяти тысячного.

К новым задачам

Встал вопрос, чем заниматься дальше. Нужно было обобщить весь материал по редким элементам всей Тюменской области, Уралу. Тогда создали Полярную редкометалльную партию, меня поставили её начальником. Шёл 1967–1968 год.

Я начал вылетать на Приполярный Урал, поскольку не был знаком с теми проявлениями. И вот однажды, когда мы были проездом в Саранпауле, ждали вертолёт, у меня резко поднялась температура. Главный врач экспедиции Лидия Верник осмотрела и говорит: «Отправляю вас в Берёзово».

Там тоже не смогли понять, что к чему – их хирург в отпуске, поэтому бортом санавиации меня доставили в Тюмень. На аэродроме встретила скорая помощь.

ФОТО ИЗ ФОНДОВ МВК ИМЕНИ И. С. ШЕМАНОВСКОГО

Как начальнику партии подсчёта запасов, Станиславу Караченцеву выделили отдельный кабинет. Тюмень, 1970-е годы

– Пожалуйста, заскочите на улицу Республики, 144, я хоть сапоги сниму, – попросил я. – Больница недалеко.

Зашёл домой, сбросил болотники, снял робу. Придётся – и к врачам. По рентгену обнаружили поддиафрагмальный абсцесс. Снова операция. После врач Анатолий Радченко сообщил, что так, мол, и так – пришлось удалить одно ребро.

– А где оно? Надо было мне отдать, сделал бы из него рукоятку на нож! – пошутил я.

В общем, сорокалетие встретил в областной больнице.

Когда очухался, вернулся в свою Полярную редкометалльную партию, и мы продолжили работы. Подбивали, собирали дополнительные материалы. Выезжали на Приполярный, на Полярный Урал. На втором перспектив намного больше. Это связано со структурами не общеуральского протяжения. Где меридиональная уральская структура накладывается на структуры ино-

го направления, там происходят вспышки процессов, которые приводят к возникновению оруденения. Как правило, шли процессы гранитизации глубоких зон метаморфических пород. Я был захвачен этой идеей, стал собирать материал по стране, использовал отделы научно-технической информации, написал отчёт.

С 1 января 1970 года мою партию и ряд других тематических партий передали в Западно-Сибирский научно-исследовательский геологоразведочный нефтяной институт (ЗапСибНИГНИ), создав отдел по твёрдым полезным ископаемым. Мне под кабинет выделили... бывший туалет! Но ничего, мы освоились, причём здорово. Коллектив был небольшой.

А тайкеуская команда после защиты отчёта начала рассасываться – люди разъехались по разным сторонам. 🤝

Продолжение в следующем номере³.

³ Автор выражает благодарность Игорю Геннадьевичу Перминову, ветерану Полярноуральской геологии, за помощь в подготовке материала.

ФОТО ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА ПЕТРА БУРОВЦЕВА

ТАЁЖНЫЕ ТРОПЫ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ МИЛИЦИОНЕРА БУРОВЦЕВА

Иван БЫЧКОВ

г. Тюмень

Если судить о человеке по способности поддерживать правопорядок на вверенной территории, то полковник милиции Пётр Буровцев займёт место среди таких исторических деятелей, как принц Виллем VI Оранский и хорватский князь Трпимир I. Первый руководил Шурьшкарским райотделом внутренних дел 27 лет, второй – правил Нидерландами 25 лет, третий – владел Приморской Хорватией 21 год. Общая площадь «подведомственных» земель у всех троих вполне сопоставима...

Монархам, впрочем, было легче, чем Петру Фёдоровичу – они ведь, как говорят англичане, уже родились с серебряной ложкой во рту. А наш герой – из простого народа. На ответственной должности он дослужился от капитана до полковника – невиданное в те времена звание для районного милицейского руководителя. Местные жители шутили, что при Буровцеве люди рождались, росли, садились в тюрьму и возвращались...

«Батя» – называли его «бывальые» и учили недорослей: если попался к Буровцеву, то выкладывай всё как на духу – он поймёт. Но если начнёшь врать и выкручиваться – пеняй на себя...

А ведь в юности ничто не предвещало столь длинной милицейской карьеры.

От Берлинской стены до школы милиции

– О такой судьбе я и не помышлял, – улыбается Пётр Фёдорович. – Всё решил случай. Я служил в ГСВГ¹ и вернулся из армии позже сверстников – задержался из-за известных событий в Берлине в августе – октябре 1961 года².

Тогда ранним утром 13 августа их подразделение связи вместе с другими разномастными советскими частями, дислоцированными в столице ГДР, подняли по тревоге и вывезли к контрольно-пропускному пункту на одном из городских перекрёстков. Там уже стояли гру-

¹ ГСВГ – Группа советских войск в Германии.

² В августе – октябре 1961 года произошла цепочка событий, закончившаяся строительством Берлинской стены и так называемым танковым противостоянием на Фридрихштрассе.

зовики с кирпичом, из которого предстояло сложить знаменитую Берлинскую стену. Когда высота этой наспех возведённой преграды достигла полутора метров, с противоположной стороны улицы показались американские танки... А 29 августа советское правительство объявило о временной задержке увольнения в запас военнослужащих срочной службы (США, кстати, сделали то же самое).

– И вот, уже будучи дома, собрался я с друзьями Аркадием Писаревым и Колей Исаевым отметить какой-то праздник, а заодно обсудить планы на дальнейшую жизнь. Тут заходит знакомый отца из Тюмени. Пригласили гостя к столу, а он, как оказалось, был представителем УВД по кадрам и агитировал молодых ребят в милицию. Даже сам обрадовался, как удачно зашёл!

Вот он и предложил всей компании идти на начальные курсы в Тюменскую школу милиции. Наутро у Буровцева проснулись сомнения, но слово-то уже дано. Выкрутиться решил простейшим способом – завалить экзамены. Но не завалил. И друзья не завалили. После учебы Петра Фёдоровича отправили в Кондинский район. После знакомства с новым местом службы его отпустили домой, и Пётр заявил молодой жене:

– Не поеду на Север, не хочу.

А она ему:

– Ты чего? Поедем...

И уехали на сорок лет.

И никаких «глухарей»!

– Назначение я получил сразу на должность старшего оперуполномоченного уголовного розыска Кондинского РОВД, чуть позже стал замом начальника отдела и почти сразу начальником, – описывает карьерный взлёт наш собеседник. – У меня были хорошие показатели по борьбе с экономическими преступлениями. Кроме того, за короткий срок я распутал все нераскрытые убийства прошлых лет.

«Глухарей», по словам Петра Буровцева, в то время хватало. В районе работал крупный леспромхоз и другие предприятия. По многочисленным зимникам курсировали грузовики, значительную часть рабочей массы составляли сезонные работники – народ разношёрстный и беспокойный. Бывало, сидят, выпивают. Слово за слово... А потом один другого с ножичком подкараулит.

– Такие преступления очень тяжело раскрывать, – объясняет ветеран. – Свидетелей нет, мотив неочевиден. Если по горячим сле-

Противостояние американских и советских танков в октябре 1961 года у контрольно-пропускного пункта «Чарли». Где-то там, возможно, даже в кадре, и наш герой...

ФОТО ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА ПЕТРА БУРОВЦЕВА

Построение личного состава райотдела проводит начальник окружного ОВД полковник милиции Фарит Бикбулатов. На фоне – старое здание Шурышкарского РОВД. 1970-е годы

дам не успеешь вычислить злоумышленника, потом ищи ветра в поле.

За туманом, запахом тайги и жуликами

Уже и Гагарин в космос слетал, а у местной милиции всё ещё не было своего транспорта. Как-то осенью из Куминского пришло сообщение о краже на местной базе. Надо срочно разбираться, так как тамошний заведующий до проведения ревизии отказывается выдавать продукты, и народ скоро начнёт голодать. Буровцев отправился туда пешком. Всего-то 90 километров! А осень была очень холодной, сырой...

– Через тридцать километров дошёл до первого посёлка – Устье-Аха (сейчас Междуреченский) и переночевал у местного внештатника, – расписывает свой маршрут Пётр Фёдорович. – Он наутро мне объяснил дальнейший путь: сначала до озера, там возьмёшь влево и так дойдёшь до Куминского. Я взял хороший темп... и к вечеру опять вышел к тому же посёлку!

Оказалось, что рано повернул – нужно было ещё пройти вдоль берега озера до

какой-то собачьей тропы и уже по ней... Делать нечего – вновь заночевал у внештатника, а с утра отправился в путь.

– Иду-иду. Уже темнеть начинает, – вспоминает ветеран. – Слышу вдалеке собачий лай. Значит, недалеко люди. Прибавляю ход, а лай всё не приближается. Оказывается, в тайге далеко звуки слышать... Только через полтора часа вышел к каким-то вагончикам. А там геологоразведчики. Приняли они меня радушно, воды накипятили, чтобы ноги отогреть, а наутро отвезли в посёлок. Я сразу к завбазы, но тот стоит на своём: «Сидеть за чужие грехи не хочу, без ревизии склады никому не открою»...

Наш герой с ним спорить не стал – света всё равно нет. В отдалённом посёлке электричество дают по часам, а во тьме осматривать место происшествия бессмысленно.

– В местной конторе стояли нары для приезжих. Вот там я и обосновался на ночлег, – продолжает Пётр Фёдорович. – Вдруг среди ночи кто-то стучится в дверь. «Ты кто?» – спрашиваю. – Я вор, которого вы ищете.

– Ну, раз вор, полезай под нары.

Только начал засыпать, опять кто-то стучится: «Я тоже вор»...

Утром Буровцев разглядел воришек: молодые ребята. Украли с базы продукты и спрятали в лесу. Съесть ничего не успели и всё разом вернули. А по результатам утренней ревизии оказалось, что директор базы настолько скрупулёзно вёл дела, что у него недостача точно совпала со списком украденного.

– С ревизией мы быстро разобрались, и я призадумался, что с воришками делать? Тащить их за собой девяносто километров по тайге – не лучшая затея, и жалко стало пацанов, поэтому я составил материалы, отказал в возбуждении уголовного дела, так как материальный ущерб был возмещён. Отправился обратно. По возвращении пришлось держать ответ перед районным прокурором.

– Как ты мог их оставить на свободе? – распекал меня представитель надзорного ведомства. – Один из них ранее судим, ему прямая дорога в лагерь!

– Извините, но картотеку первого спецотдела я с собой не брал, так что понятия не имею, кто там судим, а кто нет.

Хотя о судимости я всё же знал...

Вот так ради раскрытия одного преступления Буровцеву пришлось пешком отмахать около двухсот километров – почти три марафонские дистанции!

Как подружиться с подозреваемым

– Тогда всё время пешком приходилось передвигаться, поэтому и в полыньях не раз купался, – вспоминает Пётр Фёдорович. – Отправился однажды в деревню Половинка разбираться с анонимкой на одного местного руководителя. Шёл по заметённой снегом реке, всё ровно и ничего не видно. Не заметил полынью и провалился. Руками кое-как дотянулся до кромки льда, вылез. Мороз стоит – надо идти, а то замёрзну. Одежда на мне сразу колом встала.

Думал, до жилья ещё далеко, но метров через триста за поворотом показалась та самая деревушка – Половинка.

– Гляжу, на реке какая-то женщина из проруби воду набирает. Я сразу к ней. Иду и думаю: сейчас она меня увидит, примет за снежного человека и в страхе убежит, – вспоминает Буровцев.

Но сельчанка оказалась не из пугливых. Проводила незнакомца к себе в избу, усадила у горячей печи.

– Я кое-как стянул с себя мокрое, хозяйка выдала одежду мужа, я её натянул: ого, два раза обернуться можно! А по деревне уже слух разлетелся, что утопленник с реки пришёл, – смеётся собеседник. – Пришёл хозяин дома, заставил меня раздеться, растёр водкой, отправил на русскую печь, тулупом укрыл. Спи, говорит, и ушёл на работу. Я сразу вырубился и проснулся уже к вечеру – ни насморка, ни чиха. Молодой был, здоровый!

Вечером наш герой разговорился с хозяином, и, оказалось, что это и есть тот самый «жулик, каких свет не видывал». Буровцев виду не подал и включил всю свою милицеевскую наблюдательность. Ну никак не вязался этот основательный, прямодушный человек с образом расхитителя социалистической собственности! Чтобы развеять все сомнения, милиционер решил найти автора рукописной анонимки – это было совсем не трудно. Доносчицей оказалась местная жительница, уволенная за злоупотребление спиртным. Затаив на начальника обиду, она решила поквитаться...

– А с хозяином мы сдружились, – улыбается Буровцев. – Позже, бывая по делам в посёлке, я всегда у него останавливался.

Из Сибири в Сибирь...

На должность начальника Шурышкарского РОВД Буровцев попал не сразу. Первое назначение сорвалось из-за нелепого случая:

– Дело было весной, перед ледоходом, когда вода уже заливала переправу, – вспоминает Пётр Фёдорович. – Мне понадобилось на другой берег Конды. Дошёл до середины, и тут треск – началась подвижка льда. Я сразу побежал и лишь краем уха услышал, как что-то в воду булькнуло. Уже на берегу хватать по карманам – нет пистолета! Если бы лёд ещё стоял, я бы его нашёл, а тут – где искать-то?..

Начались проверки. Вызывает нашего героя к себе начальник областного УВД генерал Рытиков и говорит:

– Видишь бумагу? Мы тебя приготовили к назначению на должность начальника райотдела, а ты что наделал?!

ФОТО ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА ПЕТРА БУРОВЦЕВА

В старом здании РОВД было печное отопление, поэтому районный пожарный инспектор Вячеслав Субботин постоянно проводил в нём рейды

Пришлось капитану милиции Буровцеву на какое-то время вернуться в Кондинское. Но осенью 1970 года его вновь вызвали в главк и сообщили, что всё же переводят на Ямал.

– Когда я впервые увидел село Мужи, мысль была одна: бежать! – смеётся Пётр Фёдорович. – Маленькая деревушка. Деревянные тротуары и улицы, мощённые брёвнами. Если в распутицу чуть оступиться, сразу тонешь в слякоти. Гроза пешеходов – коровы. Они никому не уступали дорогу и могли столкнуть в грязь любого. Я супруге всё это по телефону описал, но она отреагировала спокойно, сказала, что будем жить.

– Маме бытовые удобства были безразличны, лишь бы быть рядом с папой, – добавляет дочь Светлана. – Родители очень любили друг друга. Мне повезло увидеть такую любовь!

Сон на бильярдном столе в лунную ночь

Первые месяцы новый начальник РОВД жил в ленинской комнате отдела, спал на бильярдном столе. Только через полгода пе-

ред приездом семьи ему выделили своё жильё – однокомнатный деревянный домик на окраине, возле аэропорта.

В те годы районный отдел милиции представлял собой трёхкомнатную бревенчатую постройку с печным отоплением. В штате было три участковых и опер. Основное средство передвижения – ноги и гордость отдела – семь выездных лошадей. В штате был замечательный конюх Афанасий Иванович Липатников, благодаря которому животные всегда были ухоженные, здоровые, резвые.

– В районе около тридцати населённых пунктов, так что выездов было много, – вспоминает ветеран. – В совхозные стада добирались уже на оленях, а для самых дальних командировок можно было задействовать вертолёт. Когда в отделе появился первый снегоход – советский «Буран», на него смотрели как на чудо техники!

В то время криминальная сводка Шурьшкарского РОВД представляла собой типичный для сельской местности набор преступлений: кражи да убийства. Причём семейные трагедии случались редко. Это уже потом разборки между роднёй стали нор-

ФОТО ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА ПЕТРА БУРОВЦЕВА

Тот самый бильярдный стол, на котором Петру Буровцеву пришлось спать в первые месяцы работы. В этом кабинете находилась ленинская комната

мой, тогда же они считались делом из ряда вон выходящим.

Были и уникальные ситуации – например, кража нарезного охотничьего оружия из местной организации. По горячим следам преступление раскрыть не удалось, но Буровцев со своими коллегами об этом случае не забыл. По законам жанра похищенное ружьё должно было выстрелить...

– Однажды в лесу обнаружили тушу лося. Браконьеры взяли только лакомые её части, остальное бросили. В тех останках мы и нашли пулю от карабина. Такие стволы в те годы были наперечёт, и мы ухватились за эту ниточку, – продолжает собеседник.

Так почти через десять лет, за несколько месяцев до истечения срока давности, милиционеры нашли похитителей карабина. Ими оказались местные жители, успевшие с той поры повзрослеть, отслужить в армии, жениться; кто-то даже срок отсидел за другие провинности. А Буровцев всё искал...

Криминальная миграция моторов

Настоящий бич речных посёлков – кражи навесных лодочных моторов. Из-за тяжести их принято оставлять после работы на берегу вместе с лодками. Матросы проходящих мимо судов этим иногда пользуются: высадутся ночью, снимут дорогую вещь с лодки и скорее наутёк. Утром их судно уже и на

горизонте не видать. Где искать? По воспоминаниям Петра Буровцева, особенно лютовали речные воров осенью, когда транспорт возвращался на зимовку в свои пароходства.

– Я поручил суточному дежурному райотдела записывать номера всех судов, проходящих ночью мимо посёлка, – объясняет своё ноу-хау ветеран. – Потом сверяли список с датами совершения краж и осенью отправлялись в пароходства. Случалось и в Омск за моторами ездить, и в Новосибирск! Либо сам мотор, либо деньги за него всегда обратно привозили! А потом в посёлке было установлено ночное дежурство на причале из числа местных общественников, поставили столбы с освещением, и кражи прекратились.

– Оттого мы и славились в то время на всё пароходство! – улыбается опытный страж правопорядка.

Пьяные ружья

Однажды из лагеря соседней Коми АССР осуждённые совершили групповой побег. По информации, три беглеца шли как раз в сторону Шурышкарского района. Ситуация сложилась напряжённая – от такого контингента ждать можно самого худшего, терять им нечего.

– Мы связались с соседями и согласовали совместные действия, – продолжает рассказ Пётр Фёдорович. – Выставили засады с обеих сторон административной границы. Эти беглецы на них как раз и вышли. Взяли всех...

– А если в посёлке начинались семейные разборки, папа всегда сам шёл умирять дебоширов, – вклинивается в нашу беседу дочь ветерана. – Мы с мамой из-за этого всегда так сильно переживали! Как-то раз звонят нам на праздниках, на дворе уже темно: пьяный сельчанин свою семью под прицел взял! Помню, как мама просила отца, чтобы он кого-нибудь из милиционеров позвал на подмогу. А он даже слушать не стал...

– Дочка, нельзя было медлить, – отвечает Светлане наш собеседник. – Пока там кто-нибудь до нас добежит, вооружённый пьяница всю родню перестреляет...

В тот вечер начальник РОВД отправился на вызов один. Зашёл в дом, сказал испуганной хозяйке, чтобы стояла в стороне и не высовывалась. А та, обернувшись к пья-

ному мужу, закричала: «Идёт!» Смутьян выскочил в узкий длинный коридор и направил ружьё на милиционера. Буровцев успел сделать шаг влево и шаг вправо...

– Слышу – боёк по гильзе клацнул, а выстрела нет. Осечка! – вспоминает ветеран. – Выбиваю ружьё у дебошира, достаю патрон – на капсюле вмятина. Вот ведь как повезло!

В другой раз ружьё всё же выстрелило. Очередной пьяница собрался расправиться со своей семьёй – стоит на улице перед домом и орёт. Буровцев пошёл с милиционером – тот должен был издали отвлекать вооружённого дебошира, пока он к нему сзади подберётся. А милиционер в какой-то момент растерялся и кричит: «Пётр Фёдорович, а что мне делать?»

Дебошир всё понял, обернулся, увидел начальника милиции и сразу выстрелил... Заряд дроби разнес каблук на сапоге.

Как встретились два одиночества

– В посёлке была единственная машина. И надо такому случиться, что она совершила наезд, да еще и со смертельным исходом, – сокрушается Пётр Фёдорович.

А произошло всё как-то глупо – возились мужики возле машины. Один кричит водителю:

– Сдай немного назад!

Ну тот и сдал. Машина стояла возле кирпичной стены, а перед ней – тот самый кричавший водителю рабочий...

– А в другой раз я находился на совещании в УВД области, – продолжает ветеран, – приходит сообщение: в Мужах столкнулись на улице машина ОРСа (отдел рабочего снабжения) и трактор. Единственные «два транспорта» на весь посёлок! Пострадала нога водителя. Начальник УВД говорит: «Надо же, какие узкие улицы в посёлке. Всего две машины, и те не разъехались».

Меняю чучела на райотдел!

– Новое здание райотдела я построил с огромными сложностями, – переходит к хозяйственной теме Пётр Фёдорович.

На дворе уже развитой брежневский социализм, над головой космонавты летают, а мужевские милиционеры работают в старорежимной избушке с печками. Несовременно!

– Сначала я присмотрел хорошее местечко, но мне почему-то не разрешили там строить, – вспоминает Буровцев. – Вместо этого, как назло, отвели участок на болотине. Пришлось сваи вбивать, тоже лишние расходы. Оттого и гаражи маленькие получились.

По словам собеседника, он просил у руководителей поселковых предприятий стройматериалы, но те отказали: «Ничего нет!» Районное руководство помочь строительству тоже не захотело.

– Решить проблему помог случай. В финотделе окрисполкома прознали, что я делаю

Поселковые тротуары. «Мужи – грязь да лужи» – такая поговорка гуляла среди сельчан в те годы

ФОТО ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА ПЕТРА БУРОВЦЕВА

неплохие чучела птиц, и попросили несколько штук. А я им в ответ: «Помогите и вы, выделите денег на строительство»...

Таксидермия – давнее хобби милиционера Буровцева. Его он перенял у своего друга Михаила Глебова, окончившего специальные курсы. В таёжной глубинке, где охота и рыбалка – главное мужское развлечение, многие пытались освоить это ремесло, да не у всех получалось.

– Я быстро перенял опыт товарища и даже усовершенствовал процесс. Михаил, будучи медиком, для обработки шкур применял разные растворы, а я пользовался обычной золой. Она хорошо укрепляет шкуру и делает её долговечной. Я как-то интуитивно к этому пришёл. Глебов мою идею оценил и говорит: «Ты быстро всё схватываешь, но больше никого не учи!»

В конце концов учитель признал, что ученик его превзошёл и говорит: «Я вожусь с этими чучелами много лет, а ты шкуру набил – и всё».

– Было очень приятно услышать такое от настоящего мастера, – откровенничает ве-

теран. – Вот за счёт тех чучел и построили новый райотдел в Мужах. Всего за год управились! А мои работы, наверное, до сих пор где-нибудь в Салехарде хранятся.

Пётр Фёдорович Буровцев с 1997 года на заслуженном отдыхе, живёт в Тюмени. В посёлок, где прошла большая часть его сорокалетней милицейской карьеры, он возвращался лишь однажды. Ветеран с лёгким удивлением слушает рассказы о том, как изменились Мужа, что вместо деревянных мостков появился асфальт, а вместо покосившихся хибар – новые красивые дома.

– Со мной служили удивительные люди, – вспоминает ветеран. – Я и сейчас пошёл бы в разведку с такими, как Николай Попов, Филипп и Василий Коневы... Мы работали как единый организм и жили как семья. Поэтому много лет отдел удерживал переходящее Красное знамя. Начальник УВД области как-то при очередном подведении итогов сказал: «Может, навечно отдадим знамя райотделу?» Своей беззаветной службой мы заслужили право называться самой скорой милицейской помощью. 🇷🇺

ФОТО ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА ПЕТРА БУРОВЦЕВА

У нового здания РОВД, 1994 год. В первом ряду в центре – Пётр Буровцев, второй слева – будущий начальник окружного УВД Виктор Погорельый, откомандированный для участия в инспекторской проверке

ОБЛАВА

Андрей ДРОБИНИН

г. Салехард

За почти столетнюю историю ямальской прокуратуры через неё прошло много разного люда. Кого-то мы помним до сих пор, а кто-то, служа закону на сломе эпох, не оставил после себя ничего, кроме неразборчиво нацарапанного плохим пером имени.

В книге приказов конца 30-х годов прошлого века фигурирует Дора Демьяновна Ерёмина-Шавкун. Упоминается она и в книге об истории ямальского правосудия¹. Имя у дамы звучное, а доступной информации о ней почти никакой, за исключением того, что в 1937 году её приняли стажёром народного следователя. Как она попала на Север, долго ли служила, что рассказать о ней нынешней молодёжи? Чтобы ответить на эти вопросы, пришлось пуститься в историческое расследование...

Стёртые имена

Поиск привёл нас в государственный архив Омской области, где обнаружилось рассекреченное ныне уголовное дело² по обвинению Доры Шавкун в совершении должностного преступления. Дело рассматривалось в 1935 году военным трибуналом внутренней и пограничной охраны Западно-Сибирского края НКВД СССР.

Что совершила эта женщина, если ей пришлось отвечать перед своими же? И почему она вновь оказалась на страже правопорядка? Давайте откроем старую папку и заглянем в прошлое...

К сожалению, мы не знаем, как выглядела Дора, не сохранилось её фотографий. Но те сведения, которыми мы сегодня располагаем, свидетельствуют, что женская судьба её не была счастли-

ИЛЛЮСТРАЦИЯ: ЛЮБОВЬ БУТЗОВА

¹ Е. Демьянова. «Право на независимость. Страницы ямальского правосудия», Екатеринбург, изд-во «Баско», 2006. Фамилия «Шавкун» в книге искажена из-за неразборчивости почерка в источнике.

² ГИАОО, Фонд Р-1548, опись 2, дело 292.

вой, а работа, к которой она привыкла, больше доставляла неприятностей, чем радости.

Любая профессия накладывает отпечаток на личность её обладателя. Служба в силовых структурах связана с постоянным риском, контролем и повышенной ответственностью, что не проходит бесследно для психики, влечёт изменения поведенческих и моральных качеств, то есть профессиональную деформацию. Особенно

дов была непредсказуемой, никто не мог заранее знать, куда его забросит воля партии.

Власть большевиков, остро ощущая лютую нехватку квалифицированных специалистов, латала бесчисленные дыры в хозяйстве бурлящей страны, перекидывая свои кадры с места на место, туда, где припекало. Так, по партийной путёвке Дора оказалась на работе в ОГПУ, где ей вручили маузер в большой деревянной кобуре и скрипучую тужурку из потёртой

Пост охраны на Китайско-Восточной железной дороге

этому подвержены женщины. Сохранившиеся документы характеризуют Дору Ерёмину как добросовестного опытного работника, склонного между тем к грубости и нетерпимости в общении с простыми гражданами...

Её юность пришлось на революцию, сильно увлечшую Дору своей новизной, шансом вырваться из нужды, захватывающими возможностями и сильными эмоциями. В 1920 году она вступила в комсомол. А через пять лет, когда ей исполнилось двадцать, Дора Ерёмина стала коммунистом. Тогда многие вступали, это был знаменитый «ленинский призыв», чем Дора гордилась потом всю жизнь. Но судьба партийца двадцатых го-

рыжей кожи, которую она позже заменила на зелёную гимнастёрку. Через несколько лет Ерёмину перевели в Главное управление погранохраны РСФСР. Вновь облачившись в кожанку, Дора беспрекословно отправилась на Дальний Восток, в Забайкалье.

Мы свою КВЖД никому не отдадим

Маленький провинциальный городок Хилок лежит на пути из Улан-Удэ в Читу. Через него проезжает любой, кто путешествует по Транссибу на Дальний Восток и обратно. В своё время местная станция была частью

знаменитой КВЖД³, ставшей камнем преткновения в отношениях между СССР и Китаем.

В начале июля 1929 года восточный сосед под предлогом борьбы с коммунистическим влиянием перешёл к открытой агрессии. Советский персонал железной дороги изгонялся и заменялся китайским, имущество транспортной артерии захватывалось или страдало от набегов местных бандитов – хунхузов.

пост было совершено несколько вооружённых нападений, но она от этого становилась только жёстче и злее. Конечно, было страшно, но страх она глушила спиртом, лихо отплясывая под переборы гармошки:

«Вьются рельсы вдалеке
И колечком вьётся дым.
Мы свою КВЖД
Никому не отдадим!»

Станция Хилок в начале XX века. Примерно так она выглядела до 1930-х годов. Потом посёлок начал стремительно разрастаться. Сейчас это административный центр Хилокского района

Обновлённое правление КВЖД расплодило коммерческие агентства, привлекавшие грузы на дорогу. Агентства эти содержались, по сути, на казённые средства СССР, а прибыли не приносили. Зато процветала контрабанда – под видом служебных грузов её непрерывно гнали по «железке»...

Дора в то время даже спала с оружием. Её рыжая кожанка была знакома всем контрабандистам, с которыми она не церемонилась. На её жизнь многократно покушались, на пограничный

В биографии Василия Блюхера, одного из первых маршалов Советского Союза, много белых пятен. Его до сих пор называют «полководцем-загадкой»

Дальнейшие события многократно описаны в исторической литературе. Летом 1929 года СССР разорвал дипотношения с Китаем и провёл серию успешных военных операций против агрессора. Они завершились

³ КВЖД, или Китайско-Восточная железная дорога – южная ветка Транссиба, построена в 1897–1903 гг. на территории Маньчжурии – северо-восточной исторической области Китая, соединяла Читу с Владивостоком и Порт-Артуром (ныне Ляошунь, Китай). Дорога и полоса отчуждения вдоль КВЖД принадлежали России и обслуживались её подданными.

подписанием Хабаровского протокола. По нему Советский Союз восстановил все свои права в отношении КВЖД, а Китай обязался ликвидировать вооружённые белоэмигрантские отряды в Маньчжурии.

Эта железная дорога оставалась совместным советским предприятием ещё пять лет, пока в 1935 году СССР не продал её...

Заслуги нашей героини командование оценило по достоинству. Почётную грамоту ей вручил сам командующий Особой Дальневосточной армией Василий Блюхер, прибывший в Хилок с группой комдивов и представителей погранохраны.

Однако время не стоит на месте, и, когда назрела необходимость, Дору перевели из пограничников в милиционеры. Так в 1933 году она оказалась в Омске, в Управлении рабоче-крестьянской милиции.

Паспортистка из Называевска

Теперь мы переходим к основным событиям нашей истории, изменившим жизнь Доры. Напомню, что это была весна 1935 года – начало массовых репрессий, последовавших за убийством Кирова, ближайшего соратника всемогущего Сталина. Но Омск – далёкая советская провинция, народ ещё не напуган террором и, не боясь, требует от правоохранителей соблюдения законности и недопущения перегибов.

Сейчас об этом мало кто помнит, но в те времена Омская область была одним из самых крупных регионов страны. Она раскинулась от приграничных казахских степей и до ямальских тундр, сползающих в Ледовитый океан. И арктические широты Ямала, и болота Ханты-Мансийска, и сельскохозяйственные угодья Тюмени – всё это входило в состав громадной Омской области.

Итак, мы в омской глубинке. В ста двадцати километрах от Омска есть небольшой городок Называевск, перевалочный пункт на северной ветке Транссиба. Туда Дора Шавкун и была назначена начальником паспортного стола.

На работе дела у нашей героини складывались неплохо, её ценили за добросовестность и журили за грубое обращение с людьми. Было и кое-что посерьёзнее: за утерю чистого бланка паспорта Ерёмину провела двое суток под арестом. Можно сказать, легко отделалась. Тем более, как позже выяснилось, тот бланк она не потеряла, а отдала знакомому.

Штатная численность Называевского отдела милиции была совсем маленькой, поэтому в рейдах и облавах участвовали все сотрудники. Ерёмину быстро вникла в оперативную обстановку и изучила территорию в районе железнодорожной станции. Поначалу на мероприятиях она вела себя вполне корректно, стараясь соблюдать инструкции, как привыкла на границе. Но однажды Дора упустила сбежавшего арестованного. Преследуя его, как полагается, она сделала два предупредительных выстрела вверх. Беглец лишь оглянулся и припустил ещё быстрее, моментально затерявшись среди вагонов.

– Эх ты, шляпа, – презрительно бросил Ячников, начальник районного отделения милиции. – Делай как я – бей их прямо!

Явно хвастаясь, он поведал, как однажды выбивал из арестованных нужные показания. Не самый лучший пример для подчинённых, но Дора поняла, что требуется начальству, и потом вела себя жёстко и без оглядки на инструкции. Был случай, когда конвой из Омска привёз арестованных. Дора обратила внимание на женщину, метавшуюся по коридору отделения; она запуталась, не знала, куда идти, и не давала прохода конвою. Дора не растерялась, подбежала к ней, ударила по лицу и вытолкала вшаей из отдела.

18 апреля 1935 года через станцию проезжал замначальника Управления РКМ УНКВД по Омской области товарищ Скорняков⁴. Во время стоянки, прогуливаясь по перрону, Луппа Ксенофонович обратил внимание на многочисленных торговков. Расположившись на столах вдоль заплёванного подсолнечной шелухой перрона, они торговали нехитрой снедью. Пассажиры с удовольствием покупали у них продукты в дорогу. Среди толпы шныряли

⁴ Скорняков Луппа (Леонид) Ксенофонович, 1892 года рождения. В 1939 году уволен согласно ст. 33 п. «а» Положения (по служебному несоответствию). Впоследствии восстановился в органах. Участник Великой Отечественной войны, награждён орденом Красного Знамени. В отставку вышел в 1946 году в звании полковника.

чумазные вороватые беспризорники, а чуть в стороне прохлаждалась парочка милиционеров.

Скорнякова возмутило бездействие патрульных, и они там же, на перроне, получили нагоняй.

– Передайте своему начальству, чтобы навели порядок со спекулянтами. Развели антисанитарию... А беспризорники что здесь делают? Принять меры! – рявкнул на вытянувшихся по струнке милиционеров строгий начальник.

Вообще-то линейная транспортная милиция не относится к территориальным органам, имеет свою структуру и руководство. И отвечает за вокзал и прилегающую территорию именно транспортная милиция, а не территориальны, о чём товарищ Скорняков в силу занимаемой должности обязан был знать. Ну да ладно, профессиональной деформации подвержены не только женщины.

Уполномоченный оперпункта УГБ станции Называевской старшина Почекуев тоже не стал заморачиваться с иерархией и просто передал поручение чекиста Скорнякова в районный отдел милиции.

Поскольку начальник райотдела Ячников был в отъезде, выполнять поручение Скорнякова пришлось местному оперу Илье Аркину⁵, оставшемуся «на хозяйстве» за начальника. Команды вышестоящего руководства должны выполняться моментально, и Аркин тут же развил кипучую деятельность. Но как обычно бывает в таких случаях, устное эмоциональное приказание начальства, переданное через третье лицо, исказилось до неузнаваемости.

Собрав в отделе всех свободных сотрудников и бригадмильцев⁶, Аркин, будучи опытным оперативником, решил сначала обсудить предстоящее мероприятие с местным прокурором.

Прокурора на месте Аркин не застал, но его заместитель Косенко внимательно выслушал Илью.

– У меня полно оперативной информации о том, что в Называевске здорово происходит спекуляция печёным хлебом, – убеждал Аркин прокурора.

– Да, тема актуальная, – согласился Косенко. – Есть указание Наркомюста⁷ – привлекать по 107 УК граждан, скупивших в госторге с целью перепродажи более восьмидесяти кило хлеба. Впрочем, и тех, кто более тридцати двух кило наберёт, всё равно привлекать, но уже по 105 УК⁸. Но учти, Аркин, – предупредил Косенко, – что директива Наркомюста предостерегает от каких-либо массовых обысков, привлечений и так далее.

Увы, предупреждению прокурора деятельный Аркин не внял, в результате огрёб немало неприятностей и едва не угодил за решётку.

Выслушали, но поступили по-своему

Вернувшись от прокурора, Аркин позвонил на станцию Почекуеву:

– Полная облава! Задерживать торговков! – командовал опер. – Брать всех и везти сюда, в отдел!

Для полноценной облавы на железнодорожной станции нужно много людей, а Аркин выделил всего шесть милиционеров и три бригадмильца – вот и вся группа захвата. Старшим по облаве Аркин назначил Игнатьева. Ерёминой, как лучше других знающей территорию станции, он поручил расстановку людей. Однако поруководить облавой Игнатьеву не удалось – на станции имелось своё начальство в лице Почекуева.

Позже на допросе Почекуев оправдывался, что не знал о том, что облава была личной инициативой Аркина, полагал что есть договорённость с руководством районного НКВД.

– Брать будем всех по моей команде, когда одиннадцатый курьерский подойдёт к перрону! – распорядился Почекуев, важно расхаживая по кабинету перед прибывшими сотрудниками.

Мероприятия, особенно планируемые в местах массового скопления людей, бывают успешны лишь тогда, когда они тщательно продуманы и чётко организованы. Дора Ерёмина, имевшая уже некоторый опыт про-

⁵ Аркин Илья Исаевич, 1907 года рождения, участник Великой Отечественной войны, погиб в бою в 1944 году.

⁶ В 1932 году в соответствии с постановлением «О реорганизации обществ содействия органам милиции и уголовного розыска в бригады содействия милиции» на территории Советского Союза была создана специальная общественная организация «Бригадмил».

⁷ Народный комиссариат юстиции СССР.

⁸ УК РСФСР 1926 года.

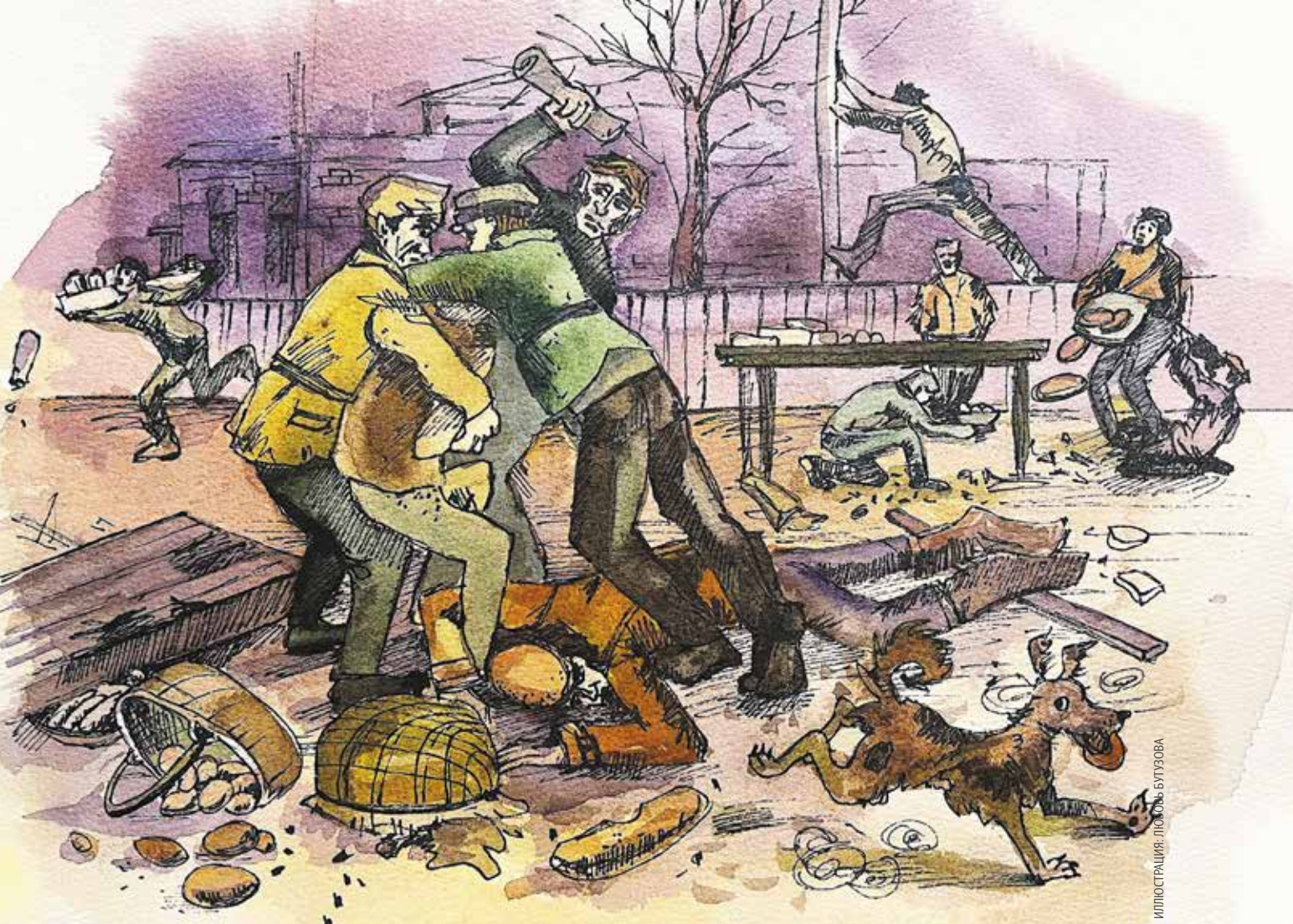

ИЛЛЮСТРАЦИЯ: ЛЮБОВЬ БУТУЗОВА

ведения таких мероприятий на КВЖД, пыталась отговорить сначала Аркина, потом Почекуева от поспешных действий; суровые мужики паспортистку выслушали, но поступили по-своему.

Полная неразбериха

Добротное одноэтажное кирпичное здание Называевского вокзала располагалось вдоль железнодорожных путей. Выкрашенное в бело-голубые цвета, усиленное пилястрами, контрфорсами, со множеством высоких окон и тремя массивными дверями здание выглядело крепостным замком среди частной Называевской застройки. Впечатление крепости усиливали мощные зубцы крышного ограждения и угрожающие пушечные жерла водосточных труб, зияющие в метре над землей. Вдоль станционных путей тянулся длинный асфальтированный перрон с деревянным ограждением и круглая водонапорная башня красного кирпича, со значением возвышавшаяся над станцией, словно колокольня над монастырём.

Вокзал окружали клумбы, едва закурчавившиеся первой зеленью, и свежескрашенные палисадники.

На перроне было оживлённо: люди, ожидавшие поезда, гуляли вдоль платформы, сидели на лавочках, лузгали семечки. У окошка, где выдавали кипяток, теснилась небольшая очередь. На заборе, как воробьи на ветках, сидели беспризорники, выглядывая, где и чем можно поживиться. Дора с милиционерами, возглавляемыми Почекуевым, зашла с северной стороны перрона, а Игнатьев и бригадмилыцы замкнули кольцо с южной стороны.

Низкие деревянные столы – прилавки ещё пустовали, торговки выходили на платформу только с приходом поезда. Но вот раздался протяжный паровозный гудок, блеснул фонарь. Весь в клочьях чёрного дыма паровоз с красной звездой на выпуклой «морде» подтащил к перрону вереницу пассажирских вагонов. Шипение пара, скрип колодок, лязг колёс. Стоянка курьерского в Называевске всего пятнадцать минут, поэтому проезжающие здесь всегда торопятся купить свежих продуктов в дальнюю дорогу.

То, что случилось далее, происходило быстро, одномоментно и с великим шумством.

На перроне появились торговки с корзинами, молочными бутылками и свёртками. Женщины быстро разложили на столах варёную картошку и яйца, розовые пласты сала, солёные огурцы.

Из поезда в клубах белёсого пара вывалилась гомонящая толпа пассажиров, немедленно ринувшихся к прилавкам. Возле столов немедленно возник Почекуев со своими милиционерами и, надсаживая глотку, заорал, чтобы все оставались на своих местах и предъявили документы.

– Облава! – со свистом и воплями рассыпались беспризорники, успевая хватать со столов всё, что попадалось под руку.

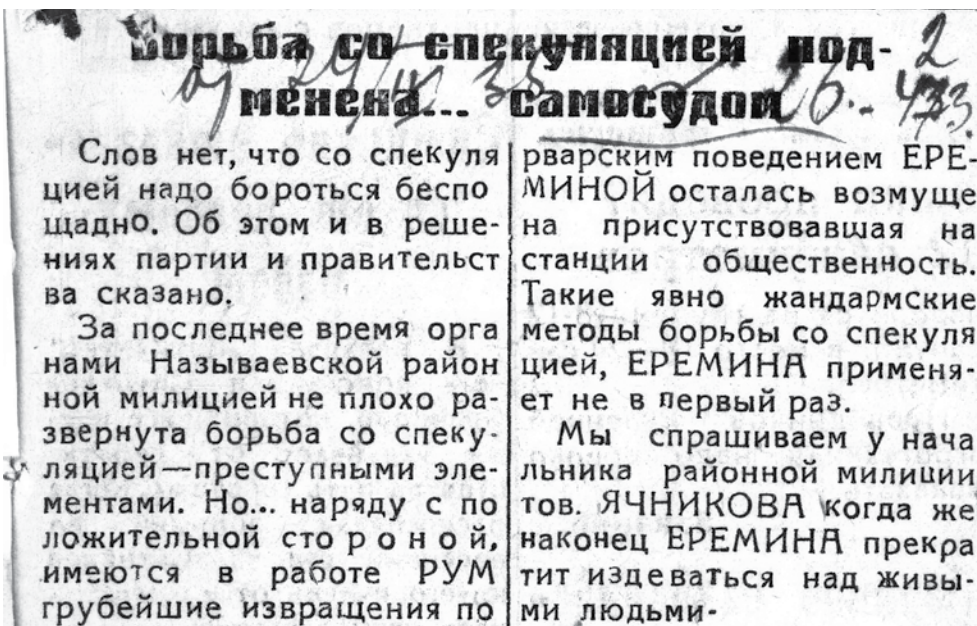
Всё смешалось. Перрон охватила полная неразбериха. Разгоряченная толпа напирала на прилавок, пассажиры хватали хлеб, торговки цеплялись за корзины с продуктами, шмякались в грязь мешки с хлебом. Кто побежал, кого сбивали с ног. Перрон огласился бабьими воплями, пронзительными свистками и забористым матом, всполошённо закудахтали куры.

Возникла паника, одни торговки побросали корзины и побежали. Другие передавали корзины со снедью своим знакомым, пытавшимся незаметно убежать. Дора некоторое время ещё удерживалась за шатаю-

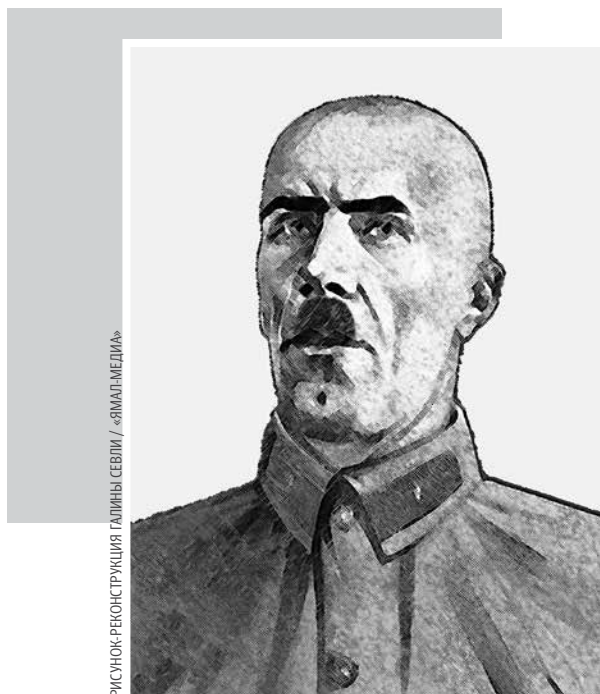
Удостоверение и нагрудный значок – обязательные атрибуты бригадмилльцев

щийся прилавок, но потом её сшибли с ног. С трудом поднявшись посреди беснующейся толпы, она что-то заорала, схватила одного, другого и стала раскидывать в стороны. Из-под прилавка вылез подросток с узлом и миской в руках, в которой лежали четыре куриных яйца, и стал протискиваться сквозь толпу на выход в сторону водонапорной башни. Дора, расталкивая людей, ринулась за ним, догнала, несколько раз наотмашь ударила, отняла миску с яйцами и, крепко схватив за руку, потащила упиравшегося пацана назад, к прилавкам. Мальчишка споткнулся, упал под ноги мечущейся толпы, закричал. Дора бросила его и, активно работая кулаками, кинулась на помощь милиционерам и бригадмилльцам, которые вытаскивали из

ГАЗЕТНАЯ ВЫРЕЗКА, ПРЕДОСТАВЛЕНА ИСТОРИЧЕСКИМ АРХИВОМ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Статья, сыгравшая в жизни Ерёминой трагическую роль

По настоянию Ивана Самойлова наказание в отношении Ерёминой было ужесточено

толпы торговков и строили их в ряд за оградой возле вокзала.

Пассажиры курьерского громко возмущались действиям милиции. Мужчина в форме КВЖД и военный – петлицы со шпалами – требовали прекратить насилие.

– Что это за безобразие на советской земле! – оскорблённо кричал военный, придерживая разорванный рукав гимнастёрки. – Мы на КВЖД насмотрелись на побои, а оказывается, и у нас в советской стране бьют людей! Детей бьют! Кто эти наглецы?!

– Да это милиция! – неслось в ответ из толпы. – А ту бешеную тётку мы тоже знаем! Это Ерёмина из паспортного. Ей не привыкать кулаками махать.

– Проклятый спекулятивный элемент! – яростно грозила в ответ Дора. – Я с вами ещё разберусь!

Над платформой пронзительно зазвенел звонок к отправлению поезда. Изрядно помятые, недовольные пассажиры поспешили в вагоны. Паровоз дал гудок, и поезд, дёрнувшись и грохнув сцепками, плавно тронулся на запад.

Тем временем Почекуев рассортировал задержанных. Побитого Дорой мальчонку

и нескольких попавших под горячую руку пассажиров, переписав фамилии, отпустили. А восемнадцать торговков вместе с их пожитками Игнатъев препроводил в райотдел.

На опустевшем перроне ветер шевелил обрывки газет и нёс семечковую шелуху. Облава оставила после себя разбитые бутылки с молоком, растёртые в месиво хлебные караваи и вдавленные в грязь огурцы, вперемешку с куриными пухом и перьями...

Наверное, всё могло обойтись без последствий, но через два дня районная газета «Социалистическое маслоделие» разразилась редакторской передовицей под громким названием «Борьба со спекуляцией подменена самосудом». На беду организаторов облавы одним из пострадавших оказался Иван Репко – заместитель главного редактора газеты, встречавший поезд. Изрядно помятый в давке, Иван Иванович не стеснялся в выражениях: «Жандармские методы борьбы со спекуляцией Ерёмкина применяет не в первый раз... Надо крепко ударить по тем, кто извращает карательную политику партии!»

– Что ты натворила, Дора?! – паниковала Бронислава Ванцевич, подруга Ерёмкиной и секретарь районного суда.

– Мне не привыкать, – равнодушно отмахнулась Дора. – Мало ли кто чего пишет.

От подружки, конечно, отмахнуться легко, а вот от руководства так просто не отмашешься. Прибывший наутро Иван Дмитриевич Самойлов⁹, начальник Управления РКМ НКВД Омской области, молча разглаживал лежавшую на столе районную газету со злополучной статьёй, глядел в открытое окно, как будто не замечая понурые лица стоявших перед ним навтыяжку Ерёмкиной и Аркина. Руководство районной милиции и НКВД заполнило тесный кабинет начальника Называевского РОМа, хозяин которого, Ячников, скромно сидел в углу под развесистым фикусом.

– Я его не била, – оправдывалась Ерёмкина, – толкнула и сказала: «Лезь обратно туда, откуда вылез». Я думала, он украл, так как в это время беспризорники тащили всё, что побросали спекулянты.

– Приказа, чтобы во время облавы били людей, я никому не давал, – чеканил сло-

⁹ Самойлов Иван Дмитриевич, советский деятель органов внутренних дел. Погиб в 1942 году на фронте.

ва Аркин. – Это было бы преступно. С моей стороны никакой инициативы по задержанию не было, прежде чем направить людей, я всё согласовал.

Лошадиное лицо Самойлова мрачнело всё больше. Наконец, он махнул рукой и выбрался из-за тесного ему стола, встал.

– Значит так. Ячников!

– Так точно! – вскочил тот.

– Назначаю служебную проверку. Проведёшь лично. Копии документов в отношении Ерёминой – в бюро райкома партии для рассмотрения вопроса о нарушении революционной законности.

Заседание бюро Называевского РК ВКП(б), состоявшееся 4 мая 1935 года, показалось Доре бесконечно долгим, но решение оказалось по тогдашним меркам в общем-то лояльным: объявить строгий выговор с предупреждением и снять с должности заведующей паспортным столом (это они ещё не знали того, что потом всплывёт на следствии).

– Советский руководитель не имеет права заниматься рукоприкладством, тем более в отношении несовершеннолетних, – косноязычно ругал Дору заведующий общим отделом райкома Субач.

Решение бюро вскоре оказалось на столе у Самойлова и показалось ему слишком мягким. В итоге Ерёмкина была не только уволена из органов, но и предана суду военного трибунала внутренней и пограничной охраны Западно-Сибирского края. Аркину объявили строгий выговор.

Трибунал для Доры

Следствие вёл лейтенант госбезопасности Никанор Иванович Ермилов, начальник особой инспекции Управления РКМ НКВД Омской области.

Итак, в нашем повествовании на жизненном пути главного героя появился человек, может быть, более интересный, чем сама Дора, о котором можно написать отдельную книгу. Впрочем, о Никаноре Ермилове уже написаны очерки, опубликованы его воспоминания, ему посвящена отдельная экспозиция в музее истории Нижнесалдинского металлургического завода Свердловской области, его помнят и чтут краеведы Мордовии.

ФОТО ПРЕДОСТАВЛЕНО МАРИНОЙ УГОЛОВОЙ, ДИРЕКТОРОМ МУЗЕЯ ИСТОРИИ НИЖНЕСАЛДИНСКОГО МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО ЗАВОДА

Вернувшись с Великой Отечественной войны, Никанор Ермилов продолжил работу в органах. Выйдя на пенсию, стал художником и резчиком по дереву

Вот так и бывает – исследуешь биографию малоизвестного персонажа и натыкаешься на пересечение его судьбы с судьбами известных людей. Жизнь Ермилова не назовешь простой и однозначной, и оценки его деятельности тоже неоднозначны. С одной стороны, его обвиняют в причастности к политическим репрессиям, с другой – о нём отзываются как о честнейшем человеке, грамотном специалисте, талантливом художнике и наставнике молодёжи.

А ещё Никанор Ермилов известен как один из первых комсомольцев Урала. В августе 1919 года по комсомольской путёвке он, заводской пролетарий, ушёл добровольцем на Балтийский флот. Служил в Кронштадте в должности старшины-минёра на эскадренном миноносце «Ленин». Там же, на флоте, вступил в партию. Позже уже в органах госбезопасности ему довелось служить в Свердловске, Тобольске, Ханты-Мансийске, Тюмени, Рязани. Где-то здесь, посередке, случился и Омск...

Расследование любого уголовного дела – это прежде всего кропотливая рутинная кабинетная работа с документами, со свидетелями, выяснение деталей и нюансов произошедшего, поиск и исследование доказательств. Поэтому углубляться во все перипетии технически несложного в общем-то, хотя и резонансного для провинциального городка дела не стану.

Стоит упомянуть лишь о том, что первые следственные действия по делу провёл следователь районной прокуратуры, но после того, как на первых же беседах с Дорой Шавкун всплыли новые факты и обстоятельства, материал немедленно был передан в госбезопасность. Так он оказался на столе у Ермилова.

Дело в том, что в Называевск Дора приехала уже будучи замужем. Её супруг Павел Шавкун тоже трудился в милиции оперуполномоченным уголовного розыска, но служил он далеко от жены – в Сталинске¹⁰. Так уж вышло, что судьба развела их по разным городам. Дора, когда была возможность, приезжала к мужу, но любовь на расстоянии категорически не устраивала Павла, и он выдвинул жене ультиматум: «Либо ты увольняешься из милиции и переезжаешь ко мне, либо между нами всё кончено».

ИЛЛЮСТРАЦИЯ: ЛЮБОВЬ ВУЛГУЕВА

Дора пыталась уволиться из органов, обращалась с заявлением к начальнику районного отдела НКВД Кулику, но тот категорически отказывал, не желая даже слышать об этом, напомнил о партийной дисциплине и обидно пошутил:

– Ничего, Ерёмину, найдём тебе мужа по лучше, здесь в Называевске. А вскоре Дора получила письмо от мужа, резкое и категоричное. «Чего хотела, то и получила, – писал Павел, – можешь не приезжать, теперь целуйся со своим партбилетом».

Дора рыдала у подруги на плече, по уже сложившейся привычке запивая горе водкой, и строила планы один фантастичнее другого. Потом на допросе она искренне каялась, не понимая, что это на неё нашло:

– Пьяная я была, – твердила Дора, – не соображала, что делаю. Хотела, чтоб меня поскорее уволили, а убивать никого не собиралась...

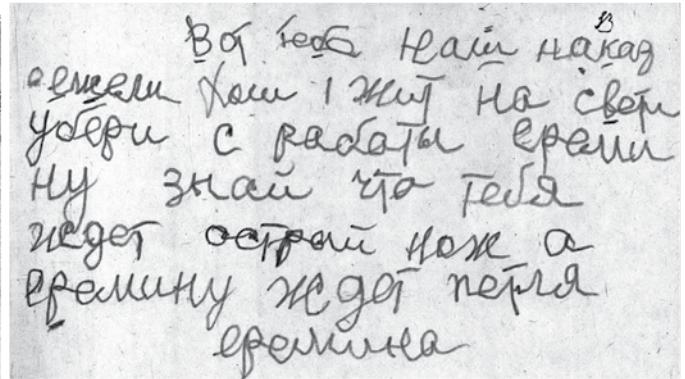
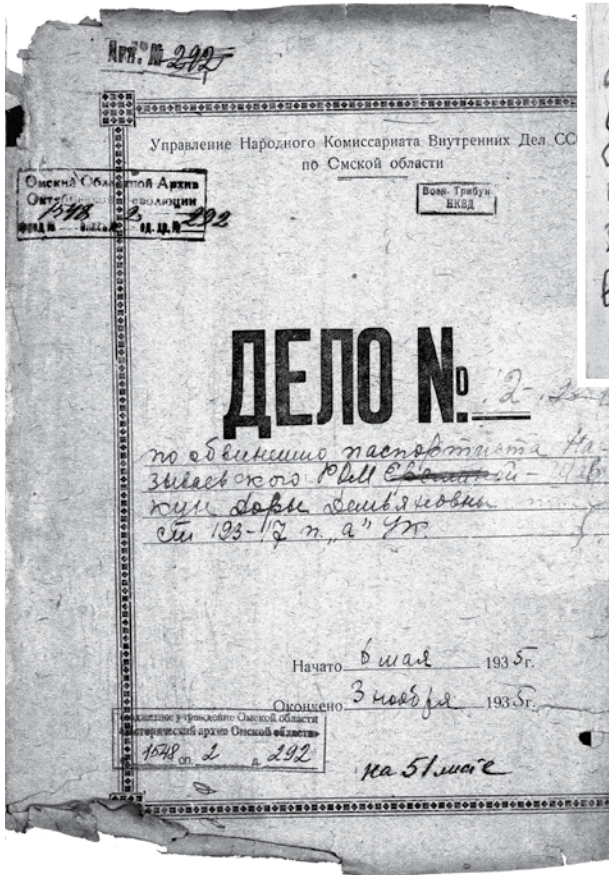
На обрывке бумаги простым карандашом Дора написала анонимку – без знаков препинания, изменённым корявым почерком, нарочито путано и безграмотно. Своё послание она подкинула в почтовый ящик своему начальнику. Анонимка сохранилась, вот её текст без изменения, с сохранением орфографии, но без употребленных Дорой бранных слов:

«Вот тебе наш наказ ежели хош жить на свети уברי с работы Еремину знай что тебя ждет острый нож а Еремину ждет петля... Этой м...ке немного надо Передай чтоб она рассчиталась... Она пила ему кровь и должна нам расплатится свою кровью и не один и не одна нас много и не севодня так завтра все ей отплотим Ты человек хороший береги сибя Один рас не удалос а на другой уже не проморгаем Мне не страшно 10 лет но ее уничтожим а там меня спасут наши Вот и все нас не ищи мы все здешние недалеко живем 29 апреля 1935».

Кто-то скажет – пьяный бред, но Кулик, начальник районного отдела НКВД, получив анонимку, сразу сообразил, чьих это рук дело. А потом и почерковедческая экспертиза подтвердила авторство Шавкун. Впрочем, и сама она ничего не отрицала.

¹⁰ Новокузнецк. В 1932 году переименован в Сталинск. В 1939 году к нему был присоединён «старый» Кузнецк, после чего объединённый город некоторое время именовался Сталинск-Кузнецк, а затем снова Сталинск. В ходе десталинизации в ноябре 1961 года городу было возвращено имя Новокузнецк.

КОПИИ ДОКУМЕНТОВ ПРЕДОСТАВЛЕНЫ ИСТОРИЧЕСКИМ АРХИВОМ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Дело Шавкун Доры Демьяновны хранится в историческом архиве Омской области

Ермилов грамотно провёл следствие, установил хороший контакт с Ерёминой. Впадшую в депрессию Дору Ермилов на допросах, больше похожих на душеспасительные беседы, отпаивал крепким чаем со смородиновым листом.

Она рассказывала следователю о своей жизни и несчастной любви, стискивая в сухих ладонях горячую кружку, и крупные слёзы текли по щекам, капали в чай.

Никанор Иванович не стал раздувать шпионские страсти. Он учёл, что Дора и сама пострадала в ходе облавы; добросовестно приобщил к делу её порванную гимнастёрку, зафиксировал синяки и кровоподтёки на её руках и плечах.

Ерёминой предъявили обвинение по пункту «А» статьи 193-17 УК РСФСР – превышение власти. Задерживать Ермилов её не стал, ограничившись подпиской о невыезде.

К уведомлению об окончании следствия Дора отнеслась со смирением. Больше печали ей доставило известие о том, что её ис-

ключили из партии, отняли её гордость – «ленинский призыв».

По приговору от 26 июля 1935 года наша героиня получила полтора года лишения свободы, условно. Трибунал не обошёл вниманием и Аркина, впрочем, это вялотекущее разбирательство удалось спустить на тормозах.

Если посмотреть на ситуацию отстранённо, становится очевидным, что вся «каша» заварилась главным образом из-за газетной статьи. Не будь её, всё закончилось бы для Доры разве что дисциплинарным или партийным взысканием. Потому такими лояльными были следователь и трибунал. И никого больше, кроме несчастной Доры, к ответственности за провалившуюся облаву не привлекли.

Дора после суда два года отработала секретарём в Называевском пункте Заготзерно, с мужем развелась. После погашения судимости потихоньку восстановилась в партии и уехала на Север, на Ямал. Здесь до 1939 года она служила следователем прокуратуры (сначала в Салехарде, а потом в Ямальском районе), затем была назначена народным судьёй Ямальского района, однако проработала в этой должности только до весны 1941 года и снова вернулась в Ямальскую районную прокуратуру. В феврале 1944 года Шавкун была уволена, как не справившаяся с работой. Никаких подробностей её жизни и работы на Ямале, и её судьбы после 1944 года выяснить не удалось.

И это всё о ней. Дальнейшая судьба Доры Шавкун скрыта пока во мраке времени. 🕯

ЖИЛА-БЫЛА ПАНА

Наталья КОЛАБИНА

с. Аксарка, Приуральский район

Моей любимой бабушке посвящается...

Осенью 1928 года в семье сибирского торговца Рябкова Василия Захаровича и его супруги Матрёны Ивановны на свет появилась девочка с изумрудными глазами и каштановыми волосами. Отец и мать не могли нарадоваться на своё красивое дитя – все родившиеся до неё мальчики и девочки по неизвестным причинам умирали, а Парасковья – так называли малышку – будто вернула в семью жизнь. В 1930 году Господь подарил Рябковым ещё одну дочурку – Машеньку. И жили бы родители со своими детками долго и счастливо, если бы не «политическая целесообразность»...

ФОТО ИЗ АРХИВА НАТАЛИИ КОЛАБИНОЙ

В конце 1950-х Парасковья Рябкова (справа в верхнем ряду) была медработником в детском саду

Коллективизация сельского хозяйства всколыхнула всю страну, перевернула вековой уклад сёл и деревень, пустила миллионную

людскую массу – кого по миру, кого в бега. На пике тех драматических событий в 1932 году умерла Матрёна Ивановна. Схоронив жену,

Помимо воспитания троих детей и работы, Парасковья Васильевна занималась общественной деятельностью

вдовец погрузил на телегу нехитрый домашний скарб, одел потеплее маленьких дочерей, запряг лошадку и навсегда покинул родную Преображенку. Позади остались знакомые с детства места – Абалакский мужской монастырь, скит во имя Архистратига Божия Михаила и старинная Преображенская церковь, где Василий Захарович не раз подменял местного звонаря. По мнению земляков, на звоннице ему не было равных, да только теперь это было в прошлом. Все намоленные места в округе были осквернены, а святые обители разграблены и приспособлены новой властью под хозяйственные нужды...

Из этой поездки Пана – так в семье ласково звали Парасковью – запомнила только тёмное звёздное небо. Почему её отец уезжал под покровом ночи, доподлинно неизвестно. От родного села до Тобольска, куда он держал путь, по современной трассе всего 22 километра. Днём везти детей и имущество по сельской местности намного безопаснее. Можно лишь предположить, что кто-то предупредил его об утреннем визите партсоактива с милиционерами. Такие случаи в те време-

на были не редкостью. Что ж, лучше уж самому в ближайший город перебраться, чем плыть с другими раскулаченными в трюме баржи на севера.

Как бы там ни было, но до Тобольска они добрались вполне благополучно. Отец Паны был человеком деятельным и образованным, на новом месте возглавил торговую организацию. У девочек даже нянечка была – незамужняя бездетная родственница. В свободное время Василий Захарович увлекался конным спортом и был в этом весьма успешен. По меркам того времени, его семья жила в достатке, а конь по кличке Воронок, вероятно, стоил целое состояние. Имелась и вся необходимая упряжь для участия в конных бегах – тоже дорогое удовольствие.

В Тобольске Рябковы жили в большом доме с печным отоплением, держали огород и корову. Кто работает – тот ест!

В 1942 году, когда Пана исполнилось тринадцать лет, пришла беда откуда не ждали. Отца оговорил его подчинённый, заявив, будто Василий Рябков ждёт прихода немцев и нахваливает их танки.

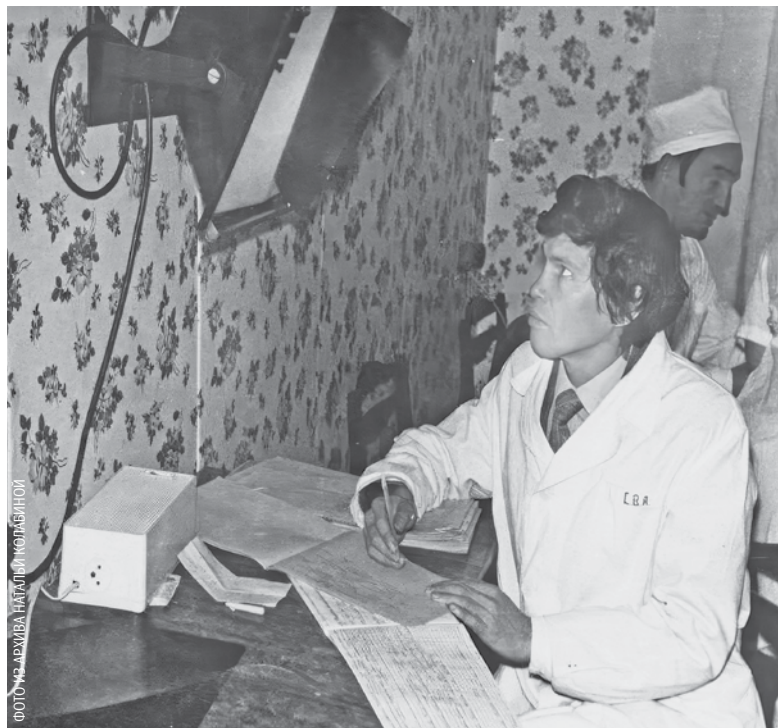
Отца Паны и Маши осудили и отправили по этапу в неизвестном направлении. Кстати, перед арестом он успел шепнуть дочерям, что одна из коллег заняла у него большую сумму денег. Девочки потом к ней ходили, просили вернуть долг, но та заявила, что ничего не брала...

Рябков Василий Захарович до лагеря не доехал, умер в пути от пищевого отравления. Где похоронили их заботливого трудолюбивого папеньку, сёстры так и не узнали. Единственным утешением служило лишь то, что позже отца полностью реабилитировали.

Осиротев, девочки-подростки оказались предоставлены сами себе. Продуктовых карточек им не давали, но и в детдом по какой-то причине не забрали, а городские родственники – были и такие – на всякий случай держались от них подальше. Благо у сестёр остались корова и огород, а также сани и телега. Пана, как старшая, сама занималась заготовкой дров и сена, возделывала клочок земли, заботилась о младшей сестре, ещё и учиться успевала...

Уже после войны, окончив фельдшерскую акушерскую школу, она по распределению отправилась на Ямал. От Тобольска до Салехарда её пароход шёл одиннадцать суток. На стоянках пассажиры и команда сами заготавливали дрова, чтобы идти дальше по Оби.

Прибыв к месту службы, юная Пана сначала трудилась в Седельниково, потом была

Сын героини Виктор Сядлин тоже выбрал медицинскую профессию и стал рентгенологом

разъездным фельдшером Горнокалымского ФАПа. Довелось поработать и в агитбригаде «Красный Чум». Как позже вспоминала сама Парасковья Васильевна, в состав бригады входил ликвидатор неграмотности, кинемеханик и работники культуры. С ними она объездила весь Приуральский район: Яроно, Зелёный Яр, Лаборовая, Пельвож, Катравож, Щучье, Белоярск, Ямбура, Харсаим. Доходили и до Карского моря.

Трудовую деятельность Парасковья Васильевна заканчивала в Аксарковской центральной районной больнице в должности старшей медицинской сестры. Она активно занималась общественной деятельностью, была председателем женсовета, входила в состав родительского комитета Аксарковской школы. Её трудовые заслуги отмечены различными наградами. После выхода на пенсию переехала в Тюмень.

Пана воспитала двоих сыновей – Виктора и Владимира – и дочь Ирину. А ещё она обожала и баловала своих внушек: Наташу, Юлю, Марию – и правнучек: Катю, Александру, Валерию – и правнука Вову. Парасковья Васильевна прожила долгую честную жизнь и ушла от нас в возрасте 92 лет. 🌍

Парасковья Васильевна (в центре) с коллегами из Аксарковской ЦРБ

ШТРИХИ ВРЕМЕНИ

АНДРЕЙ САНЧЕНКО. ЭТЮД «ПОЛЯРНЫЙ УРАЛ». 2012. БУМАГА, АКВАРЕЛЬ / ПРЕДОСТАВЛЕНО НОВОУРЕНГОЙСКИМ МУЗЕЕМ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ

ДАВНО НАС ОЖИДАЮТ ДАЛЁКИЕ ПЛАНЕТЫ...

Космос – такой далёкий и почти неприкасаемый, воспитал миллионы романтиков. Любуясь звёздным небом, астрономы строили смелые теории, первопроходцы открывали новые земли, фантасты писали книги, влюблённые щедро раздаривали друг другу далёкие созвездия и целые туманности.

И вдруг как вспышка в ясном небе: человек полетел в космос! Подвиг Юрия Гагарина задрал планку человеческих возможностей до самой орбиты, довёл жажду приключений до высочайшего градуса, вдохновил на новые свершения жителей всей Земли, а ещё он подстегнул за океаном людей практичных, привыкших искать выгоду во всём. Они тогда здорово слукавили, дескать, хватит мечтать, давайте созидать! И очень скоро поставили во главу угла сначала здоровое соперничество, потом откровенную вражду. Романтики очень быстро повзростели. Закончилась эра открытого русскими космоса, настала эра преддверия звёздных войн и нескончаемой гонки вооружений.

Но мы ничего не забыли, мы помним, как и во имя чего человек сначала полетел, а потом и вышел в открытый космос. Как писала «Комсомольская правда», это была «Великая победа разума и труда», а не одного государства над другим. Мы выбрали правильный путь, и даже самые мощные спутниковые группировки на орбите не помешают нам его продолжить.

Предлагаем нашим читателям вернуться к истокам и вспомнить, как всё начиналось, насладиться романтической атмосферой 12 апреля 1961 года, пережить вместе с постоянными авторами «Северян» тот замечательный день. Итак, путешествие во времени начинается... 🌐

ФОТО: STANLEY KALWAN / SHUTTERSTOCK / FOTODOM

ФОТО: SERGEY NIVENS / SHUTTERSTOCK / FOTODOM

За такую новость и премии не жалко!

Елена КУЗНЕЦОВА

г. Салехард

Легенда ямальской журналистики Сергей Волков в 1961 году жил в Киеве, трудился на базе «Союзхимреактива». По словам собеседника, это предприятие занимало огромную площадь, примерно как половина Лабытнанги тех лет.

– Это было время, когда я, сам не ведая того, регулярно соприкасался с космосом. В те годы в русском городе Киеве находилось производственное объединение имени С. П. Королёва. Наш «Союзхимреактив» поставлял туда поступавшие из Харькова монокристаллы. Я должен был передавать их лично начальнику цеха. Обычная рутинная работа. Лишь позже понял, что эти монокристаллы «работали» на космос. Ещё чаще я занимался доставкой различных химикатов – на товарную станцию и из посёлка Бортнички в знаменитый Пассаж на Крещатике, где тогда жила семья писателя Виктора Некрасова. Я даже как-то приносил ему свою рукопись. Дверь открыла его мать и сказала: «За нами следит КГБ. Не ходите сюда, иначе и у вас будут неприятности», – вспоминает с улыбкой Сергей Павлович.

И вот настал тот памятный день, 12 апреля 1961 года. С утра наш земляк побывал в Пассаже, а когда вернулся на базу, его вызвал заместитель начальника Лев Рубашкин. Состоялся неприятный диалог:

– Волков, бочкотара из-под хлорида в Канаду ушла? – едва увидев меня, спросил он. – Пятьдесят штук! Срок – вчера!

– От мастера заявки не было, – пожал я плечами.

Тут же вызвали мастера Лёву Маламуду и задали ему тот же вопрос. Тот не стал юлить и честно признался, что попросту забыл это сделать.

– Как забыл?! – возмутился начальник. – Обоих лишаю премиальных!

Премиальные составляли 10 рублей. Красный хрустящий червонец – весьма солидные деньги по тем временам. В год хрущёвской денежной реформы средняя зарплата по СССР была 77 рублей и стаканчик простого мороженого.

В этот момент по радио раздались звуки курантов, зазвучал голос Левитана. Он в присущей ему манере зачитал историческое сообщение: «Говорит Москва! Работают все радиостанции Советского Союза. Московское время 10 часов 2 минуты. Передаём сообщение ТАСС о первом в мире полёте человека в космическое пространство! 12 апреля 1961 года в Советском Союзе выведен на орбиту вокруг Земли первый в мире космический корабль-спутник «Восток» с человеком на борту. Пилотом-космонавтом космического корабля-спутника «Восток» является гражданин Союза Советских Социалистических Республик лётчик майор Гагарин Юрий Алексеевич».

– О потерянных десяти рублях мы тут же позабыли. Радость переполняла настолько, что хотелось ею с кем-нибудь поделиться. Побежал к телефону, набрал номер лучшего друга Вовки, – продолжает рассказ Сергей Павлович. – А он с ночной смены пришёл, отсыпался. Поднимает трубку и сердито говорит: «Что случилось?» – «Человек в космосе – вот что случилось!» – «Какой космос? Я спать хочу!»

Радостное событие Волков обсуждал и со своей одноклассницей Тамарой Гордиенко, студенткой московского университета. 22 апреля он получил от неё письмо: «Се-

рѣжка, здравствуй! На целину едем. Это тебе известно уже... Если бы описать тебе наши восторги по поводу Гагарина... Нет, уж лучше расскажу потом. Правда, 14-го я толком не была на демонстрации. Я встретила его во «Внуково», а позже уже гуляния были. Но первые часы творилось что-то невероятное. У нас была лекция, мы хором крикнули: «Хачатурова (преподаватель, – прим. ред.) в космос!» и ушли. Ты прав, студенческая среда, все сознательные...»

На этом история не закончилась. В апреле 1966 года Юрий Гагарин побывал в Киеве. Сотрудников «Союзхимреактива» отправили на набережную поприветствовать дорогого гостя.

– Народу было очень много. Мы ждали часа два, – вспоминает Сергей Павлович. – Наконец появилась машина. С открытым верхом. Двигалась в сторону Печерска. Но она так промчалась, что рассмотреть первого космонавта и его известную на весь мир улыбку нам не удалось.

К слову, в те годы рабочие коллективы часто отправляли на улицы города для приветствия прибывших знаменитостей. Помимо Гагарина, Сергей Павлович встречал президента Югославии Иосипа Броз Тито с женой Йованкой и последнего иранского шаха Мохаммеда Пехлеви с женой Сорайей. Портрет Йованки, вырезанный из газеты, ещё долго висел на стене в квартире Волкова.

Запомнил наш собеседник и тот день, когда узнал о гибели первого космонавта.

– Жил я тогда в Салехарде, работал на радио. По дороге на работу часто заходил за своим другом и коллегой Толей Омельчуком. 27 марта 1968 года не стал исключением, – говорит он. – Толя с невестой Галей вышли навстречу. Грустные. «Что случилось?» – спрашиваю. – «Гагарин разбился»... 🤖

ФОТО: OLGA POPOVA / SHUTTERSTOCK / FOTODOM

ИЛЛЮСТРАЦИЯ: ГАЛИНА СЕВЛЯ / «МАЛЫЙ МЕДИА»

Все там будем – в космосе!

Юрий ТУТОВ
г. Москва

«Я верю, друзья, караваны ракет помчат нас вперед от звезды до звезды. На пыльных тропинках далёких планет останутся наши следы»¹, – пел Владимир Трошин, и это было великолепно. Мы слушали радио и узнавали, когда над нами пролетят спутники и сколько они сделали оборотов вокруг Земли. Над Москвой они, правда, не наблюдались, зато на юге были видны. Я «ловил» их в Ялте, где был с бабушкой.

Маленькая звёздочка, точно по времени, быстро пронеслась в глубоком небе. Кажется, в этом есть доля нашего труда. Несмотря учителя говорили: «Учёба – это ваша работа». Мы им свято верили.

Скоро к спутникам привыкли, как и к фотографиям Луны со всех сторон. А потом Юрий Левитан незабываемым голосом сообщил о первом космическом полёте с че-

ловеком на борту. Это был шок. Незадолго до этого Никита Хрущёв сказал, что полёт в космос – дело грядущих десятилетий, но, к счастью, он ошибся.

Плохо помню тот день, даже газет не сохранил. Всеобщее ликование поглотило все более менее значимые детали. Зато хорошо помню, как уже 14 апреля примерно в 11:00 в московском небе в окружении истребите-

¹ Советская песня «Четырнадцать минут до старта», также известная под названием «Я верю, друзья», была написана в 1960 году и стала одним из неофициальных гимнов космонавтов СССР. Автор слов – Владимир Войнович, композитор – Оскар Фельцман.

лей появился самолёт Юрия Гагарина. Затем над нами прошли вертолёты, дождём сыпавшие разные листовки. Впоследствии видел в музее Революции только одну.

Для миллионов москвичей на этом закончилась работа и учёба – как и для нас, пятиклассников 112 школы. Вместе с Валерой Хабазиным ринулись на Красную площадь. Пролезали дворами и переулками, протискивались через толпы обнимающих друг друга людей. Сотни самодельных плакатов с надписями «Ура, мы в космосе!» и один замечательный «Все там будем!» колыхались над головами восторженных, смеющихся людей.

Знание местности и природная шустрость позволили нам добраться до Манежа. Он просто кипел, забитый неорганизованным людом. Спутники и ракеты на колёсах, красные флаги в руках. Счастливые лица. Орали безбожно: «Ура! Мы первые!»

Затем мы вышли к проезду между Историческим музеем и Кремлём. Там стояло оцепление. Впереди солдаты, за ними милиция. Парень справа уговаривал офицера пропустить народ: «Мы советские люди», – твёр-

до повторял он. Военный был непреклонен. Слева солдат вручную убеждал другого, более назойливого просителя.

Сзади нас, ликующих, подавливала конная милиция. Ботинок и галош на земле была тьма, можно озолотиться. Строгий военный взглянул на нас с Валеркой и, понимая настрой толпы, пропустил через кордон. Залезли на холм, над знаменитым туалетом. Это было вовремя. Народ надавил и с помощью ракетно-спутниковых таранов пробил брешь. Гигантская толпа с рёвом ворвалась на Красную площадь. Мы впереди. Площадь пуста. Торжества закончились.

Подошли к Спасским воротам. Они закрылись перед нашим носом. Доброжелательный охранник любезно поинтересовался, не будем ли мы их штурмовать. Вернулись в центр площади. Какой-то парень с трубой залез на ракету на колёсах и заиграл «Интернационал». Народ дружно подхватил пронзительный мотив. Затем мы вопили: «Гагарин, Хрущёв!» И лишь через час ушли с лидерами с площади. Я охрип и неделю не мог говорить. За прогул в школе не ругали. 🌐

ФОТО ИЗ КНИГИ «ЛЮБИМЫЙ ГОРОД». М.: «МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ», 1988

После новости о первом полёте человека в космос в Москве прошли стихийные демонстрации. Через два дня москвичи снова вышли на улицы, чтобы лично поприветствовать Гагарина, прибывшего в столицу

Самый романтичный день в истории салехардской семьи

Андрей ПАВЛОВ

г. Салехард

Супруги Валерий и Людмила Степанченко узнали о полёте Гагарина во время школьных уроков. Разница лишь в том, что он тогда жил в кубанской станице Пашковской, она – в Салехарде.

– Нашу классную руководительницу прямо во время занятий кто-то пригласил в учительскую. Она вернулась немного ошарашенная и сказала нам: «Ребята, советский человек полетел в космос!» – вспоминает Валерий Иванович. – Какие уж тут уроки – гурьбой мы высыпали на улицу. Был очень яркий солнечный день, уже всё цвело, мы по-мальчишески искренне радовались полёту Юрия Гагарина.

По словам нашего собеседника, уже тогда он собирался связать свою жизнь с авиацией – было на кого равняться. Дед Сергей Степанченко после Великой Отечественной войны трудился авиамехаником, затем старшим техником Краснодарского авиаотряда, готовил к полётам самолёты «По-2» и «Ан-2». А отец, пройдя путь от авиационного моториста до старшего бортинженера Минераловодского авиаотряда, освоил многие типы самолётов, вплоть до Ту-154.

– Аэродром, где работали дед и отец, располагался недалеко от нашего дома, и я часто бегал к ним на работу, – продолжает ветеран. – Сидел в кабинах «По-2» и «Ан-2», двигал штурвал, вдыхал запах бензина и перкалевой обшивки. Потом, лёжа в пшеничном поле, смотрел, как взлетали в небо эти нехитрые самолёты. В общем, полёт Гагарина лишь укрепил меня в выборе профессии. И я тоже стал авиатором.

Уже позже, будучи депутатом ямальского парламента, я предлагал инициировать поправки в Трудовой кодекс, сделать 12 апреля выходным днём. Вообще, эта дата для моей семьи особенная, ведь это не только очередная годовщина полёта Юрия Гагарина, но и день нашего с Людмилой Алексеевной бракосочетания. Мы с ней до сих пор живём роман-

ОТКРЫТКА ИЗ АРХИВА ЮРИЯ ТИТОВА

Имя Германа Титова (слева) тоже вошло в историю космонавтики. Он полетел в космос почти через четыре месяца после гагаринского триумфа

тикой тех лет. Бывает, гуляем на югах ночью. «Смотри, – говорю ей, – спутник летит». Она: «А, может, всё-таки самолёт?» Но у меня-то глаз наметанный, обращаю её внимание на скорость объекта, свет и прочее. Соглашается.

– Как и много лет назад, мы с Валерой с особым чувством смотрим в небо, – продолжает разговор Людмила Степанченко. – Мы – представители поколения, узнавшего о полёте Гагарина во время школьных уроков. Помню, как мой первый класс вывели из одноэтажного здания школы № 1 на улицу. Мы построились, и нам торжественно объявили о начале космической эры. Мы радостно закричали и, задрав головы, долго высматривали в дневном небе гагаринскую ракету. Всё ждали, что вот сейчас он над нами пролетит. 🌐

И только бандеровцы ходили смурные...

Андрей ДРОБИНИН

г. Салехард

Кто ж не знает Гагарина? Это имя наполняло гордостью и звало в космические дали. Школьный букварь нас, первоклассников, едва научившихся читать, сразу же ориентировал в профессии: «Взлетел в ракете русский парень, он землю видел с высоты! Был первым в космосе Гагарин. Каким по счёту будешь ты?»

Да мы все хотели быть следующими. И пусть кто-нибудь посмеет влезть без очереди на старт!

Я родился как раз в тот самый год, когда Гагарин совершил свой знаменитый полёт, правда, уже после него. Своих воспоминаний о тех событиях у меня, конечно, нет, всё знаю только из книг, фильмов и рассказов родственников.

Лабитнанги, где я родился, тогда был маленьким рабочим посёлком на конечной точке железной дороги; там все друг друга знали. Особенность посёлка заключалась в наличии исправительной колонии и спецконтингента в виде ссыльных бандеровцев с Западной Украины и лесных братьев из Прибалтики, для которых знаменательные события в стране особого интереса не представляли и радости не вызывали.

Полёт Гагарина в Лабитнанги, конечно, заметили и отметили, но таких бурных и эмоциональных выплесков, как в других местах Союза, здесь не было.

Моя мама рассказывала, что узнала об этом днём, в обеденное время, из сообщений по радио, поделилась с соседями, со знакомыми, коллегами по работе.

Председатель поселкового Совета Валентина Тихоновна Воронина сразу после обеда собрала народ на митинг, прямо возле конторы Совета (сборничитовой одноэтажный домик на улице Комсомольской, с красным фла-

гом на крыше). Народу, как вспоминает мама, было немного, всё-таки рабочий день – среда. Да и холодно. Апрель по ямальским меркам ещё зима. Но все пришедшие искренне радовались, поздравляли друг друга, пели песни.

В поселковом Совете накрыли скромный стол, куда после недолгого митинга Валентина Тихоновна пригласила всех участников, там и подняли здравицы и тосты в честь полёта Гагарина.

Вечером у нас дома, уже в узком кругу, когда за столом собрались все родственники, тоже отметили гагаринский полёт. Лишь мама не пила, потому что была беременна мною. 🍷

ФОТО ИЗ ФОНДОВ МВК ИМЕНИ И. С. ШЕМАНОВСКОГО

НАБАТ НАД ОБДОРСКОМ

Всеволод ЛИПАТОВ

г. Салехард

Выражение «бить в набат», как правило, ассоциируется с народными волнениями, хотя изначально означало обычный сигнал тревоги по случаю пожара, неприятельского набега или иного чрезвычайного происшествия.

Заслышав беспорядочный колокольный звон, люди бросали насущные дела, вскакивали с постелей, если дело было ночью, и неслись к церкви. Пока бежали, крестились, гадая, что за напасть приключилась.

Во времена, когда царские указы зачитывались на площадях, а правдивые вести переплетались с потоками слухов, не было лучшего способа как поднять, так и взбаламутить народ, кроме как ударить в колокол.

Злоупотребление таким способом коммуникации доставляло властям немало хлопот и головной боли. Чего стоил скандально известный Угличский колокол, созвавший народ по случаю смерти царевича Дмитрия 15 мая 1591

года. Как известно, стихийный народный сход вылился в кровавые волнения и самосуд над заподозренными в смерти мальчика.

Куда больше крови пролилось по результатам расследования этого происшествия, а сам колокол подвергся небывалой экзекуции: его сбросили с колокольной вышки, высекли, лишили языка, уха и сослали в Сибирь – пешком, на горбу мятежных угличан. Это было столь необычно, что в 1593 году, когда колокол добрался с еле живыми мужиками, бабами и ребятишками до Тобольска, местный воевода князь Фёдор Лобанов-Ростовский приказал сделать на нём надпись: «первосыльный неодошевлённый с Углича».

Впрочем, до наших времён дошла иная надпись, фиксирующая «провинность» и дальнейшую судьбу голосистого «крамольника», успевшего обзавестись новым языком, побывать на нескольких колокольных и пережить большой тобольский пожар 1788 года. Другие колокола оплавилась, а он уцелел. Довелось ему и набатным быть, и часы отбивать, и даже звонить Благовест. Кстати, очевидцы отличали его особый «голос» – кто-то считал его резким и громким, а кто-то хвалил за сильное звучание в тихую погоду.

Неизвестный мастер волей-неволей наделил этот колокол сильной энергией, которую человек по обыкновению использовал как во благо, так и во вред.

Через триста лет по просьбе жителей Углича колокол «амнистировали» и вернули на родину.

«А не для малых между подлыми людьми драк...»

Власти хорошо понимали всю важность колокольного звона в повседневной жизни. В 1769 году императрица Екатерина Великая подписала указ, в котором детально расписывалось, когда можно применять колокольный набат. В следующем году в Берёзовском духовном правлении издали уже свой приказ церковному причту в Обдорске об использовании набатных тревог.¹ Церковнослужители Васильевской церкви должны бить набат только в самом крайнем случае: «... как единственно во время пожара, чрезвычайного наводнения, нападения неприятеля, разбою или паче нечаянного народного возмущения».² За нарушение полагался штраф и административный арест. Ударить в набат можно было только после разрешения «командира». Приводились в указе и примеры ненадлежащего использования, чтобы злоупотреблений не было: «... а не для малых между подлыми людьми случающихся в пьянстве драк, которые могут прекращены быть военными людьми...»³

Первые колокола на полярном круге

Когда в Обдорске впервые зазвонили колокола, доподлинно неизвестно. Официальные документы гласят: «*церковь по надлежащему чиноположению генваря первого дня сего 1751 году освящена*».⁴

То есть церковь в Обдорске наконец-то официально заработала. Какие колокола и сколько их было, неизвестно, но можно даже не сомневаться, над Обдорском набат звучал не один раз. Одно из самых ярких упоминаний о подобном случае оставил Дмитрий Носилов в книге «На Новой Земле». Причём не обошлось без мистики.

Однажды Носилов услышал весьма дивную историю от одного из старожилов. Тот утверждал: как-то рано утром всё село проснулось от тревожного набата. Сначала все подумали, горит чей-то дом, но, когда прибежали к храму Петра и Павла, выяснилось ещё более страшное – храм ограбили. Следы циничного злодейства были налицо: на полу разбитая кружка для подаяния, пропал крест, какая-то серебряная вещь. В селе людей было мало, все знали друг друга как облупленных, никто, даже политические ссыльные, не решился бы на такой низкий поступок.

Розыск между тем ни к чему не привёл. Расспросы среди остяков и самоедов тоже результата не дали. Носилов заинтересованно слушал, и тут разговорившийся старичок добавил: «*Пожалуй, так бы это дело и кануло в воду, если бы не объявился сам преступник. Не знаю, что его это заставило сделать: совесть ли его мучила уж очень или просто пришёл он к сознанию, что сделал великий перед Господом грех, только пришёл к начальству и сознался. Я, – говорит, – виноват, я был в храме...*»⁵

Воришку – им оказался местный самоед – подробно расспросили и выяснили любопытные подробности. Проникнув в ночной храм, злоумышленник испытал приступ ужаса, но

¹ «Церкви Обдорска: летопись в документах». Вып. I: Васильевская церковь (1746–1824) / Ред. - сост. В. Я. Темплинг. – Тюмень: Мандр и К. 2005. – 360 с. – [Сибирский раритет. Вып. 6]. – с. 103–104.

² «Церкви Обдорска...» – с. 104.

³ «Церкви Обдорска...» – с. 104.

⁴ «Церкви Обдорска...» – с. 50.

⁵ Носилов К. Д. «На Новой Земле: Очерки и наброски». Тюмень: СофтДизайн, 1997 г. – с. 320.

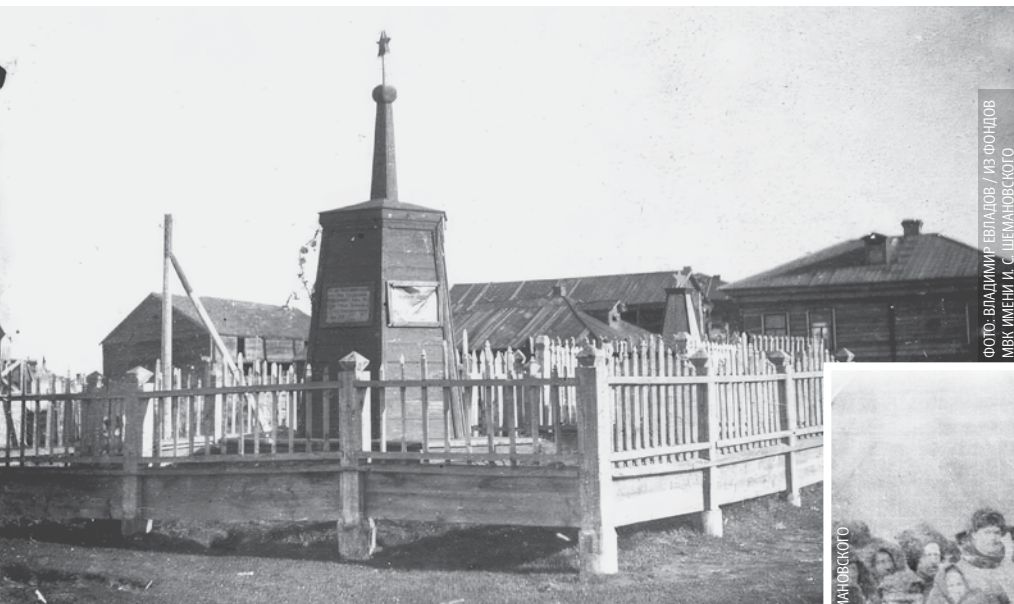

ФОТО: ВЛАДИМИР ЕВЛАДОВ / ИЗ ФОНДОВ МВК ИМЕНИ И. С. ШЕМАНОВСКОГО

Почтив память павших товарищей, большевики не удостоили этой чести невинно убиенных заложников

ФОТО ИЗ ФОНДОВ МВК ИМЕНИ И. С. ШЕМАНОВСКОГО

быстро успокоился, пробрался на алтарь и стал там шарить в поисках денег или ценных вещей: «что попадёт ценное – за пазуху, что не нужно – оставит. Сколько ни рылся, а денег всё не было». ⁶ Наконец, мужчина нашёл церковную кружку и разбил её топором. Деньги так и посыпались на пол. Злодей быстро рассовал пятаки да гривенники по карманам и решил – мало! Тогда он направился к иконе Николая Чудотворца – пожалуй, самого почитаемого тундровиками святого. Знал алчный, что его соплеменники да остальные горожане регулярно оставляют у образа пожертвования. И вот он уже замахнулся топором, чтобы разбить кубышку. Но дальше началось что-то странное. Вор неожиданно услышал голос: «Ну, будет тебе, набрался, уходи...»

Сначала мужчина подумал, что в храм пришёл сторож, оглянулся, но никого не было. Только он и освещаемые неяркими лампадками образа. И тут воришка увидел суровый взгляд с иконы, Николай Чудотворец смотрел ему прямо в душу. Самоед не помнил, как убежал из храма. Страх поселился в его сердце, и он не выдержал – пришёл и покаялся в содеянном. Власти снова провели следствие; оказалось, следы на полу «под его ногу», да обронённый под иконой топор тоже принадлежал ему.

Впрочем, церковь грабили и ранее, но в набат били только по этому случаю.

Звон, треск огня и бескрайнее северное сияние

Ещё одно яркое, но уже кровавое упоминание о взбудоражившем Обдорск набате есть в рукописи Иосифа Волкова «Борьба за власть Советов».

В конце января 1921 года полыхнуло грандиозное Западно-Сибирское восстание. Оно охватило территорию Тюменской, Омской, Челябинской, Екатеринбургской губерний РСФСР. В советской историографии его называли «кулацко-эсеровским мятежом», но сути дела это не меняет.

Положение большевиков в Обдорске в ту пору было шатким. Как-то мартовской ночью тишину взорвал гул набата. Какое-то время никто не мог понять, кто и зачем ударил в колокола. Оказалось, пылаал дом купца Слободского, стоявший там, где ныне начинается улица Республики. Его хозяин находился у большевиков в заложниках. Волков, начальник местной радиостанции, писал об этом так:

⁶ Носилов К.Д. «На Новой Земле: Очерки и наброски». – С. 320–321.

ФОТО: ВЛАДИМИР ЕВЛАДОВ / ИЗ ФОНДОВ МВК ИМЕНИ И. С. ШЕМАНОВСКОГО

Снятие большого колокола с церкви. Обдорск, 1926 год

*«Освещая всю прибрежную часть города, пылало огромное пламя пожара. На улицах было тихо, морозно и безлюдно. Треск огня и людской шум разносились далеко в тундру. А на чистом, без единого облачка небе разгорелось полярное сияние невиданной красоты. Оно мгновенно возникало, ширилось, занимая до трёх четвертей неба, играло и переливалось такими причудливыми цветами и огнями, что невозможно выразить никакими словами».*⁷

Наверное, так же гудел набат, созывая жителей, когда в мае 1908 года сгорел дом, где размещалась православная миссия, руководимая миссионером Иваном Шемановским (Иринархом). Вот только северного сияния не было, а мела сильная пурга.⁸

Расстрел у церковных стен

Буквально через неделю, но уже днём, 17 марта 1921 года, над заснеженными улочками села вновь раздался будоражащий колокольный звон. Обдорские в страхе побросали свои дела и выбежали на улицу. Оказалось, это уже не пожар, а гораздо хуже. То здесь, то там грохотали выстрелы. Началось восстание недовольных советской властью в Обдорске.

*«Тревожно гудел набат. Где-то стреляли. Кто? В кого? Изредка над нашими головами взвизгивали пули».*⁹

Сначала в набат ударили на звоннице миссионерской церкви. А позже «мелко-мелко зазвонил набат в каменном храме» Петра и Павла.

⁷ Волков И. П. «Борьба за власть Советов». В двух томах. 1964. – С. 108. Рукопись хранится в фондах МВК имени И. С. Шемановского.

⁸ Игумен Иринарх (И. С. Шемановский). «Несчастье Обдорской миссии» / «Православный Благовестник», № 19, октябрь, 1908 год. Том III. Книжка 1-я – с. 126–128.

⁹ Волков И. П. «Борьба за власть Советов». В двух томах. 1964. – С. 124. Рукопись хранится в фондах МВК имени И. С. Шемановского.

Стрельба раздавалась то на одной улице, то на другой. Было понятно только одно – в селе бунт. Волков скомандовал: «Занять боевые позиции! Узнать, почему набат!»

Со времён Углича этим вопросом задавались многие, да не все удержались от соблазна сначала покарать звонаря, а уж потом разбираться в мотивах его поступка. Так случилось и в этот раз.

Выяснилось, на каменной звоннице храма Петра и Павла находится дьякон с женой. С ходу туда ворваться не получалось, вступили в переговоры. Звонарь сначала снова ударил в набат, поднимая жителей на свою защиту, но потом согласился выйти. Прямо на ступенях храма его и расстреляли.

Разносился ли снова набат над домиками Обдорска, увы, неизвестно. В 1930-е годы колокольни порушили, церкви перепрофилировали, пришли другие времена. Впрочем, тревожные сигналы остались, но уже стали, так сказать, более технологичными, но не менее тревожащими.

Особый посланник из селения Хэ

Иногда я вспоминаю, как в середине 1990-х годов помогал молодым священнослужителям поднимать колокола на временную колокольню храма Петра и Павла в Салехарде. Вернее, это была сколоченная из досок конструкция над входом в него. Моя матушка Людмила Липатова тогда была директором краеведческого музея, и один из колоколов был у неё на балансе. К слову, и рукопись книги Волкова тоже...

В общем, не удивительно, что её пригласили на это знаменательное мероприятие, а она позвала и меня, за что я до сих пор ей безмерно благодарен...

Мы медленно шли по тесной, крутой винтовой лестнице, сохранившейся от колокольни, потом осторожно ступали по пыльному чердаку, а далее аккуратно лезли с грузом по покатой крыше. Самый большой колокол весил более трёхсот килограммов, остальные – ненамного меньше. Церковнослужители ловко привязывали их верёвками за «уши».

Уж столько лет прошло, а яркие краски того дня до сих пор стоят у меня перед гла-

зами. Помню, как телеоператор Сашка Мифтяев снимал нашу работу – то вперёд забежал, то отставал. Он постоянно рисковал, выискивая удачные кадры.

Кстати, тот из колоколов, что прежде хранился в музее, до революции висел на звоннице Никольского храма в селении Хэ. Намоленное место. Несколько десятилетий там жил кто-нибудь из обдорских миссионеров. А в 1927–1930 годах Хэ был местом ссылки Местоблюстителя Патриаршего престола священномученика Петра (Полянского).

Откуда были взяты ещё два колокола, я не знаю, но помню, как все они разом зазвучали под высоким северным небом. Сидя рядом со звонарём, я долго любовался редкими облаками и пронзительной синевой нашего северного летнего неба, а потом вдруг глянул вниз: немногочисленные салехардцы, которым повезло оказаться в тот исторический момент на церковной площади, заинтересованно смотрели вверх. Они слушали мелодичные переливы колоколов и всматривались в одухотворённое лицо молодого звонаря. А кое-кто даже начал несмело креститься. 🙏

Восстановление Петропавловской церкви в Салехарде

ИСПЫТАНИЕ СЕВЕРОМ

ФОТО ИЗ АРХИВА «РС»

ПОДВИГ ГРИГОРИЯ ВЕРБОВА. 5700 КИЛОМЕТРОВ ПО ТУНДРЕ И ТАЙГЕ¹

Юрий КАНЕВ

г. Нарьян-Мар, Ненецкий автономный округ

В 1938 году институт этнографии начал работу над четырёхтомником «Народы СССР». В самые отдалённые районы Советского Союза отправились известные учёные: к эвенкам – А. Козловский, к бурятам – К. Вяткина, на Алтай – Н. Дырленкова, на Амур – Н. Липская, к нганасанам – А. Попов, к арабам Средней Азии – профессор И. Винников. Признанный авторитет в области самоедологии, кандидат лингвистических наук Григорий Вербов получил задание по сбору материалов среди ненцев, энцев, ханты, кетов и селькупов.

Нашего героя влекла кочевая жизнь. Особенно его интересовал Таймыр – крайняя северо-восточная зона расселения ненцев.

Экспедиция длилась более года – с 20 мая 1938-го по 12 июня 1939-го. Перед поездкой Григорий Давыдович работал в музеях и архивах, в депо карт Главного Гидрографического управления. Он досконально рассчитал маршрут, учитывая климатические, территориальные особенности: например то, что олени сильнее в осенний период, а весной они слабеют. Предстояло преодолеть шесть тысяч километров, из них 1500 – на судах, 4500 – на оленях и лошадях. Как музыка для него звучали географические названия: Енисей, Таз, Пур, Обь, Печора... Маршрут его в паспорте экспедиции – ядовито-фиолетовые печати и штампы, как пунктиры, отмечали пункты: Подкаменная Тунгуска – Туруханск – Дудинка – Усть-Енисейский район – Караул – Гольчиха – Тазовский район – Салехард – Хоседа-Хард – Нарьян-Мар – Нижняя Пеша – Несь – Архангельск.²

В поход Вербов, как обычно, отправлялся один, да и передвигаться на перекладных проще. Связь с институтом поддерживал через научного сотрудника Николая Шнакенбурга.

©МЭЭ РАН 2024

В ходе экспедиции Григорий Вербов много выступал с лекциями, был переводчиком на собраниях и даже привёз на Ямал с Таймыра чертёж «нартяного балка»: «На большой нарте устанавливается домик, имеется печь, окно. Очень удобное, гигиеничное, тёплое жилище по сравнению с чумом». На четверть века он предвосхитил идею перехода на полусёдлость!

¹ Орывок из книги Юрия Канева «Вербов. Настоящий ненец».

² МЭЭ РАН. Ф. 2, оп. 1, д. 167, л. 69.

На перекладных по Енисею

Георгий Давыдович 20 мая выехал поездом из Ленинграда в Москву. Через три дня он сообщил родителям: *«Дорогие мои мамочка и папочка, мое кругосветное путешествие продолжается. Проехал Тулу, Пензу, Сызрань, Куйбышев... Вечером будем переваливать Урал. Знал я прежде только северный Урал, а теперь посмотрю и южный»*.³ Кругосветка – потому что планировал посетить все территории расселения ненцев, завершить сбор этнографических и лингвистических материалов.

Первая остановка – Подкаменная Тунгуска, где учёный собрал подробные данные о кетах. Особо отмечал в дневнике изменения в жизни коренных народов Севера: *«В настоящее время распространились сапоги, пиджаки, бельё, кепки и шапки-ушанки. Покупают полотенца. Наряду с хлебом охотно покупают сгущённое молоко, мясные и рыбные консервы»*.⁴

По Енисею он передвигался на перекладных – лодках, мотоботах, катерах. *«Сильно хочется спать, так как на катере можно было из-за тесноты только сидеть рядом с греющим мотором. Да и есть эти двое суток, кроме хлеба, ничего не пришлось»*,⁵ – записывал он в дневнике.

21 июля путешественник удачно добрался до Дудинки на самолёте полярной авиации Р-6 Н-116. Здесь он провёл больше двух недель, работая в архиве и различных учреждениях. Тут его настигла тридцатиградусная жара. Он давно стал настоящим северянином, и такую погоду переносил плохо.

14 августа на небольшой шхуне наш герой прибыл на Таймыр, в Гольчиху. Это была крайняя восточная точка расселения ненцев. Оттуда он сообщал: *«Здесь стоит 13 чумов енисейских ненцев и родственного им племени Мандо (энцы). Одежда женщин Мандо сильно отличается от ненецкой – короткие, выше колен, шубки, замшевые штаны с нагрудниками, разукрашенными тяжёлыми медными цепями и полумесяцами... Кругом*

голая тундра. Здесь даже карликовая берёза совсем не тянется вверх... Енисей ревет, как море, которое, впрочем, рядом...»

В Гольчихе Григорий Давыдович собрал большую коллекцию энецких вещей, в том числе уникальный шаманский костюм. В фондах Кунсткамеры сохранилась опись вербовской коллекции №5706 – тут и волкоберег оленьего стада, изображение совы, стрелы охотничьи и боевые, лук, большое количество идолов из дерева, камня и металла. Гордость коллекции – уникальный костюм энецкой шаманки: нагрудник, повязка, бубен с колотушкой, три шапки (белая, чёрная и красная), посох, рукавицы. Особой удачей учёный считал находку железного посоха ненецкого шамана – для проводов души умершего в загробный мир.⁶ Одновременно он зарисовывал энецкие орнаменты, записывал сказки, фотографировал.

©МЭЭ РАН 2024 / ГРИГОРИЙ ВЕРБОВ

Этнограф собрал богатейший материал об обычаях и религиозных взглядах энецов. Таймырский берег Енисейского залива, 1938 год

³ МЭЭ РАН. Ф. 2, оп. 1, д. 177.

⁴ МЭЭ РАН. Ф. 2, оп. 1, д. 96, с. 12.

⁵ Там же. С. 22.

⁶ МЭЭ РАН. Ф. 2, оп. 1, д. 80, л. 31.

©МАЭ РАН 2024 / ГРИГОРИЙ ВЕРБОВ

В каждой своей экспедиции Григорий Вербов старался запечатлеть как можно больше моментов. В кадр попал шаман, лечащий больного. Район реки Пур

У учёного было два фотоаппарата – советский «Фотокор № 12» и немецкая «Лейка». 31 августа он записал в дневнике: *«После нескольких часов работы нашёл способ заряжать «Лейку» так, чтобы она не рвала перфорацию. Правда, для этого потребуются при зарядке вывинчивать каждый раз объектив...»*

Григорий Давыдович оказался талантливым фотографом – умел «взять» ракурс, построить композицию и грамотно выбрать фон. Он оставил нам в наследство большое количество снимков. Причём делал их на стеклянных пластинках, что давало высокое качество фотографий. Остаётся только догадываться, как он, путешествуя на оленях и собаках, сохранял эти хрупкие стекляшки.

В борьбе с ревматизмом и вшами

В пути много времени отбирали бытовые мелочи. *«Сшил новые боковые карманы для моей тужурки и поставил частью новую подкладку, так как старая совсем обветшала и висит клочьями. Сначала дело не лади-*

©МАЭ РАН 2024 / ГРИГОРИЙ ВЕРБОВ

С особым вниманием он относился к орнаментам северных народов, тщательно их изучал. На фото – обувь представителя ханты

лось, но потом я поставил на спину клинья и вышло недурно...»⁷ – с удовольствием фиксировал он свой портновский успех.

⁷ МАЭ РАН. Ф. 2, оп. 1, д. 95, с. 64.

Щегольская кожаная куртка верно служила ему с ямальских времён. Жил Вербов по-прежнему спартакски, отмечая в дневнике: *«В моём палатце прохладно, т.к. дует от окна, особенно утром. Пар валит изо рта»*.⁸

В октябре 1938 года учёный тяжело заболел дизентерией и десять дней провёл в больнице. Осенью его терзал уже целый букет болячек – фурункулёз, ревматизм и первые признаки цинги. В дневнике он коротко написал, страдая от болей в ноге: *«Трудненько будет только на одной ноге ковылять, да и больно, но ничего не поделаешь»*.⁹

Одновременно он готовился к продолжению маршрута: *«Часть дня посвятил войне со вшами, перебил их без числа, переоделся, а кроме того, в виде опыта всё бельё смазал керосином»*.¹⁰ Сразу скажем – не помогло!

«БОЛЬНО И ХОЛОДНО»

Впереди был самый сложный этап экспедиции – предстояло пересечь почти незаселённую Гыданскую тундру, а это пятьсот километров.

Вербов нанял ненца Яум Пя с его семейством. Чум у него был летний, ветер продувал его насквозь, олени слабые. Но выбора не было. *«Чум наш, вернее, жалкое подобие чума – обитель ветра и дыма»*,¹¹ – отмечал Григорий Давыдович.

Экспедиция проходила в экстремальных условиях: ветреная и холодная погода, морозы до минус пятидесяти. Почти три недели длилась эта поездка. Вербов отморозил руки, а лучший из фотоаппаратов – немецкая «Лейка» – отказал на морозе.

«Фотографировать не могу, даже пишу с трудом, т.к. кожа с помороженных ещё в октябре кончиков пальцев стала сходить кусками. Больно и холодно. Особенно мучительно развязывать узлы. Материал понемногу копится. Этим доволен»,¹² – фиксировал он тяготы своего походного бытия.

«Свечей у нас мало, и мы их бережём. Сейчас пишу при свете костра, на котором ва-

©МАЭ РАН 2024 / ГРИГОРИЙ ВЕРБОВ

Ненка из Малоземельной тундры, приехавшая на собрание в День оленя (впервые этот праздник в Ненецком округе отметили в 1932 году)

*рится рыба. Это была первая моя трапеза с горячей пищей за последнюю неделю... У меня появился весьма неуместный в столь патетических условиях насморк. Нога болит, хотя и меньше. Из дёсен идёт кровь...»*¹³ – не без мрачного юмора сообщал он. Спать приходилось в самых немилосердных условиях: *«30.11.38. Мой спальный мешок отяжелел ото льда и воды, и я сушил его сегодня, но не успел закончить. 01.12.38. Мой спальный мешок – лёд»*.¹⁴

В макодан виднелась синяя Нгэрм нумгы («Северная звезда»). Ее называли «дырой в небе», «железным колом», «прикол-звездой». По ней сверяли свой курс Нансен и Амундсен, Седов и Русанов. По ней сверял свой путь и он, бродяга-этнограф.

Олени у таймырцев были слабые, поэтому двигались медленно – километров двадцать за день. Скрипят-поют свою песню еловые полозья нарт, хоркают оленьи, отчаянно болят руки и ноги, дубеют от стужи лица, тяжё-

⁸ Там же. С. 82.

⁹ Там же. С. 116.

¹⁰ Там же. С. 120.

¹¹ Там же. С. 129.

¹² МАЭ РАН. Ф. 2, оп. 1, д. 95, л. 125.

¹³ Там же. С. 126–128.

¹⁴ Там же. С. 133, 135.

лая куржа покрывает бороду, усы, брови и ресницы. Вечером все быстро собирают чум, разводят огонь и с нетерпением ждут, пока медный чайник зафыркает закопчённым носиком. И можно с наслаждением взять большую горячую кружку и впервые за день согреться...

30 ноября их маленький караван достиг реки Мессояха – водораздела между Тазовской и Гыданской тундрами. Впереди ждали более населённые места. Григорий Давыдович отметил это радостное событие интересным сравнением: «Я чувствовал себя, как Бальбоа, входящий со знаменем в руках в воду открытого им Тихого океана».¹⁵

«Сегодня ели крошки сушки»

В начале декабря у путешественников кончилась соль, практически завершилось продовольствие. «Сегодня ели крошки сушки, которые я собрал на дне своего мешка, и уничтожил две рыбины без соли. Рыбе скоро конец», – записывал Вербов 2 декабря. К этому времени они уже две недели не встречали ни одной живой души.

Через день увидели ямальских оленеводов. Учёный простился со своими таймырскими друзьями и 5 декабря на хороших оленях сделал бросок в сто километров! На базе Хальмер-Седэ (ныне посёлок Тазовский) он провёл доклад о религиозных верованиях ненцев и ответил на полсотни вопросов. Затем по ниточке ненецких чумов двинулся дальше – Николай Харючи, Роман Ямкин, Егор Шушаков, Хасовако Ядне везли его. Руки у путешественника были сильно обморожены, его мучили ревматизм и куриная слепота.

Под Новый год он добрался до посёлка Ныда. Первый, самый трудный этап учёный преодолел. Здесь он посетил школу и интернат, познакомился с учителями и детьми. Поселился в гостинице: «Гремит гармоника и ей вторит громогласный радиопродуктор, орут ребята. С грустью вспоминаю обстановку чума, где так тихо, хорошо и такой свежий воздух, хоть и бывает дымно. Здесь же пахнет плесенью, табачным дымом и

керосином от неисправного примуса, не говоря уже о спирте, который сегодня льётся рекой».¹⁶

Новый, 1939 год он встретил у радиоприёмника, слушая праздничный концерт из Москвы.

Собрав статистические данные, Григорий Давыдович двинулся дальше, несмотря на сильные морозы и порывистые ветра. На одном из этапов пути ему пришлось самому управлять оленьей упряжкой: «Я уже давно не езжу сам, т.к. ревматизм при езде и работе хореет доставляет мне теперь сильные мучения. Однако на этот раз выбора не было и пришлось тряхнуть стариной...»¹⁷ А ведь ему ещё не исполнилось и 30 лет.

Знакомый милый Салехард

С оленеводом Василием Неркыхи они преодолели 190 километров. От Кутотьюгана до Аксарки «на одних оленях». 12 января Вербов добрался до Салехарда. Из столицы Ямала он уехал ровно год назад и теперь с радостью ожидал встречи с друзьями: «Чувствовал себя буквально как Николай Ростов,

©МАЗ РАН 2024 / ГРИГОРИЙ ВЕРБОВ

В салехардском универмаге, 1936 год

¹⁵ Там же. С. 131.

¹⁶ Там же. С. 150.

¹⁷ Там же. С. 154–155.

©МЭЗ РАН 2024 / ГРИГОРИЙ ВЕРБОВ

В 1935–1937 годах Григорий Вербов был учёным секретарём Ямальского окружного комитета по разработке нового алфавита для ненцев. В этот период он много снимал Салехард и его жителей. Обе фотографии сделаны 1 мая 1937 года

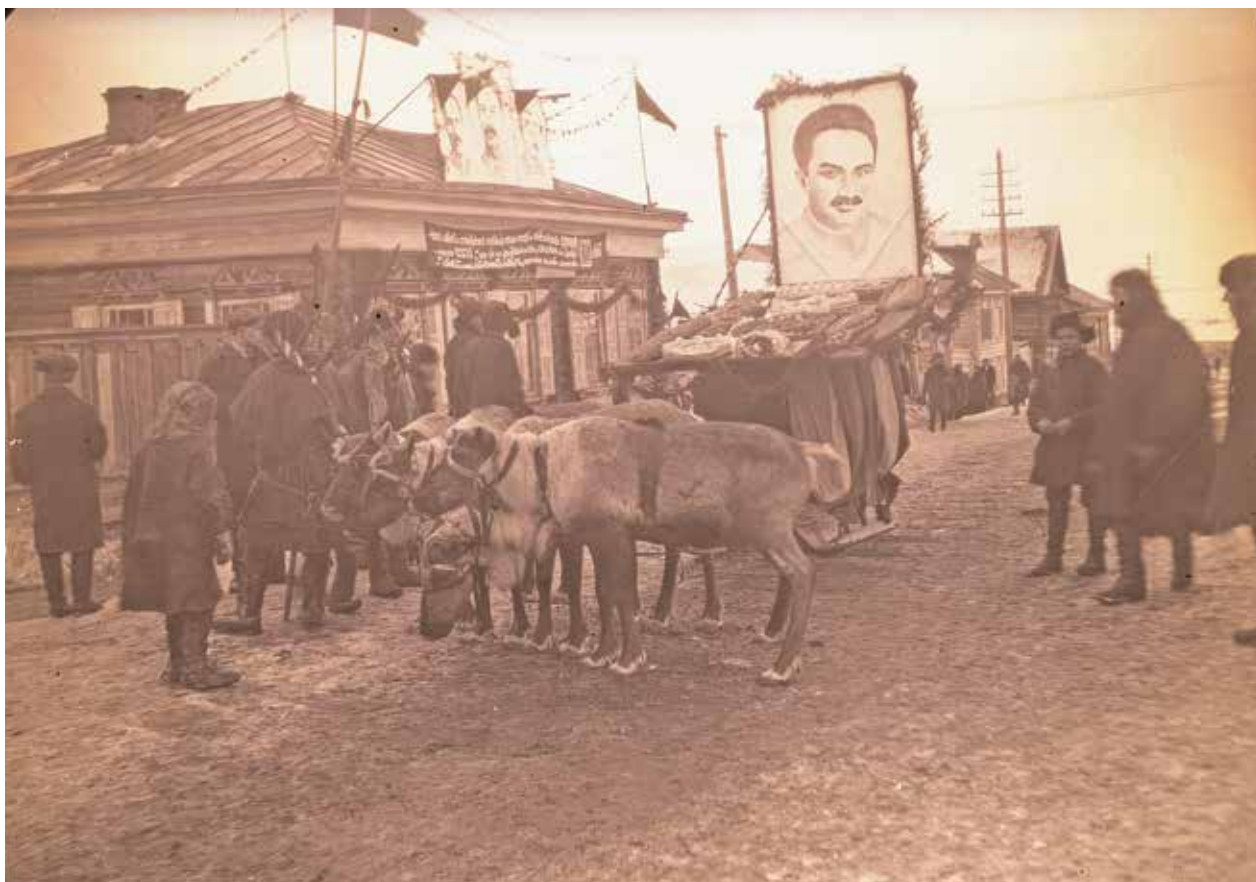

©МЭЗ РАН 2024 / ГРИГОРИЙ ВЕРБОВ

©МАЭ РАН 2024 / ГРИГОРИЙ ВЕРБОВ

Колонна делегатов-ненцев у обезглавленного храма святых апостолов Петра и Павла, 1937 год

©МАЭ РАН 2024 / ГРИГОРИЙ ВЕРБОВ

Колонна Госторга с кондитерскими изделиями на оленях, 1937 год

возвращавшийся из армии в Москву. Всё было знакомо и мило. Через две минуты после приезда стал, несмотря на вечернее время, встречать знакомых и друзей». ¹⁸

В Салехарде Григорий Давыдович задержался на месяц: работал в окружном архиве и музее, попутно отметив, что данных про ненцев немного. Подводя промежуточный итог экспедиции, он записывал 23 января: «Несмотря на известные успехи, достигнутые в этой экспедиции, и то, что теперь почти все группы ненцев мне известны, меня всё гложет мысль, что средний и верхний Пур и западное побережье Ямала остались для меня неизвестными... Но радость и беда моей жизни – в желании всё увидеть лично, даже в тех случаях, когда это совсем не необходимо и когда основные сведения можно получить другим путём. Теперь мне не будет покоя на 2-3 года. Впрочем, увидим. Надеюсь, что в будущем на одну-две экспедиции у меня по роху хватит». ¹⁹

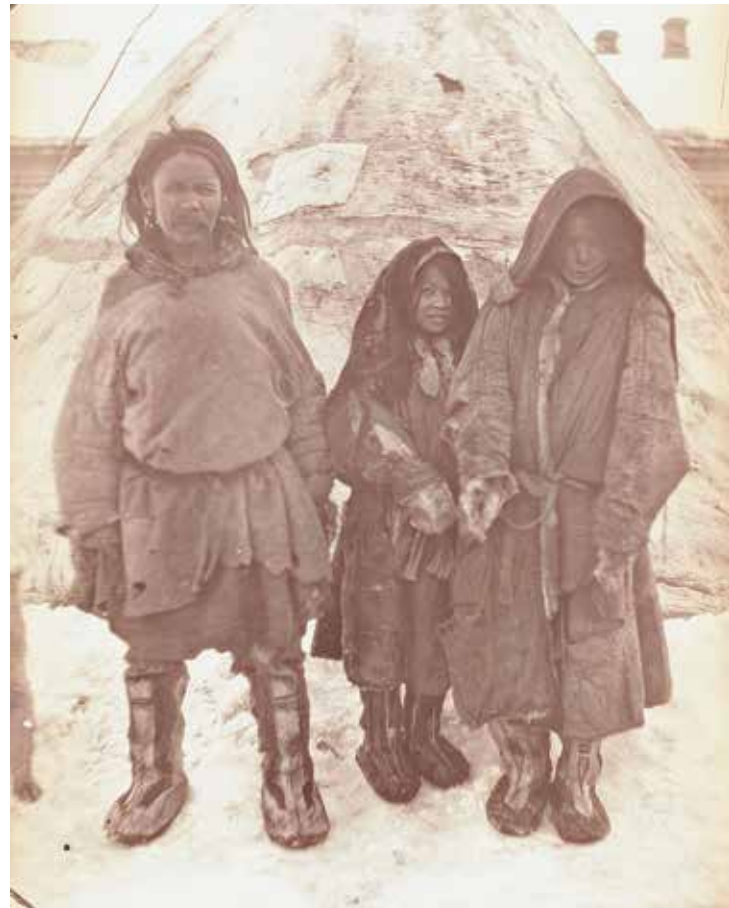
На будущее он заказал себе малицу, табаки и пимы. Всё это обмундирование отправил в Ленинград.

Теперь надо было совершить рывок через Полярный Урал, но снега в тот год оказались невероятно глубоки, все перевалы перемело и охотников идти на верную смерть не находилось. К тому же весь январь стояли сильные морозы до минус пятидесяти градусов.

Только 11 февраля с войкарскими ханты Алексеем и Егором Возеловыми он отправился в путь. Переход через Камень был тяжёлым и занял больше недели. В ночь с 14 на 15 февраля они пережидали на перевале снежный буран в «куропачьем чуме».

По прибытии в Воркуту Григорий Давыдович сообщил родителям: «Перевалил Урал благополучно скоро буду Хоседа-Хард. Пишите Нарьян-Мар. Здоров. Гриша» (орфография и пунктуация автора сохранены).

В дневнике он отметил: «Устал я от поездки сильно, так как питался всё время одним почти хлебом».

©МАЭ РАН 2024 / ГРИГОРИЙ ВЕРБОВ

Среди отснятого Вербовым материала очень много портретов северных народов. На фото – ханты Вадисей с семьёй. Снимок сделан в притоке Полюя в 20 км от Салехарда

А Нарьян-Мар удивил

Впереди ждали более обитаемые места. 27 февраля 1939 года учёный добрался до устья реки Харуты: «Я провёл вечер у старого знакомого Фёдора Канева. Сидел в его тёплой избушке и попивал чаёк на той же скамье, на которой сидел девять лет назад». ²⁰

Через две недели Вербов добрался до Нарьян-Мара: «Сейчас здесь многотысячный город покрупнее Обдорска». ²¹ Когда летом 1932 года он уезжал отсюда, здесь лишь зарождался рабочий посёлок в несколько десятков домов, а теперь на берегу Печоры переливался огнями настоящий город с населением почти 12 000 человек.

¹⁸ МАЭ РАН. Ф. 2, оп. 1, д. 95, л. 160.

¹⁹ Там же. С. 163.

²⁰ Там же. С. 182.

²¹ Там же. С. 192.

И снова он активно работает в архиве и музее, в окрисполкоме и педучилище, встречается со студентами-ненцами, проявляет фотографии, знакомится с букварём Анатолия Рожина.

В конце марта Григорий Давыдович сообщил родителям: *«Завтра я покидаю Нарьян-Мар. Лошадьми через знаменитую деревушку Пустозёрск и далее поднимусь до р. Сулы, а оттуда на оленях начну пересекать Малую Землю и Тиманскую тундру... В конце апреля я приеду в Мезень (река Мезень является западной границей массового обитания ненцев). В Мезени займусь сбором сведений о некоторых группах ненцев, живущих в мезенских лесах...»*

В письме он просил отца купить хорошие акварельные краски и александрийскую бумагу для обработки экспедиционных материалов.

Позже, 6 апреля, рассказывая о поездке в Канинскую тундру, Вербов уточнял: *«Я организовал это для того, чтобы обязательно познакомиться хоть немного с канинчанами».*²² До весны 1939 года тундровые ворги не приводили Григория Давыдовича на Канин. Теперь он путешествовал по просторам этой земли.

*«В местностях, где имелась возможность пробыть значительное время, я на первых порах не проявлял открыто интереса к этим явлениям, присматриваясь, изучая людей и обстановку и собирая доступный материал. При установлении же более тесного контакта с населением вокруг моей работы формировался своеобразный актив, оказывавший мне большую помощь и привлекавший для дачи сведений многих родных, соседей и т.п.»*²³ – писал Вербов о своих методах сбора материала.

Тундровый апрель – хорошее время. Погода ясная и солнечная, небо голубое, дороги наезженные. Бывают, конечно, ещё пурга и морозы, но начало весны уже чувствуется. Именно в апреле рождаются первые оленята в коричневых бархатных шубках. *«Наконец-то я дождался такой погоды, когда даже на*

улице чернила не замерзают. Немного оцинкал. Опухли и болят дёсны, из которых обильно сочится кровь»,²⁴ – написал учёный.

Принимали за ненца

Григорий Давыдович грелся не только в лучах весеннего солнышка, но и в лучах славы – в этих местах его хорошо помнили ещё с начала тридцатых годов. *«Моя персона весьма интересует ненцев, т.к. многие слышали обо мне ещё в 1930 году и знают меня под моим прозвищем «Начи нэ»*,²⁵ – записывал он в дневнике.

Многие принимали его за ямальского ненца – обветренное и закопчённое лицо в овале капюшона выглядело как у настоящего вындера-тундровика. Ненец Иван Ледков расспрашивал его про Савельева и Прокофьева, а затем хотел уточнить, как поживает Вербов, и с удивлением узнал, что тот стоит перед ним.

©МЭЭ РАН 2024 / ГРИГОРИЙ ВЕРБОВ

Ненка в одежде, украшенной аппликациями из оленьего меха. Канинская тундра

²² МЭЭ РАН. Ф. 2, оп. 1, д. 177.

²³ МЭЭ РАН. Ф. 2, оп. 1, д. 80, л. 22.

²⁴ МЭЭ РАН. Ф. 2, оп. 1, д. 96, с. 21.

²⁵ МЭЭ РАН. Ф. 2, оп. 1, д. 96, с. 5.

Учёный по-прежнему много фотографировал, собирал материалы по этнографии и канинскому говору. 13 апреля он добрался до старинного и большого села Несь, познакомился здесь с церковным архивом и документами сельского совета. Интересной получилась встреча с агентом Союзпушнины Афанасием Канюковым: *«В конце разговора он показал мне экземпляр обдорского издания «Шамана» под моей редакцией»*. Книжечка приехала через тысячи километров к своему редактору.

Наконец, 18 апреля Вербов добрался до конечной точки своего путешествия – города Мезень. *«Трансненецкий маршрут окончен»*, – написал он в дневнике.

Первым делом Григорий Давыдович решил привести себя в порядок и отправился в баню и парикмахерскую: *«Только сегодня, сидя в парикмахерской, как следует разглядел свою физиономию: щёки и нос жёлто-бурые – последствия обморожений, глаза воспалены. Впрочем, чувствую себя отлично»*.²⁶

В Мезени учёный застрял почти на полтора месяца – зимние дороги уже исчезли, а пароход ожидался только в конце мая. Он активно работал: посетил архив, делал рисунки и чертежи, готовил полевые отчёты, проявлял фотографии. Большого напряжения требовала прорисовка ненецких орнаментов. Вечерами слушал радио и много читал. Так, «Иудейская война» Лиона Фейхтвангера произвела на него огромное впечатление: *«Большое удовольствие читать написанное умным писателем»*. С интересом наблюдал за перелётом Владимира Коккинаки в Америку.

Экспедиция удалась!

В начале лета, 3 июня, на пароходе «Воронеж» Вербов прибыл в Архангельск. Через девять дней, с трудом купив плацкартный билет, он стоял у окна вагона поезда Архангельск – Ленинград. Взгляд его зафиксировал у причала знакомый силуэт парохода: *«У одной из пристаней стоял мой старый знакомец – ледокольный пароход «Русанов», на котором я в 1928 году совершил путешествие на Новую Землю»*. Где-то незримо замкнулось

© МАЭ РАН 2024 / ГРИГОРИЙ ВЕРБОВ

Вход на выставку, посвящённую празднованию пятилетия округа, 1937 год. Тогда отсчёт вели не от даты его образования, а от первого съезда Советов Ямальского (Ненецкого) национального округа

завершающее звено-кольцо его судьбы – последняя экспедиция закончилась.

Наш герой собрал уникальный материал – порядка 200 зарисовок, около 200 фотографий, свыше 10 карт и планов, 350 страниц этнографических записей, 700 страниц выписок по социалистическому строительству на Севере, 2000 экземпляров пяти газет за разные годы, 60 различных изданий, 85 предметов этнографической коллекции энцев и кетов. Коллеги-этнографы высоко оценили научный подвиг Вербова, его систематичность, последовательность и глубину познаний. Особенно приятно было услышать оценку старого друга и учителя Георгия Прокофьева: *«Григорию Давыдовичу в плеяде этнографов, которые занимались за этот период ненцами, принадлежит виднейшее, я бы даже сказал, самое первое место»*.²⁷

4 августа 1939 года в «Ленинградской правде» появилась статья «5700 километров по Енисею и тайге». А в ноябре, подводя итоги экспедиции, директор Института этнографии Академии наук СССР Василий Струве сказал: *«Мы должны характеризовать работу Григория Давыдовича... как подвиг. Это подвиг крупного советского учёного, энтузиаста своей науки»*.

²⁶ Там же. С. 29.

²⁷ Там же. Л. 25.

ЛЁШИНЫ ПОЕЗДКИ

Вадим ГРИЦЕНКО

старший научный сотрудник МВК имени И. С. Шемановского
г. Салехард

Дело было, кажется, в ноябре. В обычный будний день по причине, которая ему не запомнилась, Лёша оказался дома, а не в школе. То ли простужен был, то ли ещё что-то...

Стукнуло ему тогда пятнадцать, и доступ к отцовскому снегоходу уже был, в принципе, разрешён. Правда, только с предварительным уведомлением. Но поскольку учителя-родители вели уроки, он решил

быстренько смотаться в окрестности заброшенного на берегу Обской губы и почти забытого села Хэ. Хотел проверить петли на куропаток – в те времена их ещё можно было ставить.

До излюбленного места в районе островов Сенные Пугора было почти сорок вёрст. Не очень близко. Но погода выдалась солнечная, потому на душе парня кипели радость и нетерпение: быстрее бы доехать и вернуться, пока родители на работе!

А осень в том году прошла с долгим и сильным северным ветром, который нагнал много воды. Уровень её на Обской губе в октябре сильно поднялся, потом ударили морозы, и лёд установился на этом максимуме. На тех участках, где береговая полоса поросла ивняком и ольховником, лёд после спада воды остался висеть сплошным полем на этих кустах, как ни в чём не бывало. Вдобавок поверх выпал снег. В общем, создавалась полная иллюзия того, что всё как обычно, без подвохов. Лёд как лёд, как и везде...

Впрочем, не имея особого опыта, Алексей к таким вещам не приглядывался, детали не анализировал, просто спешил поскорее набрать мороженых куропаток.

Главное – живым остался

Добравшись до места, он переезжал по путику от одной петли к другой да увлечённо собирал добычу. А что – дело это для пацана интересное, позволяет ощутить себя взрослым, добытчиком, кормильцем. И вдруг... лёд треснул, и он с «Бураном» рухнул вниз.

Всё случилось так стремительно, что Лёша даже испугаться не успел. Просто разом очутился метра на полтора ниже. Под ногами оказалась сухая мороженная земля, а вокруг него и над ним – лёд, снег и кусты. Красиво, как в царстве Снежной королевы: всё сияет и искрится в лучах пробивающегося сквозь снежный покров солнца.

Но вот прошла пара минут, и на смену беспечному очарованию пришёл конкретный вопрос: как отсюда выбраться? Впрочем, сначала было вроде бы даже смешно. Лёша лихо газовал, всё пытался выскочить наверх, но снегоход лишь протаскивал его по земле вперёд, а на лёд взобраться не получалось. Если говорить коротко, то больше двух часов ломал охотник льдины

ИЛЛЮСТРАЦИЯ: ОЛЬГА ЛАМДО

на куски, подкладывая под «Буран». Куски эти постоянно разъезжались, Лёша сдавал назад, пытался сделать упор. Снова и снова. Плакал, молился, рассказывал Господу, как оказался в такой ситуации и вопрошал: за что?

Наверное, Бог ему помог, потому что в какой-то момент он всё-таки выскочил из западни. Потом быстро-быстро собрался и помчал в посёлок. Все, конечно, были уже дома. И получил Лёша от родителей заслуженный нагоняй.

Мама отнеслась к его отсутствию довольно спокойно, а вот папа отругал за то, что Лёша взял снегоход без спроса. Ведь «Буран» был для семьи чем-то священным, и просто так без разрешения трогать его было нельзя.

Тем не менее десятка полтора куропаток он тогда привёз. И главное – живым остался.

Но это было не самое волнительное из его приключений. Годом ранее случилось нечто более драматическое. При том, что без спроса Лёша тогда ничего не делал.

К рыбакам за теплом

Чтобы было понятнее, поясню: в те годы всё прилегающее к посёлку Кутопьюган побережье Обской губы, а также низовья впадающих в неё речек были заняты избушками охотников. Свободным оставалось только одно подходящее место.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ: ОЛЬГА ЛАМДО

Примерно в полутора километрах от Обской губы есть два озера. В одном из них водится белая рыба: приличного размера сырок и щёкур. Называют озеро Миссионерским, потому что до советской власти там православные миссионеры из села Хэ рыбу ловили. Рядом с водоёмом – заброшенная буровая.

Свободной от рыбаков и охотников эта территория оказалась по той причине, что после весеннего спада воды добираться туда было крайне неудобно. Да и расстояние от ближайшего посёлка, как уже было отмечено, около сорока километров.

И вот когда губа ещё не встала полностью и промышлять подлёдным ловом было довольно рискованно, Алексей с папой поехал на то озеро проверить сети. Мороз был ниже тридцати. Пока добирались, в районе речки Танопчи начал дуть сильный северный ветер, по губе пошёл треск, стало лёд поднимать. Поверх него в устье попёрла вода.

Отцу и сыну пришлось уйти подальше к верховью, чтобы пересечь речку «посуху» и двигать потом дальше на восток. А вода через трещины во льду прибывала, просачиваясь сквозь белое покрывало всё более явной чернотой. Им пришлось топтать, приминать снег, уплотняя его, а мороз тут же прихватывал, сковывал созданную ими «тропу».

В итоге им удалось сначала перебраться через речку снегоход, а потом перетащить и сани. Но поскольку оба были в простых валенках, то промокли сразу.

Преодолев ещё около двадцати пяти километров, они решили доехать до заброшенного балка бурильщиков, что стоял у озера. Ноги нещадно мёрзли, нужно было обсохнуть, высушить обувь. Но пробиться до места не смогли и высоким берегом вернулись на полтора десятка километров назад, в Ярцанги – круглогодичное стойбище рыбаков. Переночевали в ненецком чуме. Чья это была семья, Алексей не запомнил, но потом неоднократно заезжал туда с отцом, чтобы вручить небольшие подарки. Все визиты были мимолётными, порой даже без обязательного чаепития. Неправильно, конечно, но как было, так было. Вечно торопились...

В ожидании отца

Однако вернёмся к той поездке. Сети на озере уже стояли, в нескольких километрах от берега были капканы на песцов. Лёшин отец долго пытался поймать на них ещё и лису. Но как ни старался, даже вываривал капканы в можжевельнике и следы свои лисьим хвостом заметал, плутовка была хитрее...

Понятное дело, такие поездки были возможны лишь по выходным. За неделю майны¹ сковывал новый лёд, толщиной сантиметров

¹ Майна – широкая трещина во льду, полынья, прорубь.

тридцать. Добравшись до озера, отец оставляя Лёшу у сетей, а сам отъезжал на путик проверять капканы. Пока его не было, парень чистил майны от снега и долбил лёд. Отец возвращался, когда Алексей успевал очистить все пять майн и выдолбить половину льда. С той минуты продолжали работу вместе.

Ну так вот, добрались они до озера. Отец уехал к капканам, сын остался. Работает Лёша, мороз не слабеет, но телу под многослойной одеждой не холодно. Зябнет только нос да пальцы на руках, когда меховую варежку снимает, чтобы нос вытереть.

Очистил майны от снега. Долбит лёд на первой. Потом на второй. Вот уже и третью пробил. Отца нет.

Уже всё ото льда очистил. Отца всё нет.

Лёша порядком устал. Ему же тогда не исполнилось ещё и пятнадцати лет.

Когда закончил работу на последней майне, оказалось, что первая уже подмёрзла. Опять долбить надо. В общем, ждать отца и ничего не делать было бессмысленно, и он начал проверять сети. Но одному это неудоб-

но, да и сил у подростка не много. Старался, мучился, временами отдыхал.

В те годы не было у сельчан тёплых про-резиненных перчаток, и многое приходилось делать голыми руками. Например, выпутывать рыбу из сетей. Надо сказать, что на морозе за тридцать да с ветерком и позёмкой – это то ещё удовольствие. А распухшие и багровые кисти рук с лениво тающей на них позёмкой – та ещё картина. Лёша периодически их грел то под мышками, то в штанах, то на животе.

В итоге проверил все четыре сети. Потом рассортировал рыбу по кучкам на недавно пойманную и на ту, что проторчала в сети несколько дней и теперь годилась только на корм собакам.

Слёзы отчаяния

Наступали сумерки. Отца не видать, не слышать. Но не было у Алексея паники, ведь отец такой взрослый, большой и сильный. Что с ним станет? Приедет!

Только устал парень сильно, а с окончанием работы начал ещё и замерзать. Метрах в трёхстах от озера стоял наглухо заметённый балок. Он разгрёб перед дверью сугроб, проник внутрь.

В балке было заметно теплее, чем на улице. Под потолком, подальше от мышей, висели в пакетике макароны, рис, лавровый лист. Ещё он нашёл чай. Дров было только на растопку, чуть-чуть. Ими жилище не нагреть.

На полочке стояли жестяные банки, в том числе из-под кофе. Рядом полусгоревшая, оплывшая свеча. Набрал он в эту банку снега и на свечке вскипятил себе чай. Попил, согрелся, немного отдохнул. Но на душе, конечно, свербело, поэтому отправился по снегоходному следу искать отца.

Сначала шёл вдоль берега. Там среди зарослей ивняка по обыкновению прятались куропатки, и там же отец ставил на них петли. Но сейчас было не до охотничьих трофеев.

Алексей протопал по следу «Бурана» километра полтора, аж до самой губы, но и там никого не было. Пошёл дальше.

Между тем короткий приполярный день иссяк, окрестности осветила яркая луна. Видно было неплохо, но началась позёмка,

ИЛЛЮСТРАЦИЯ: ОЛЬГА ЛАНДГО

и вскоре гусеничный след укрыло свежим снежком. Ещё минуту назад он был, а теперь будто исчез. Куда идти? Возвращаться в балок сил у Алексея уже не было. Целый день прошёл в трудах: сначала он ехал, потом работал, при этом ничего не ел. Ещё и холод стоял лютый, а вокруг – сплошное белое безмолвие.

Вернулся Лёша чуть назад. Повертел головой, дурные мысли начали в ней роиться. Спасла его лиственница, одиноко стоявшая среди редкого ивняка и чахлых берёзок. Нижние ветви её, как всегда у лиственниц, были замшелыми и сухими, подходящими для разведения костра. Утоптал парнишка снег под деревом, получилась ямка глубиной почти по пояс. Сел, чтоб хоть немного спрятаться от колючих снежных струй. И тут как-то горько ему стало, он заплакал.

Добыл огонь и куропатку

Спички лежали в нагрудном кармане штормовки под полушубком. Но руки замёрзли настолько, что пальцы не гнулись и ничего не чувствовали. Расстегнуть пуговицу не получалось.

Плакать было бесполезно, и, с трудом засунув кисти рук под одежду, Лёша прижал их к животу. Вскоре перемороженные суставы на тепло «ответили» ломящей болью. Через несколько минут он ощутил, что пальцы ожили, обрели способность шевелиться.

Лёша с трудом расстегнул пуговицу, достал коробок из кармана. У него долго не получалось взять спичку – обмороженные подушечки пальцев по-прежнему ничего не чувствовали. Спичинки выпадали из руки или ломались о коробок. Наконец ему удалось зажечь одну, развести костёр. Он отламывал хрупкие на морозе ветки от ствола, подкладывая в огонь, подкармливая его небогатыми дровишками.

Сверху было холодно, а внизу, у огня, стало тепло. Края снежного гнезда начали оттаивать. Жар топил снег и под костром, отчего тот опускался всё ниже и ниже. Наконец Алексей отогрелся, и ему очень захотелось есть. Дико захотелось. Он сразу вспомнил о том, что рядом стоят петли на куропаток. Под луной их можно увидеть, тем более что

все они установлены вдоль плотного, наезженного снегоходного следа.

Вылез Лёша из ямы и, отойдя немного, уже на второй-третьей петле увидел куропатку. Взял её, вернулся в яму с затухающим костерком. Подбросил новых веток.

Теребить замороженную птицу было невозможно, поэтому он прислонял тушку к углям, и, когда перья обгорали, палочкой отскребал золу и копать от шкурки. Очистив грудку куропатки от перьев, жарил её на углях, периодически отгрызая то, что уже пропеклось. И понемногу всё съел.

Слегка насытившись и согревшись, он почувствовал, как его разморило. О смертельной опасности сна в такой ситуации он не подумал. И уснул.

Пробудился от далёкого звука «Бурана». Кто ездил на снегоходах, тот знает, что на ровной дороге они гудят монотонно, а на снежных барханах звук как бы прерывается.

Стояло безветрие, на морозном небе царствовала луна, за пределами её ореола висели крошечные, мёртвыми огоньками звёзды. Но главное – вдали светил, перемещался, подрагивая и плавая вверх-вниз, тёплый огонёк фары снегохода. Светилось на прибрежном зимнике к Шуге и Хоровой. Лёша не знал, кто едет, но это было неважно. Выскочив из своего убежища, он побежал на плохо работающих ногах наперерез.

Домой с уловом

На снегоходе оказался отец. Конечно, случилась истерика. Лёша набросился на него, дубасил кулаками в грудь. Папка обхватил сына, прижал, успокаивая. Не очень быстро это получилось, но, наконец, первые эмоции прошли. Отвалившись от отца, под его убаюкивающую речь парнишка ещё некоторое время шмыгал носом и немного поскуливал. Потом притих.

Оказалось, что днём, свернув с путика в пяти километрах от озера, отец провалился в кустах, и снегоход повис на пухляке. Всё это время он не мог сдвинуться с места. Так что и у него были невесёлые приключения...

Вместе они съездили на озеро, погрузили рыбу. Лёша лёг на оленью шкуру в санях, укрылся тентом. Поехали домой.

Маме эту историю решили не рассказывать. 🌐

ХАНТЫ-ПИТЛЯР

Вячеслав СОФРОНОВ,

профессор, доктор исторических наук, член Союза писателей РФ

г. Тобольск

Порой мне снятся топкие берега сибирских болот, засидки и скрадки, подсадка чучел и первый утиный табунок в небе. Снится, что я всё еще охотник – молодой, добычливый, азартный...

Хорошо помню, как в глубокой юности не мог попасть с каких-то пяти метров в сидящего передо мной селезня. Ствол дедовского ружья ходуном ходил от сказочного зрелища, неверия, что всё взаправду и сейчас, после выстрела, селезень тот забьёт крылами и превратится в долгожданную добычу. Вот то – истинный азарт, а не масштабные вылазки на десятках машин куда-нибудь к воде, где можно костерок развести, шашлычок пожарить, принять на грудь, а в самый канун открытия сезона устроить полуночную пальбу по пустой таре. Главное отметить – был на охоте...

Хотя зря я грешу на всю охотничью братию. Остались (как им не быть?) настоящие добытчики, которые не особо любят афишировать свои успехи перед честным народом. Никуда они не делись, просто скромно ушли в тень, а на виду остались неугомонные владельцы дорогих ружей. И бедная утка, напуганная их напором, уходит всё дальше и дальше от города, где взять её не так-то легко. Хотя, может, оно и к лучшему, глядишь, побольше её уцелеет, но то, что давние дедовские традиции изрядно подзабыты, втоптаны вместе с бутылочными осколками в грязь и охота превратилась в многолюдный сабантуй, то жалко...

Эпичное сидение на вертодроме

...Было мне в ту пору около тридцати лет, служил руководителем средней руки и за пару недель до охотничьего сезона собрал вокруг себя пятерых человек, что обращаться с ружьём умели чуть не с детских лет. Реши-

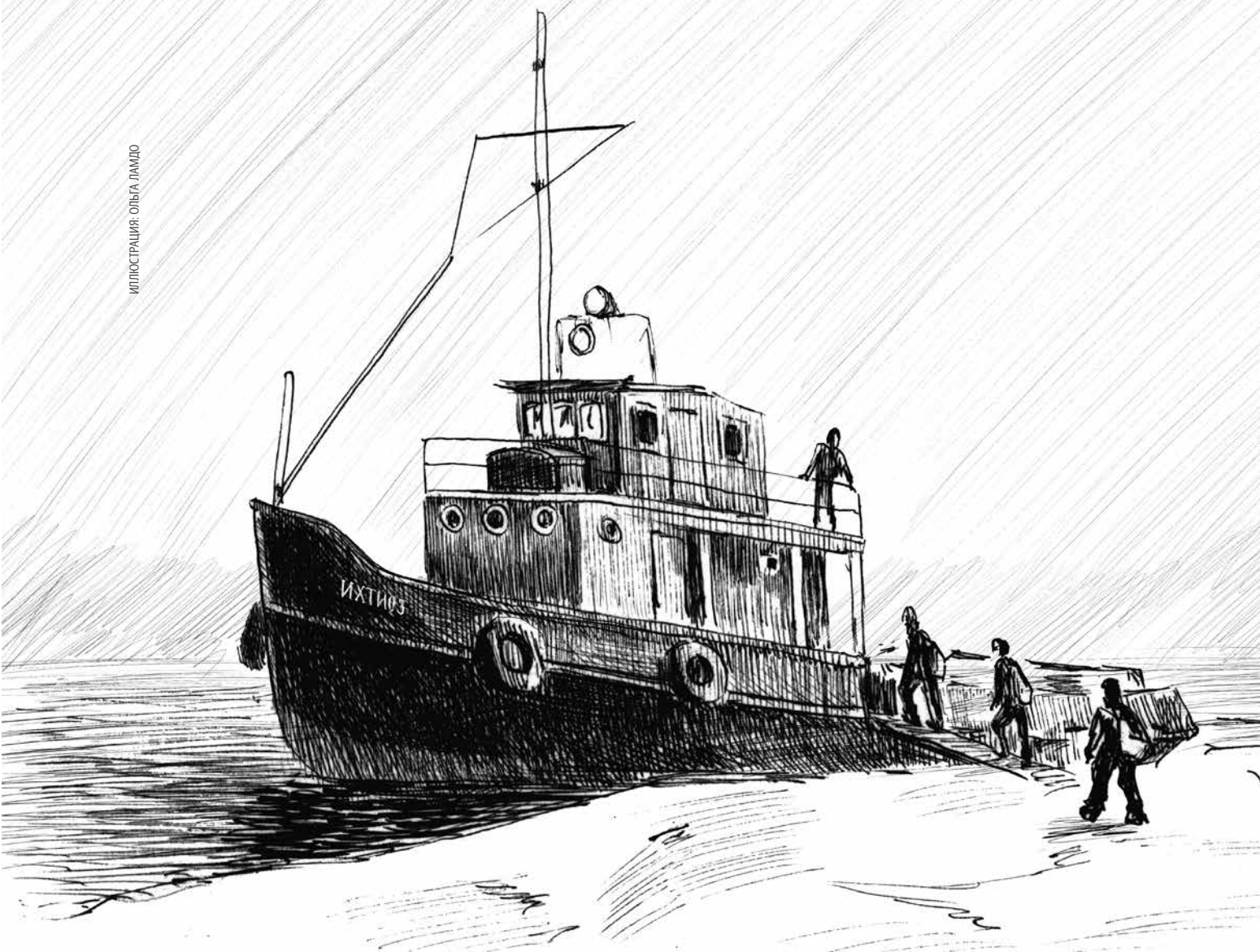
ли мы с ними тайно от всех совершить вылазку на дальние озёра, где и охотники особо не бывают, и дичь водится. Причём, как те бывалые люди судачили, залетают туда кормиться и гуси, и косачи рядом в бору водятся. А там – кто его знает, на кого ещё набрести можно. У меня как раз отпуск вызревал, а мои соратники заявление на отгул написали, чтоб всё было как положено.

Добраться на то озеро можно было лишь вертолётном, который делал по несколько рейсов в день на какую-то таёжную стройку. Нашли и знакомых летунов, они брались нас туда закинуть, а через недельку доставить обратно. Определились со временем, с боеприпасами, продуктами и, само собой, полной тарой «на всякий случай». Но уговор был железный: до отлёта – ни-ни.

Сели на дежурное авто и к нужному времени добрались до вертолётной площадки. Отсюда винтокрылые машины отправлялись в разные стороны. Расписания никакого. Кого куда направят – непонятно. Пилот рукой махнёт, и в две минуты нужно быть на борту. Естественно, начальство о том догадывалось, но особого шума не делало. Не велик грех попутчиков прихватить.

Уходит первый борт – не туда, куда нам надо. Второй – тоже мимо. Уже второй час сидим. У мужичков моих естественное желание возникло: отметить событие, чтоб время так не тянулось. И вроде уговаривались на ни-ни, и против коллектива не попрёмь...

Прошло пару часов. Тут один, самый разумный – Костей его звали – предлагает: «Всё одно зря сидим, давайте в ближайший магазин гонца зашлём». Все только «за». Уехала вахтовка с избранным, а тут и нужный

борт садится. Оставшиеся говорят: «Ничего, дождёмся другого. Не пропадать же добру с Костяном». Остались. Проходит час, мы снова все в сборе, а нашего борта всё нет. Тут сообщили, что рейсов в нужном нам направлении сегодня и вовсе не предвидится: «Отдыхайте!»

На борту «Ихтиоза»

Народ на меня глядит, мол, чего делать-то станем? И тут меня осенило поехать на другую сторону Иртыша, найти какое-нибудь озерко, да и пострелять вволю. Никто особо возражать не стал, погрузились – и на берег.

И надо же такому случиться, что стоит на переправе кораблик под названием «Ихтиоз», а на борту капитан Володя. Он в нашем участке зимой грейдеристом на службе состоял, а летом в рейс уходил, имел флотское образование. Под его началом был изготовленный для военных целей сторожевой ка-

тер, довольно скоростной и легко управляемый. Мы к капитану, как к родному, мол, возьми с собой, по дороге где-нибудь высадишь, хотим охотиться – спасу нет!

– Через полчаса отваливаем, – согласился Володя.

Ехать с нами решились не все. Двое отговорились срочными делами и заботами. Нас осталось трое, не считая капитана и его пожилого помощника. У последнего, как на грех, оказалось две фляги, под горлышко заправленные свежим пенным...

Ещё немного, ещё чуть-чуть – и все к рулю кинулись, капитанами себя почуяв. Весело доплыли до Абалака. Лишь потом Володя, узрев монастырские строения, сообразил, что не туда курс держим. Обложил нас матом крепко. Развернулись, пошли в другую сторону. На север, значит.

Утром слышу скрежет, звон цепей швартовочных, крики какие-то. Выбрался из кубрика, спрашиваю у капитана:

ИЛЛЮСТРАЦИЯ: ОЛЬГА ЛАМЦО

– Это где мы есть?
 – В Хантах на заправку встали, – отвечает он спокойно.
 – А потом куда?
 – Мне в Салехард нужно груз доставить. Этот «Ихтиоз» был в аренде у одного рыбного НИИ как курьерское судно. Но это ладно. Нам-то что под Салехардом делать? Это же, считай, две тысячи вёрст!
 – А обратно когда? – интересуюсь, надеюсь на ответ, что через недельку-другую, в крайнем случае две.
 – До конца сезона на Севере буду, – отвечает капитан.
 Значит, до ледостава, до начала ноября месяца. А сейчас сентябрь только.
 – А нам как быть? – задаю резонный вопрос.
 – Определяю вас где-нибудь, там и поохотитесь, и порыбачите, – улыбается он.

«Нахожусь в Горках, плывём в Мужа»

Сон мой как рукой сняло. Выходить в Хантах – кому мы здесь нужны? А на север плыть – как потом обратно добираться? Дилемма...

Разбудил свою команду, изложил ситуацию, а мужики так спокойно и говорят мне: «Капитан человек бывалый, не первый год обретается на Иртыше и Оби, он нас пристроит куда-нибудь. Чего переживать? Плывём – и ладно».

И плыли мы так то ли день, то ли два, покуда до меня не дошло, что дома меня хватятся через неделю и точно в розыск объявят. Надо бы их как-то известить, где нахожусь. Пошёл к капитану, показываю на рацию, мол, с Тобольском связаться можно? Он смеётся:

– Второй год не работает. Лампа какая-то полетела.

– А почта нам хоть какая-то по дороге попадётся? – спрашиваю. – Домой телеграмму надо дать, а то ведь там с ума сойдут.

– Почта скоро будет. Тут посёлок стоит, Горки называется. Я причаляю, быстро отправите свою телеграмму, и всё путём будет.

Точно, посёлок. Выбрался на берег, иду по песчаной улице. Как сейчас помню, рябина соком налилась, и я, как ягодка спелая, разными нехорошими мыслями одолеваемый. Зашёл на почту, бланк взял, пишу: «Нахожусь...»

– Как ваш посёлок зовут? – уточняю.

– Горки зовут.

У меня тут же с этим названием нехорошая ассоциация родилась: именно в Горках вождь мирового пролетариата последние дни свои доживал. А если придёт от меня послание, что я в Горках оказался, что там мои родные и близкие подумают? Ясно что. Нашёл-таки выход, спрашиваю телеграфистку:

– А как следующий посёлок называется? Скажите, будьте добры.

– Мужа, – спокойно говорит она.

– Как?!

– Говорю вам: Мужа!

Вот те на. Сплошной кроссворд выходит. Не нашёл ничего лучшего, как так и написать: «Нахожусь в Горках, плывём в Мужа». Мелькнула спасительная мысль, что моя мама, проработавшая в речной навигации всю жизнь, поди разберёт. Только вот мама всю ту осень провела у себя на даче и в город ни разочка не показывалась. Так что осталась та телеграмма нерасшифрованной и долго служила мне упрёком за верхоглядство и прочие и прочие мои грехи.

А избушка непростая...

Наконец, судно наше остановилось возле симпатичного заливчика, опоясанного сверху сопками высоких холмов и непроходимым лесом. Капитан подозвал нас и сообщил:

– Вот здесь вас и высажу. Там наверху избушка, в ней обоснуетесь. Печка есть, топор найдёте, так что замёрзнуть не рискуете. Лодку вам оставляю с мотором, бензин, сети, хлеба запас, сигарет, потом по возможности ещё подкину. Местечко это называется Ханты-Питляяр. От Салехарда совсем недалеко, рукой подать, но от людей скрыто, лишних глаз нет. Хозяин избушки на лето в посёлок перебрался, сюда зимой вернётся. Только смотрите, ведите себя тихо – не пакостить, а то он на вас управу живо найдёт.

Мы в ответ улыбнулись, представив хилого мужичка в сравнении с нашей разудалой троицей. Настроение было самое радостное. Когда ещё удастся попасть в такие нежилые места, где ты сам себе хозяин?!

Быстро выгрузились, отыскивали избушку, сплошь увешанную амулетами из птичьих

ИЛЛЮСТРАЦИЯ: ОЛЬГА ЛАМДО

хвостов и лап. Посоветовал мужикам их не трогать, но те лишь посмеялись: «Хозяин новых птичек себе наловит». Чего с ними спорить? Промолчал...

Наибольшей проблемой на новом месте оказалась заготовка дров. Ни берёзы, ни осины или иных пород деревьев на том взгорье не росло. Одна лиственница. А срубить такое дерево, да ещё тупым топором – это, я вам доложу, та ещё задача. Но ничего, справлялись – рубили по очереди, собирали валежники и всё, что можно на растопку пустить. Как-то смотрю, тащат парни вязанки каких-то заготовок – хорошо обструганных, явно для дела приготовленных. И в огонь. Тут я возмутился не на шутку, мол, чего же вы чужой труд на распыл пускаете? Человек старался, вырубал, выпиливал, подгонял всё по размеру, это же явно детали для нарт.

– Ну и фиг с ними, – услышал в ответ. – Ему тут заняться нечем зимой, пушай себе строгают, а нам ладони в кровь сбивать уже надоело. Ты можешь и дальше рубить, коль нравится, а мы эти палки точно на растопку пустим.

Вижу, спорить с ними бесполезно, но сам эти детали от будущих нарт не трогаю. Даже спрятал подальше несколько вязанок, пока ребят не было. Меня с детства приучили не трогать то, что не тобой сделано. Да и потом вспомнились слова капитана, что с хозяином избушки лучше не связываться, а то дело может худым концом к тебе повернуться.

Охота, рыбалка и спасение утопающих

Заливчик, где мы обосновались, был несказанно богат рыбой, которую в те благодатные времена ещё можно было ловить без оглядки на запреты и ограничения. Потребляли мы её в сыром виде с хлебом и солью. И сытно, и время на готовку тратить не надо.

Правда, пару раз стреляли в нашу сторону непонятно откуда. Ни в кого не попали, да поди и не целились, но, когда пуля рядом просвистит или от воды отрикошетит, ощущение, я вам скажу, не из самых приятных. Видать, попугивали нас внимательные люди, чтоб мы не забывали, что в гостях...

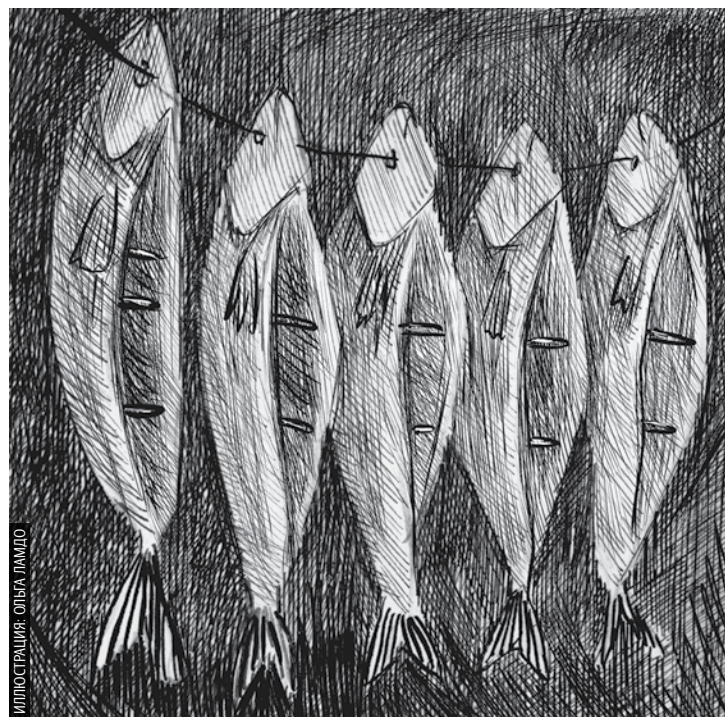
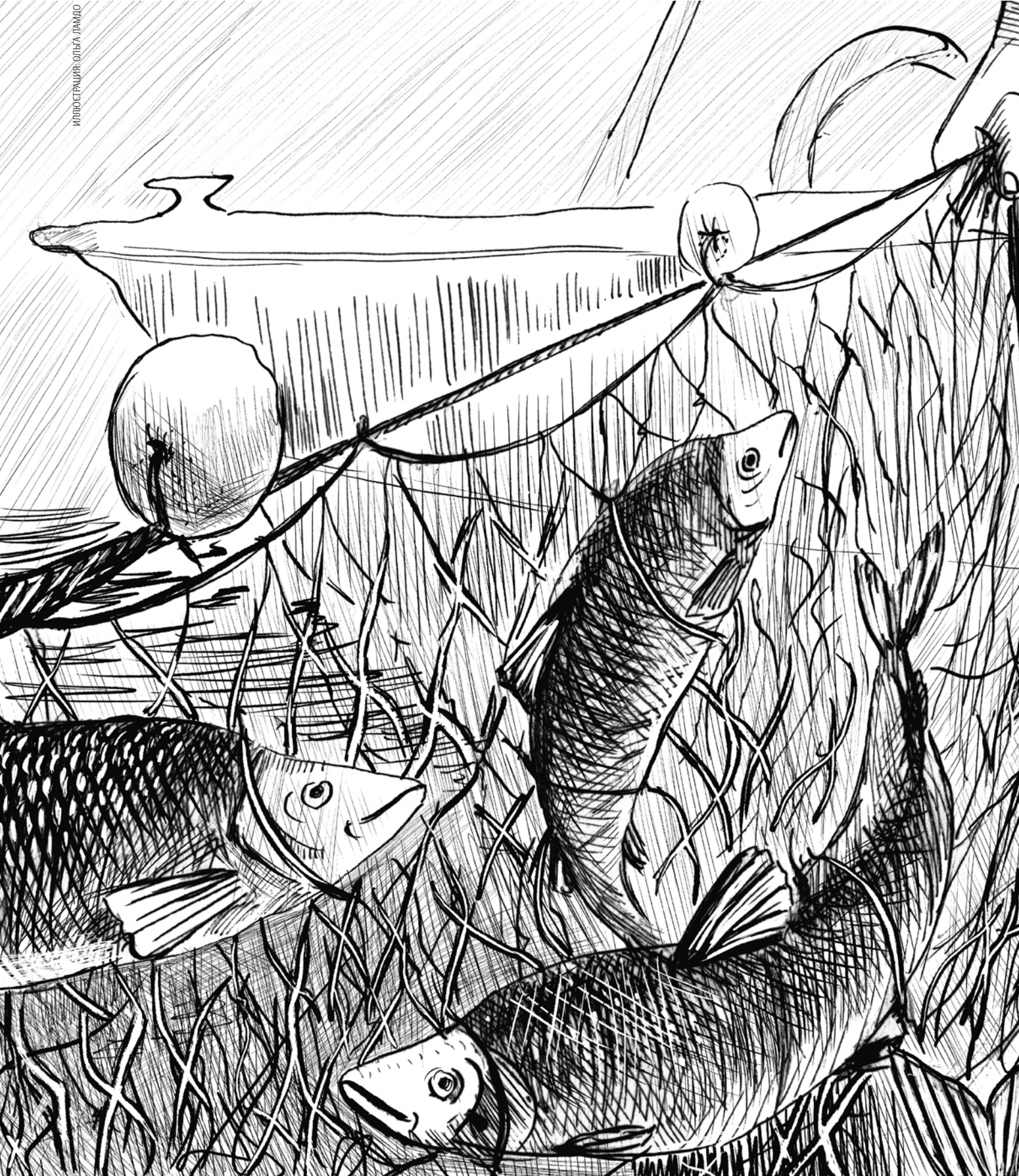

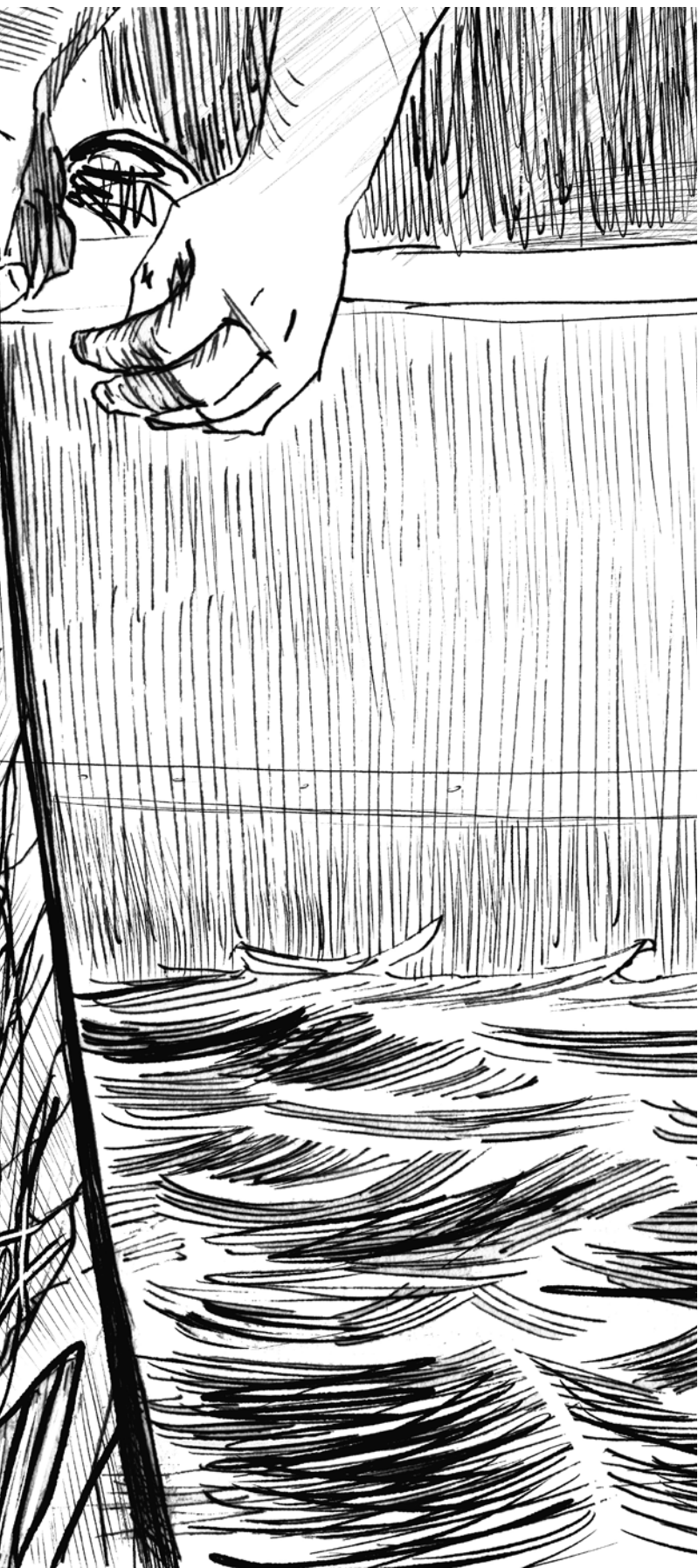
ИЛЛЮСТРАЦИЯ: ОЛЬГА ЛАМДО

Плавали пару раз в посёлок за хлебом и невольно оказались спасителями двух практически захлебнувшихся утопленников. Обычно рыбаки к обеду улов свой выменивают у проходящих речников на выпивку. К берегу вплотную не подплывают. Чтoб мотор не поднимать, привязывают лодку к кольям, а дальше по воде в броднях идут. Две лодки так встали, рыбаки из них выбрались. Оба тепленькие и едва живые. Тащатся по воде. И мы следом встали. Вдруг один то ли поскользнулся, то ли зацепился за что-то и прямо лицом в воду. Встать не может, захлебываться начал. Дружок ему на помощь кинулся и тоже упал. Лежит в воде, руки крестом раскинул. Я, не раздумывая, кинулся к ним. Сначала одного к лодке подтащил, потом другого. Загрузил бедолаг, моторы поднял, к берегу причалил и так оставил. Парни смеются: «Всё одно – медали за спасение утопающих никто не даст, в протоколе не зафиксировано». Ругнулся на них...

А охота там оказалась знатная. Место кормовое. Табушки один за другим пикировали в заводь, и мы, спрятавшись в кустах, выбирали любую утку по своему вкусу. Настрелялся я там от души и даже больше – синяк от отдачи приклада на плече долго не сходил. Но опять же птицу ощипывать надо, потрошить, палить, варить сколько положено...

ИЛЛЮСТРАЦИЯ: ОЛЬГА ЛАНДО

А вот рыбка речная куда как веселее шла. Мы соорудили на берегу примитивную коптильню – вялили, сушили, набирали впрок самые жирные хвосты, чтоб домой было что привезти.

Прошло недели две или три, отпуск мой уже к концу подходит. Ещё как-то до родного Тобольска добираться надо. На чём? Начали к капитану подступать, мол, выручай, век твоими должниками будем. Он пошутя, пошутил, что не мешало бы нам и на зимовку остаться, но потом серьёзно уже так говорит:

– Договорился с одним знакомым сухогрузом. Скоро мимо пойдёт, закинет вас в город. Только вы с ним рыбкой поделитесь, а то ему нынче некогда было промыслом заниматься.

Мы не против, только «за».

Ночью остановился этот самый сухогруз, забрал нас. На нём добрый мужик оказался. Кубрик нам приличный отвёл. Рыбы, что заготовили, совсем чуть взял. И через три дня мы уже стояли под стенами родного города. Распрощались и чуть не бегом по домам. Кончилось наше приключение. Только вот главное всё потом случилось...

Судьба или расплата?

Через месяц один из тех, что у нас в команде был, аварию по пьяному делу устроил, девчонку покалечил. Сразу его не закрыли, он и гужбанил. И надо же такому случиться, что поздней ночью его на проезжей дороге насмерть сбил какой-то горе-водитель. И скрылся. Похоронили, погоревали.

К тому времени и капитан наш из плавания вернулся. Встретились, поговорили. Через неделю другое известие не лучше первого: зарезал его строитель, что под его дом фундамент подводил. Не поделили что-то. Капитан-то был сам по себе человек тихий, сдержанный, но лишней копейки просто так никому не давал. Может, на том и разошлись.

Последний попутчик мой пострадал уж и вовсе дурным способом. Поехали шишку бить в соседний район, обратно возвращались по темноте, фары плохо горели. Налетели на брошенные разъявой-трактористом брёвна, в аккурат посреди дороги оставленные. Ему, бедняге, полноги оторвало. Приши-

ИЛЛЮСТРАЦИЯ: ОЛЬГА ГАМДЮ

ли как могли, но хромал до конца дней своих. Позже он с одним нашим общим дружкой разодрался и вцепил тому заряд дроби. Ушёл на зону на долгих восемь лет. На воле ещё пожить успел, сколько здоровье позволило.

Вот тогда-то меня раздумье и взяло. Думаю, что-то неладное с поездкой той нашей вышло. С неё все и началось. Не зря капитан говорил, чтоб не вольничали в чужой избушке – лишнего не брали, не пакостили. Ой, неспроста всё это. И хотя особо верующим человеком себя не считаю, но веру дедовскую пытаюсь соблюдать как умею. Много раз к этой ситуации возвращался: и так и этак посмотреть на неё пытался. С одной стороны – случай всему виной. Погибли, покалечились по дурости своей. Судьба, значит, так распорядилась. А с другой – не шли с ума те сожжённые заготовки и амулеты сорванные. Поручили чужое добро, вот оно всё так и обернулось против нас. И меня судь-

ба изрядно покрутила, потрепала, но самое главное – жизнь оставила. Одно скажу: в те северные края больше ни ногой. Хотя и звали меня друзья побывать в тех благодатных местах, но родной берег как-то милее, надёжнее. А чужие края, они хоть и заманчивы, да не для каждого доступны, открыты. К ним свой подход нужен, а не знаешь как, лучше не суйся.

На меня та дальняя поездка подействовала и вовсе непонятным образом: забросил навсегда охоту и все мои замечательные ружья стояли без дела долгое время, пока не решил сдать их навечно в соответствующие органы. Той же осенью ушёл с начальствующей должности и... впервые в жизни написал корявый, но всё же свой рассказ или очерк, сейчас и не вспомню. Так что на каждом из нас та поездка оставила свою отметину. И спорить с этим даже не буду, коль до сих пор влияние её на себе ощущаю. 🌐

